

28188



ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

преподавателей русской исторіи въ Московскомъ Университетѣ: профессоровъ **М. К. Любавскаго,**
А. А. Кизеветтера, **М. М. Богословскаго,** приватъ-доцентовъ **С. В. Бахрушина,**
А. Э. Вормса, **Ю. В. Готье** и **А. И. Яковлева.**

Вып. 8.

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ

КНИГА

О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ

и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

А. А. Кизеветтера.

Изданіе Н. Н. Клочкова.

Цѣна 1 руб.

МОСКВА.
1911.

Изданія Н. Н. Ключкова.

Имѣются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ слѣдующія книги:

- А. Бебель.** „Изъ моей жизни“. (Мемуары). Ц. 1 р.
- Э. Бернгеймъ.** Философія исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго прив.-доц. А. А. Рождественскаго. Ц. 40 к.
- Л. Дюги.** Соціальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Перев. съ французск. прив.-доц. А. С. Яценко, съ предисловіемъ проф. **А. С. Алексѣева.** Ц. 50 к.
- Г. Еллинекъ.** Соціально-этическое значеніе права, неправды и наказанія. Предисл. проф. **П. И. Новгородцева.** Ц. 1 р.
- Г. Еллинекъ.** Парламентъ и правительство въ Германіи, Цѣна 35 к.
- Г. Еллинекъ.** Адамъ въ ученіи о государствѣ. Ц. 20 к.
- Н. Маниавелли.** Князь. Переводъ съ итальянскаго С. М. Роговина. Ц. 60 к.
- Э. Меніаль.** Мопассанъ. Его жизнь и творчество. Ц. 1 р. 25 к.
- П. Наторпъ.** Философія, какъ основа педагогики. Съ предисл. **Г. Г. Шпетта.** Ц. 80 к.
- П. Наторпъ.** Философская пропедевтика. Переводъ **Б. А. Фохтъ.** Ц. 55 к.
- Ж. Палладинъ.** ...вскаго подъ ред. и съ
пре
Памяти ... **А. Кизеветтера.**
Ц.
Сборникъ ... 35 к.
Б. Спик ... **С. А. Котляревскаго.**
Ц.
Р. Шел ... Перев. съ нѣмецк.
Н
Ю. Энг
Ск
р. **Башмаковыхъ,**
Сл
Владимірскій, 19.

28/88

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

преподавателей русской истории въ Московскомъ Университетѣ:
профессоровъ В. О. Ключевского, М. К. Любавскаго, М. М. Бого-
словскаго, А. А. Кизеветтера, приватъ-доцентовъ С. В. Бахру-
шина, А. Э. Вормса, Ю. В. Готье и А. И. Яковлева.



И. ПОСОШКОВЪ.

~~21/88~~

КНИГА

О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ

И НѢКОТОРЫЯ БОЛѢЕ МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

„Много Нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши
острою по благодати Божіей, не хуже ихъ, а
они ругаютъ насъ напрасно“ (Слова Посошкова
изъ донесенія Боярину Головину).

Съ предисловіемъ А. А. КИЗЕВЕТТЕРА.

Изданіе Н. Н. КЛОЧКОВА.

Москва.

1911.

Рубль 18.
85 коп.

39

Библиотека НКФ СССР

✓

85159

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ, крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго, представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи нашей культуры. Публицистъ-самородокъ, вѣчно погруженный въ хлопотливья хозяйственныя предпріятія, безъ школьной подготовки, безъ литературныхъ руководителей, слѣдуя исключительно непроизвольному влеченію души,—онъ всю жизнь не расстаётся съ перомъ и повѣряетъ бумагѣ плоды своей неутомимой мыслительной работы по обсужденію вѣчно волновавшихъ его вопросовъ о смыслѣ человѣческой жизни, о наилучшихъ путяхъ къ достиженію общественнаго блага.

Ломоносовъ живо интересовался сочиненіями Посошкова. То не было случайностью. При всей несоизмѣримости дарованій Ломоносова и Посошкова,—одинъ былъ геній, другой—лишь яркій и сильный талантъ,—эти два крестьянина XVIII столѣтія, архангельскій и московскій,—несомнѣнные братья по духу. Печать творчества мысли и горячей заботливости сердца о благѣ народномъ ярко выступаетъ на произведеніяхъ Посошкова. Ему не довелось изощрить свой умъ въ научной школѣ, какъ это удалось Ломоносову, вооружившемуся всѣми достѣхами современной ему европейской науки. Посошковъ на всю жизнь остался самоучкой, и потому-то онъ заплатилъ такую щедрую дань предразсудкамъ и заблужденіямъ воспитавшей его эпохи. Тѣмъ любопытнѣе наблюдать по его сочиненіямъ, какъ сквозь кору общихъ мѣстъ, неразлучныхъ съ обычнымъ міросозерцаніемъ человѣка конца XVII и начала XVIII вв., вдругъ прорываются смѣлыя, творческія идеи, изъ которыхъ нѣкоторыя являлись въ свое время новостью даже для западно-европейской науки, а иныя и до сихъ поръ еще ждутъ своего окончательнаго признанія и практическаго осуществленія у насъ, въ Россіи. Такъ, въ своихъ богословскихъ и религіозно-нравственныхъ трактатахъ „Зеркало очевидное“ и „Завѣщаніе отеческое къ сыну своему“ Посошковъ всецѣло стоитъ на почвѣ міросозерцанія, типичнаго для русскихъ людей XVII ст., съ ихъ пристрастіемъ къ внѣшней, обрядовой сторонѣ религіи, съ ихъ крайнимъ суевѣріемъ и фанатической нетерпимостью къ „инако мыслящимъ“. И въ то же время онъ проявляетъ свободную ясность взгляда и независимую остроту ума при сужденіяхъ о практической сторонѣ жизни и о тѣхъ преобразованіяхъ въ государственномъ строѣ и общественномъ бытѣ, которыя онъ считаетъ необходимыми для блага своей родины. Въ

этомъ отношеніи главное сочиненіе Посошкова „Книга о скудости и богатствѣ“ можетъ быть разсматриваема, какъ блестящій памятникъ самобытнаго творчества мысли, прирожденной умственной даровитости. Разсуждая въ этомъ сочиненіи объ основахъ народнаго богатства, Посошковъ совершенно независимо отъ неизвѣстныхъ ему первыхъ опытовъ только еще зарождавшейся на Западѣ экономической науки выставляетъ рядъ положеній, свидѣтельствовавшихъ о необычайной прозорливости его ума. Въ полномъ противорѣчьи со всѣмъ тѣмъ, что творилось въ окружающей дѣйствительности, въ полномъ противорѣчьи и съ древне-московской традиціей, и съ руководящими началами преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, Посошковъ провозглашаетъ ту истину, что экономическая крѣпость и сила страны выражается не въ преуспѣяніи фиска, а въ благосостояніи народа. Отъ человѣка того времени для исповѣданія такой аксіомы требовалась поистинѣ необычная сила самостоятельнаго мышленія.

Обсуждая отдѣльныя желательныя экономическія мѣропріятія, Посошковъ опять-таки отдаетъ порою дань популярнымъ въ его время возрѣніямъ. Такъ, напримѣръ, онъ приписываетъ чрезвычайное значеніе мѣрамъ внѣшней принудительной регламентаціи по урегулированію экономическихъ отношеній и, настойчиво рекомендуя такія мѣры, примыкаетъ къ принципамъ насаждавшагося тогда Петромъ полицейскаго государства. Но на-ряду съ этимъ съ его пера срываются такія мысли и предложенія, которыя далеко опережали не одну только эпоху Петра Великаго. Такъ, онъ настаивалъ на учрежденіи „народосовѣтія“, т. е. народнаго представительства, какъ на самомъ вѣрномъ способѣ для поднятія благосостоянія страны и укрѣпленія дѣйствительной силы государства. Онъ требовалъ ограниченія крѣпостнаго права посредствомъ законодательнаго нормированія размѣровъ крѣпостныхъ повинностей и окончательнаго отдѣленія земель крестьянскихъ отъ земель помѣщичьихъ. Онъ высказывалъ по отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ народнаго хозяйства,—напр., лѣсоводству, рыболовству и т. п.,—такія идеи, которыя и на Западѣ получили теоретически-научное обоснованіе и права гражданства въ жизненной практикѣ лишь долго спустя послѣ появленія его книги. Наконецъ, Посошковъ категорически настаивалъ на необходимости осуществленія всеобщаго обязательнаго обученія, безъ чего,—говорилъ онъ,—народу „чинится не малая пакость“. Въ этомъ вопросѣ даже и въ русскомъ обществѣ нашихъ дней Посошковъ, несомнѣнно, явился бы передовымъ радикаломъ.

Къ такимъ широкимъ заключеніямъ приводило Посошкова не предубѣжденное, чуткое и вдумчивое наблюденіе надъ окружающей дѣйствительностью съ ея недостатками и нуждами. Это не были произвольныя выкладки отвлеченно-теоретизирующаго ума. Предпримчивость, изобрѣтательность, постоянное стремленіе къ плодотворной дѣятельности отличали Посошкова не только въ его писаніяхъ, но и въ его жизненной работѣ. Его жизненный путь не былъ гладокъ.

Въ различныхъ начинаніяхъ, за которыя онъ брался, побуждаемый своимъ дѣятельнымъ темпераментомъ, ему не разъ приходилось испытывать всю тягостность жизненнаго положенія „мизернаго крестьянина“, какъ онъ любилъ называть себя. Его дарованій не цѣнили и не обнаруживали желанія какъ слѣдуетъ ими воспользоваться. Ему не давали ходу частью по недоброжелательству, частью просто по небрежности и невниманію къ „маленькому“ человѣку, съ которымъ нечего особенно церемониться. Благодаря упорной предпримчивости Посошковъ, несмотря на всѣ невзгоды, скопилъ себѣ нѣкоторый достатокъ (впрочемъ, объ его зажиточности нерѣдко сообщаютъ преувеличенныя свѣдѣнія); но все это относительное благосостояніе вѣчно висѣло на волоскѣ и не дало ему возможности оборониться отъ того послѣдняго удара, который палъ на его голову на старости лѣтъ.

Посошковъ родился въ 1652 или 1653 г. Въ молодости онъ много разъѣзжалъ по Россіи, побывалъ и въ различныхъ мѣстностяхъ средней Россіи и на степной Украинѣ и въ понизовыхъ городахъ по Волгѣ. Одно время онъ держалъ винокуренный заводъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ. Въ началѣ 90-хъ годовъ XVII в. онъ поселился въ Москвѣ, выкупивъ изъ залога домъ, принадлежавшій еще его дѣду за рѣкой Яузой. Здѣсь онъ познакомился съ строителемъ Андреевскаго монастыря Аврааміемъ, по порученію котораго дѣлалъ модель станка для чеканки денегъ. Когда Авраамій былъ привлеченъ къ отвѣтственности за подачу Петру обличительныхъ тетрадей съ порицаніемъ потѣшныхъ походовъ Петра, Посошковъ едва не пострадалъ за близость къ Авраамію, но благополучно выпутался изъ этого дѣла. Затѣмъ онъ служилъ мастеромъ денежнаго дѣла при Оружейной палатѣ, и когда въ 1700 г. рѣшено было дѣлать круглыя мѣдныя деньги и нигдѣ не могли сыскать мастеровъ, могущихъ соорудить потребные для того инструменты, Посошковъ самостоятельно „все то денежное дѣло установилъ“. Въ томъ же году Посошковъ на сержантскомъ дворѣ въ Преображенскомъ бесѣдовалъ съ Петромъ и представилъ ему свой проектъ огнестрѣльныхъ рогатокъ. Проектъ понравился Петру. Посошковъ сдѣлалъ и модель изобрѣтенной имъ рогатки, но изобрѣтеніе осталось втунѣ въ виду того, что вновь образованная регулярная армія получила иноземное вооруженіе. Тогда же Посошковъ сообщилъ правительству объ открытомъ имъ сѣрномъ пріискѣ, важномъ для развитія пороховаго дѣла. Посошкову обѣщано было за это „великое награжденіе“, но все ограничилось тѣмъ, что ему выдали 50 рублей. Въ 1704 г. Посошковъ затѣялъ новое дѣло: онъ испросилъ у правительства на откупъ производство игральныхъ картъ, предложивъ измѣнить рисунки на картахъ, и составилъ для этой цѣли компанію съ двумя купцами. Компанія, однако, разстроилась, и Посошкову пришлось удовольствоваться службой въ казенныхъ водочныхъ мастерскихъ въ Москвѣ. Въ началѣ 1708 г. онъ подалъ прошеніе о зачисленіи его къ „строенію водокъ“ въ Петербургѣ и другихъ городахъ Ингерманландской губерніи. Однако, Меньшиковъ, состоявшій ингерман-

ландскимъ губернаторомъ, отказалъ Посошкову, безъ всякихъ основаній предположивъ, что Посошковъ „прилучился въ ратушѣ въ воровствѣ“. Цѣлый годъ Посошковъ оставался не при чемъ, и въ теченіе этого-то года онъ составилъ свое первое обширное сочиненіе „Зеркало очевидное“, посвященное обличенію раскола. Черезъ годъ ошибка Меньшикова раскрылась, и Посошковъ получилъ мѣсто водочнаго мастера въ Новгородѣ, гдѣ сталъ заниматься также мелкой торговлей. Здѣсь онъ устроился надолго и въ теченіе своей новгородской службы приобрѣлъ домъ въ Петербургѣ за 400 р. и нѣсколько деревень въ Устрицкомъ погостѣ Бѣжецкой пятины и въ Кашинскомъ уѣздѣ, два двора въ Новгородѣ, построилъ винокуренный заводъ и держалъ на откупъ устрецкій таможенный мелочной сборъ съ винной продажи. Все какъ-будто свидѣтельствовало о томъ, что житейскія затрудненія окончательно миновали и что Посошкову предстояло провести остатокъ жизни въ покоѣ и матеріальномъ довольствѣ. Въ 1725 г. онъ задумалъ еще далѣе расширить свои предпріятія и подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему завести коломинковую и полотняную фабрику въ Новгородѣ своимъ коштомъ. Лѣтомъ 1725 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу объ учрежденіи фабрики, и тутъ-то надъ нимъ и стряслась внезапная бѣда, окончательно его погубившая и навсегда обезпечившая ему почетное мѣсто въ самомъ началѣ длиннаго списка страстотерпцевъ русскаго свободнаго слова.

Устроившись въ Новгородѣ, Посошковъ среди всѣхъ своихъ хозяйственныхъ заботъ не потушилъ въ своей душѣ той ревности къ вопросамъ общественнаго блага, которая заставляла его „въ преизбыточной горячности“, иногда „и нужду свою домовную презрѣвъ“, предаваться литературно-публицистической дѣятельности. Въ 1719 г. онъ заканчиваетъ второе свое обширное сочиненіе, „Завѣщаніе отеческое сыну“, а въ 1724 г., уже 72-лѣтнимъ старикомъ, пишетъ свой главный трактатъ „Книгу о скудости и богатствѣ“ и представляетъ ее въ августѣ 1724 г. при прошеніи самому государю. Поступая такъ, Посошковъ, очевидно, раздѣлялъ то самое убѣжденіе, во имя котораго въ концѣ того же столѣтія Радищевъ твердо вѣрилъ въ успѣхъ своей знаменитой книги у просвѣщенной и либеральной государыни. Посошковъ имѣлъ основаніе предполагать, что его трудъ будетъ по достоинству оцѣненъ царемъ-преобразователемъ. Онъ ошибся, такъ же какъ и Радищевъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ представленія книги Петру Посошковъ былъ арестованъ и отправленъ въ „Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ“. Пять мѣсяцевъ протомился семидесятилѣтній старикъ въ заключеніи и не пережилъ этого удара. 1-го февраля 1726 г. Посошковъ скончался и былъ погребенъ на кладбищѣ колодниковъ Тайной Канцеляріи.

Посошковъ высоко ставилъ преобразовательную дѣятельность Петра, хотя и не былъ согласенъ со всѣми ея проявленіями. „Видимъ мы вси,—писалъ Посошковъ въ своей „Книгѣ о скудости и богатствѣ“,—какъ великій нашъ монархъ о семъ трудить себя, да ничего не

успѣеть, потому что пособниковъ по его желанію немного; онъ на гору еще и самъ десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ: то какъ дѣло его споро будетъ?”

Въ лицѣ самого Посошкова,—умнаго, опытнаго и горячо преданнаго общественному благу,—для Петра былъ готовъ, несомнѣнно, драгоценный „пособникъ“, но Петръ, лично выдавшій Посошкова, просмотрѣлъ его умъ и его талантъ и безопасно предалъ его въ руки Тайной Канцеляріи. Быть можетъ, это наиболѣе темный штрихъ на свѣтломъ историческомъ обликѣ Преобразователя.

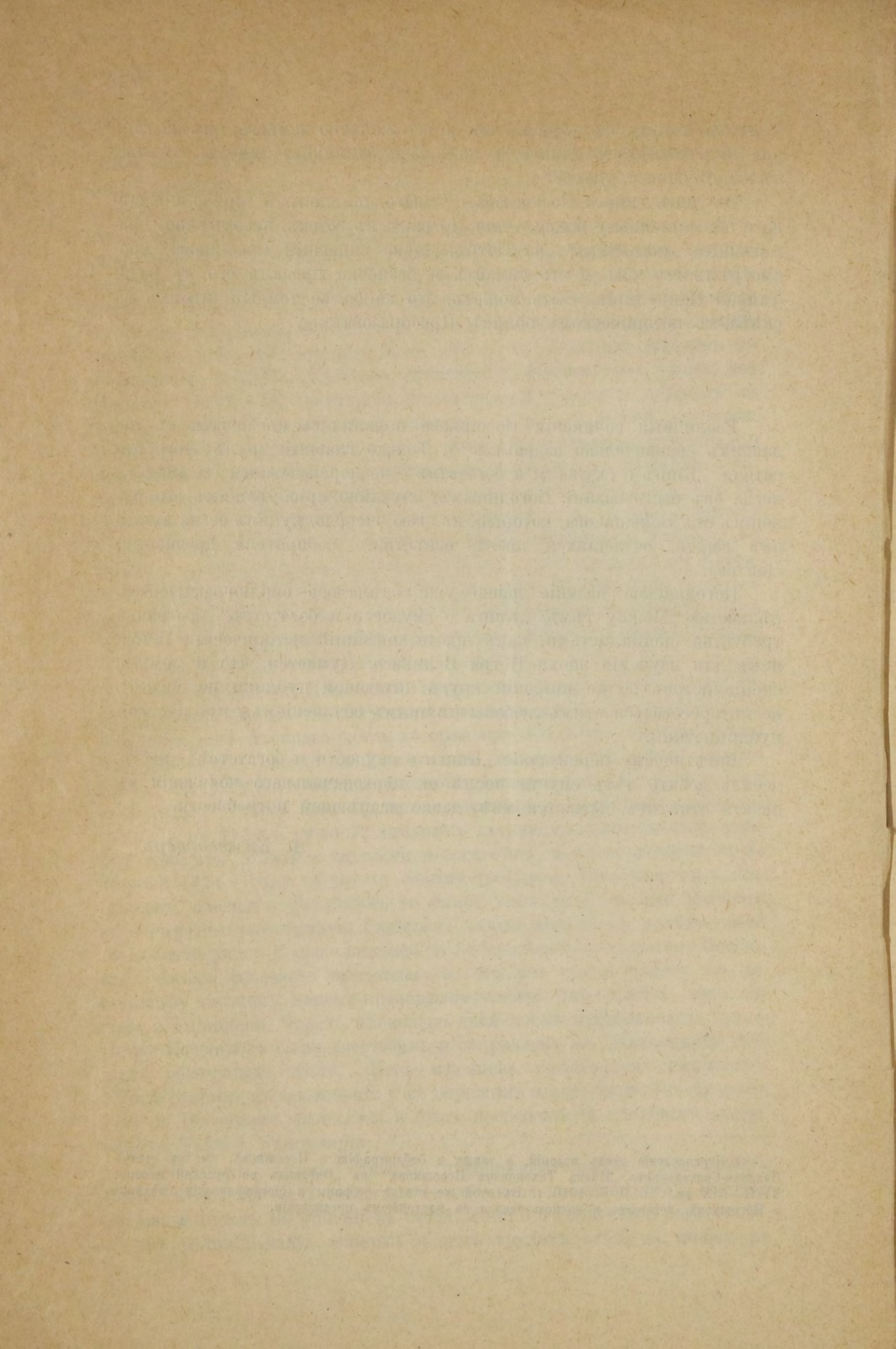
Различныя сочиненія Посошкова появлялись въ печати въ недавнихъ сравнительно изданіяхъ *). Только главный трудъ этого писателя, „Книга о скудости и богатствѣ“, не переиздавался съ 1842 г., когда онъ былъ изданъ Погодинымъ, случайно приобрѣвшимъ его рукопись отъ Большакова, который, въ свою очередь, купилъ ее на аукціонѣ вещей, оставшихся послѣ извѣстнаго собирателя древностей Лаптева.

Погодинское изданіе давно уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Между тѣмъ, „Книга о скудости и богатствѣ“ постоянно требуется специалистами, какъ драгоценнѣйшій историческій источникъ для изученія эпохи Петра Великаго. Думается, что и помимо специалистовъ болѣе широкой кругъ читающей публики не можетъ не интересоваться этимъ любопытнѣйшимъ сочиненіемъ отца русской публицистики.

Вотъ почему переизданіе „Книги о скудости и богатствѣ“ шестьдесятъ девять лѣтъ спустя послѣ ея первоначальнаго появленія въ печати отвѣтитъ, думается мнѣ, давно назрѣвшей потребности.

А. Кизеветтеръ.

*) Перечисленіе этихъ изданій, а также и библиографію о Посошковѣ, см. въ статьѣ Павлова-Сильванскаго „Иванъ Тихоновичъ Посошковъ“ въ „Очеркахъ по русской исторіи XVIII—XIX вв.“. С.-П.-Б. 1910 г. Въ этой же статьѣ собраны и біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ, которыми я воспользовался въ настоящемъ предисловіи.



КНИГА

О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

СІЕ ЕСТЬ ИЗЪЯВЛЕНІЕ,

отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается.

Азь, мизирный Его Императорскаго Величества рабчищъ, мнѣніе свое сицево предлагаю о собраніи Царскихъ сокровищъ, сице, еже вѣрнымъ Его Величества рабомъ тако подобаетъ пещися, ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и не токмо собраннаго, но и несобраннаго прилежно смотрѣти, дабы даромъ ничто нигдѣ не лежало и не погибало.

Подобне и о всенародномъ обогащеніи подобаетъ пещися безъ уятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ пїанственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же женъ своихъ и дѣтей своихъ, въ скудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ разширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежація казны много, ниже то царственное богатство, еже синклить Царскаго Величества въ златотканыхъ одеждахъ ходить; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ: ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончевають. Паче-же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть, о истинной правдѣ; правдѣ *—отець Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволь, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончеваеть, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ.

Самъ бо Господь Богъ рекъ: *Ищите прежде царства Божія и правды Его*; и прирече глаголя: *яко вся приложатся вамъ*, то есть, богатство и слава. (Матѣ. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится; и вси, яко богаты, тако и убозіи, между собою любовію имуть жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидитъ не пу-

* Въ подл. правда, въ спискѣ Стр. это слово пропущено.

скасть, а любовь принудить другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочной случится, то не морщася, платить будутъ. И аще Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичъ, по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелить, то я чаю, и безъ прибавочныхъ поборовъ преизлище царская сокровища наполнятся. И тако на Бога надежду имамъ еже и настоящихъ прежнихъ со крестьянъ поборовъ ѹбудеть.

По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ, за еже Царь, яко Богъ, еже восхощетъ во области своей можетъ сотворить: но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никими мѣрами народу всесовершенно обогатится не возможно.

Первъеже предложимъ расположеніе о духовномъ правленіи, потомъ о воинскомъ и о прочихъ мірскихъ дѣлехъ, и о здоровомъ и гобзовитомъ и постоянномъ собраніи интереса Его Императорскаго Величества.

1. Священство, стоить и утверждение всему благочестию и всему человѣческому спасенію; ибо безъ него никаковыми мѣрами до царства небснаго никакому человѣку дойти невозможно. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди,—а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольни; и сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется: токмо мнѣ, аще бы страшно мнѣ изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а я инако не вѣмъ, како мнѣ восписати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошности архіерейскія тако чинится: понеже полагаются на служебниковъ своихъ въ оставленіи и новостѣмъ, а кто бо принудитъ отъ новоставленника даръ, да затвердитъ ему, да пастыри и аямы двачри, отъ передъ Архіереемъ заставлятъ, да затверженное чинятъ, а той ставленникъ ясно и вѣдливо и шлобынно пробѣянитъ, и Архіерей того не вѣдая, духищреннаго подлога, посвящаютъ во пресвитеры, ни отъ такова порядку чинныхъ, а прамота отъ шлоха. А аю, моему мнѣнію, аще бы кой ставленникъ до вѣщности учился, но ачѣ надлежитъ него испытати, наковы онъ въ разумѣніи во всякомъ разсужденіи, да тогда уже его посвящать бы. А буде, которой и граматикъ учился, а смыслу и разсужденія нѣсть въ немъ, и таковыхъ во пресвитеры посвящать, мнѣ сян мнѣ, и отнюдь не надлежитъ. А аче ученія надлежитъ во пресвитерахъ, и искать умнаго разсудительства, да чтобы онъ могъ пастыремъ быть словесныхъ овецъ: аще бы кто пошляко градскіе, да тако ит селскіе, а быти разумительны, да то никони дѣлае, да пошлякомъ въпроситъ, да народъ размножитъ, а быти невозможно, и по надмаю возникнутъ, а быти мнѣ, не како, и носемъ пречелся въ настоящей главѣ, да тотъ то

2. Военной людъ—стѣна и твердо забрано царству, а командиры ихъ а суди военнаго правленія не имутъ попеченія о нихъ, чтобы они ни голодны, ни холодни были; но всемъ бы довольны; зѣлобо о нихъ слышно, что отъ недостатку великую нужду поддеваютъ; ибо инымъ солдатамъ на мѣсяць и по десяти алтынъ не приходится, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шуба или рукавицы и иныя потребности, такожде и харча на что ему кушать? и въ такой скудости живучи, какъ ему и не своровать, и какъ ему изъ службы не збѣжать? нужда не токмо въ збѣжаніи принудитъ, но и змѣнитъ готовъ будетъ, а змѣня и ратникомъ на своихъ будетъ. О солдатахъ и о драгунехъ надлежитъ весьма великое попеченіе имѣть, и ииного того смотрити, дабы они и пищею и одеждою были не скудны, а егда тѣмъ будутъ довольны, то они и въ службѣ будутъ исправны; и сего ради, яко главныхъ полковъ, такъ и мундирныхъ и нововыбранныхъ полковъ, все не быти бы, не голодни, ни холодни.

А и сіе едва право ли учинено по нѣмецкому артикулу, или нашихъ командировъ вымыселъ, еже солдату или драгуну мундиръ дадутъ, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья и вычтутъ, и того ради вычету инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ на мѣсяць, и мнѣ я, что Его Императорскому

Величеству не весьма извѣстно, и о всемъ пространнѣ речется въ настоящей главѣ о воинствѣ.

3. Древній Россійскихъ людей обычай былъ, еже въ приказахъ имѣть челобитчиковъ множество, и такъ бывало ихъ много, что иногда никони дѣлы до судьи дойти худосильному не мочи; къ томужъ, насажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ, да, перековавъ, распустятъ по улицамъ милостыни просить; и тѣмъ они Россійское царство безчестятъ, что ни въ коемъ государствѣ толкаго числа колодниковъ не сыщется, сколько у насъ; и сіе чинится ни отъ чего иного, токмо отъ нерадѣнья судейскаго, и о семъ пространнѣ речется во главѣ сужейства.

4. Купечество у насъ въ Россіи чинится вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ непрямую, и между собою союза нимаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества.

А торгъ дѣло великое! Надобно судьямъ всѣмъ объ нихъ попеченіе имѣть неоскудное; понеже купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества никакое и даже малое государство быть не можетъ; и того ради подъ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ, и отъ обидъ ихъ оберегати, дабы они ни отъ кого обидимы не были, и во убожествѣ не входили, и Его Императорскому Величеству приплодь бы несли со усердіемъ; и о семъ пространнѣ речется въ настоящей главѣ.

5. И въ художественныхъ мастерствахъ весьма дѣется у насъ въ Россіи не исправно; въ началѣ, егда кой человекъ отдается въ наученіе къ мастеру, и поставитъ срокъ, къ которому ему выучиться, и аще мастеръ не скроется и научитъ его скоро, то онъ не доживъ срока и станетъ прочь отбиваться, и отшедъ, станетъ дѣлать собою; и аще хуже мастерскаго станетъ дѣлать, то онъ цѣны сбавитъ, да и мастерство все погубитъ. И за такимъ порядкомъ въ Россіи у насъ и нѣтъ самого добраго мастерства; и о художествѣ пространнѣ речется въ настоящей главѣ.

6. Разбойниковъ у насъ въ Россіи, паче иныхъ государствъ, множество; ибо не токмо по десяти или двадцати человекъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человекъ въ артели и больше, (и аще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни коими дѣлы обогатится не возможно). А вся сія чинится отъ неправаго сужейства; ибо егда какова вора или разбойника приведутъ, то аще и попытаютъ его, да посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его лѣтъ десять или больше; а въ такое протяженіе времени многіе уходили, а ушедъ пуще стараго воровали, а иныхъ разбойниковъ судьи, вмѣсто смерти, пакы отпускали на старые ихъ промыслы, и на то надѣясь, безбоязненно воровали и о истребленіи ихъ въ настоящей главѣ речется.

7. Надлежитъ же и о крестьянствѣ вспомануть, чтобъ и ихъ отъ разоренія и обидъ поохранить, и въ лѣностибъ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣности во всеконечную скудость не приходили: аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудилсь бы, овые въ лѣсахъ, овыежъ въ домовыхъ рукодѣльяхъ, и иніи же въ подводахъ сѣздили, а лежа, своего припасеннаго хлѣба, не потрудився, не ѣлибъ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коихъ крестьянъ лошадей добрыхъ нѣтъ, и въ подводы наняться не начемъ, тѣ шлибъ въ людскія работы и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили; и о семъ пространнѣ въ настоящей главѣ речется.

8. Дворяне при животѣ своемъ и по смерти сродниковъ своихъ земли дѣлятъ на малые разные жеребьи, одну пустошь раздѣляютъ частей на десять и больше, и въ томъ лице ссора, да бѣда, да смертное убійство, и такое обыкновеніе весьма нездорово.

А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило. еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою Монарха нашего есть, а платежа съ нее и малаго нѣтъ. Дворяне накупаютъ пустошей, да въ наймы отдаютъ, и многія

деньги на каждый годъ кортомы съ нея берутъ, а Великому Государю ни по деньгѣ на годъ не платятъ; и о семъ о всемъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

9. Россійское Царство на пространнѣйшемъ мѣстѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны въ царскія сокровища весьма негобовито собирается; ибо въ военное время не достаетъ того собранія на военные расходы; а пространства земли въ немъ толико, еже и пчислити неможно, а нѣтъ съ нея ни малаго особливаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежъ по ней самой малой, чтобъ лице никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа миллионное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему Великому нашему Монарху была бы, и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирать, то тако мочно нашему Великому Государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждый годъ миллиона по дватри за всякими расходы въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ; и о семъ въ настоящей главѣ царскаго интереса речется.

Во изъявленіи моемъ семъ предложилъ девять главъ, а вся сія девятирица главъ состояются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію; и аще на всю сію девятирицу съ высоты Богъ милостивно призритъ, а съ низоты Императора нашего Великаго изволеніе всеусердное произыдетъ; то не токмо едина царская сокровища со излишествомъ наполнятся, но и весь народъ обогатится, и вражды многія прекратятся; и егда сія девятирица оснуется и твердо укоренится, то, яко рѣка, теши имать повсягодно, неумолчно и неизмѣнно.

ГЛАВА I.

О духовности.

Въ духовномъ чину аще будутъ люди неученые, и въ писаніи неискусные, и вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе, и воли Божіей неразумѣющіи, ктому же аще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша христіанская вѣра вся исказится и весьма испразнится, и вмѣсто древняго, единогласнаго благочестія, вси разыдутся въ разногласные расколы и во иныя еретическія вѣры.

Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается; ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся.

А пресвитеровъ аще и много во градѣ, обаче не пекутся о томъ, еже бы отъ таковыя погибели ихъ отвратити и на правый путь направить; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакають имъ, и того ради церкви всѣ уже запусѣли, и такъ было до нынѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человекъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталоса. А нынѣ Архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинаютъ ходить ко святой церкви. Гдѣ бывало человека по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольническая ересь.

А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ люторскія или отъ Римскія ереси, но отъ самого дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти

адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются, и небрегутъ о семъ.

Не постави. Господи Боже мой, сего моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносителю на пастырей своихъ писати; самъ вѣсь, ни предъ Богомъ, ни предъ Царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправень; но токмо едино отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе.

Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ.

И ради таковыя священнической неисправности надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе приложить, дабы пресвитеры были всему благочестію опора, и отъ ересей забрало, и отъ адскихъ волковъ оборона, и людей Божиихъ отвлачилибъ отъ погибельныхъ вратъ.

И ради таковаго исправленія пресвитеру подобаетъ, подобно Апостоламъ Христовымъ, чтобъ они ни о здравіи своемъ, ни о богатствѣ, ни о пищѣ своей тако не пеклися, како о спасеніи душъ человѣческихъ, понеже Богъ всѣхъ погибшихъ възыщетъ на нихъ.

И ради таковаго исправленія мнѣ ся мнитъ Его Императорскому Величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобратъ, чтобъ всякія скрытности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякія падежи и склоненія, и тако, исправя оную, напечатать бы ихъ тысячъ пять-шесть, или и десятокъ.

Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять-шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія; на печатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орфографіи не можно растолковать и научиться, чтобъ по ней правописаніе разумѣть. Къ томужъ еще и бумагу положили въ нихъ саму плохую, коя ни куда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а грамматика — дѣло высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была.

И во всѣхъ епархіяхъ построить бы школы пространныя, и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уѣздныхъ, отъ десяти-лѣтнихъ даже до двадцати-пяти лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума.

И положить о семъ недвижимый предѣлъ: буде кой человѣкъ школьнаго ученія не принесъ, и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь во пресвитеры и діаконы не посвящати: то кѣи причетники церковные пожелаютъ пресвитерства, то будутъ и тридцати-лѣтныя въ школы и безъ поужденія прихода учиться и ученіемъ своимъ будутъ поспѣшати. И таковыя люди годы въ два-три научиться могутъ; понеже себя ради будутъ поспѣшати и со охотою учиться имутъ. И который изъ нихъ ученіе грамматическое твердо приметъ, а лѣтами своими еще младъ, то таковыхъ надлежитъ и риторикѣ поучить, или и философіи; и тѣи не токмо во пресвитерскій санъ, но и во Архіерейство будутъ годны и учителями могутъ застати.

И таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудритися не весьма многими лѣты; и сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися; понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людямъ вельми охотно и любезно бываетъ.

Аще сіе утвердится, еже во пресвитерство неучившихся въ школахъ не посвящати, то не мочно будетъ того миновати, еже бы желающему пресвитерства

не поучитися въ школѣ, то я чаю, что другъ друга будутъ ученіемъ своимъ и предваряти.

А еще и въ монастыряхъ, во архимандриты и во игумены, не бывшихъ въ школьномъ ученіи не посвящати же, то многіе и иноки будутъ грамматическаго ученія касатися, и всякому книжному разумѣнію внимати; а въ возрастѣ сущимъ паче грамматическаго ученія потребно книжное разумѣніе, и того ради вельми потребно и инокамъ до школы ходити, и тамо отъ духовнаго учителя учиться и вразумлятися всякому благочестію и страху Божию, и священная писанія толковати, и всякому доброму нраву навикати и въ доспытацияхъ подтверждатися.

А егда грамматики и всякаго благоразумія научатся и книгъ Божественнаго писанія начтутся, то не то что раскольнику, но и Лютору и Римлянину, могутъ отпоръ дати и уста ихъ заградити: понеже всѣ они отъ истиннаго христіанства совратились, и бродятъ вси, яко козлята, по непроходимымъ дебрямъ и по неудобнымъ возшествіа стремнамъ, и тако въ далекіи пути зашли, что и возвратитися къ прежнему благочестію не могутъ. И егда священничестіи дѣти и прочіе церковники научатся грамматическаго ученія, и книжнаго разумѣнія навикнутъ всесовершенно, то и о паствѣ своей прилежнѣе будутъ пещися, дабы адскіе волки не раскудили ихъ.

А нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра, и не до сего ста, но есть таковыя, что ч церковныя службы, како прямо отпразднати, не знаютъ; да и знать не по чему: печатнаго двора справщики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житія утыли, и не хотятъ яснаго изъявленія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобы всякой могъ разумѣти, какъ что отпразднати. Но токмо той пресвитеръ мало-мало и можетъ прямо отпразднати, кой довольное время побудеть въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ, тотъ то лише можетъ по надлежащему службу церковную отпразднати; а буде кей подъ началомъ не много побылъ, то ничего по книгамъ отпразднати не можетъ.

А по прямому дѣлу надлежало было о всякомъ служеніи напечатать въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ ясно, дабы и простолюдинъ могъ разумѣти, какъ что отпразднати. А нынѣ многіе на угадъ отпраздняютъ, какъ кому примыслится. И сіе стало не весьма добро, что такъ дѣется; того ради и во градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивитъ нечего.

И ради совершеннаго въ церквахъ служенія и исправленія о всякой службѣ надлежитъ въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ напечатать мѣлкою печатью толкостное расположеніе, какъ коя служба или дѣйство какое начати, и какъ отпразднати и совершити. И еще обо всемъ будетъ ясно напечатано, то во всѣхъ церквахъ не токмо въ градскихъ однѣхъ, но и въ засельскихъ всякое служеніе отпразднати имать согласно.

И ради всесовершеннаго исправленія не можно пребыть еже бы не напечатать тонкостнаго расположенія о всякомъ священнодѣйствіи, а въ состроенныя школы послать учителей иноческаго чина и мірскаго, кои грамматическаго ученія искусны и другихъ учительныхъ книгъ, кои книжнаго разумѣнія искусны и церковнаго круга навичны, и кои въ Божественномъ писаніи учинятся знающіе, еже непоемныя реченія могли разсуждати.

И грамматическіе бы учителя учили своего ученія грамматическаго до обѣда, или рещи, до полудни; а съ полудни бы тѣ другіе учителя, иже Божественнаго писанія искусны, учили бы ихъ страху Божию и книжному чтенію и церковному обхожденію, паче же того, какъ Бога знать, и какъ его почитать, и какъ къ нему молитвы своя приносить, и Божественная литургія съ каковымъ страхомъ служити, и въ дѣйствіяхъ тоя святыя литургіи какъ къ Богу умъ свой возводити, и дѣтей своихъ духовныхъ пасты, чтобы отъ паствы ихъ адскіе

волки не расхитили, и сверхъ того ученія давали имъ книги читать духовныя и гражданскія и бытейскія. И того ради надлежитъ Библию напечатать нехмаломъ число, и во всѣ школы книгъ по пяти-шести разослать, и такожь и маргаритовъ, соборниковъ учительныхъ, евангеліевъ тойковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четвьихъ миней, а ради церковнаго служенія мѣсячныя миней и прочихъ книгъ въ церквномъ служеніи употребляются, дабы въ школахъ будучи научились прежде пріятія священства всего церковнаго служенія и управленія здраваго. И ради утвержденія въ вѣрѣ, и ради охраненія отъ лютеровскія и кальвинскія и прочихъ прочихъ иконоборцевъ напечатать книги коико надлежитъ: Камень, Вѣры, иже блаженной памяти Преосвященный Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій сочинилъ, и книгъ по пяти-шести въ школы разослать, и чтобы тотъ въ школахъ каменъ желающіе пресвитерства затвердили его на память, и чтобы во всякомъ отвѣтѣ помнитъ изустъ сказать. Также же и прочіи желающіе въ благочестіи жить, а негли случится коему во Архирействѣ быти, въ домъ ихъ будучи, весьма паче пресвитерскаго той святой Камень, и вѣры и прочія книги каменемъ могли изоустно еретическія члнбствіа сокрушати, и ереси и еретиковъ и

Радиже обличенія раскольника книгу Рубикъ иль Вернаго, очевидно иже раскольниче словіе обличаютъ, и всю ихъ неправоту в явство являютъ, и пріят же книгу, названную Працею, дабы изъ той в явство каменіемъ духовнымъ явспути щеннымъ далече ихъ прогнати и безъ вѣсти ихъ сотворити, дабы они не вѣрныя овецъ стада Христова не влѣзли, и Христовыхъ овецъ не вѣржали, и быди тѣхъ книгъ Розыска и Праци и Зерцало, буде будеть принято, иже напечатать, и по пяти-шести въ школу разослать же.

А не худо бы и на нынѣ еретическія вѣры, на Фимотианскую и на Унгарскую и на Армянскую, и на древнія ереси, яко на Аріяскую, на Несторіеву, на Аполоніеву наріеву, на Евтихіеву, на Севирову и на прочія, кои уже истребилися, напечатать изъявленія, дабы наши пастыри вси та лукаваго діавола истреблѣи разумѣли, и возразить ихъ чѣмъ знали. И аще пресвитеры будутъ въ вѣрѣ еретическихъ силу знати, и будутъ разумѣть, чѣмъ ихъ обличить, и чѣмъ избегаютъ ихъ оградить, то свое стадо могутъ отъ ихъ волковъ * адека въ охранити, и тиде явств

А буде кой пресвитеръ еретическихъ вѣръ въ концѣтъ знати не забудеть, то уличити ему ихъ ереси невозможно; того ради и св. Апостолъ Павель на ч писалъ: еже подобаетъ въ насъ ересемъ быти; явѣ есть, яко того ради и на ч писалъ дабы мы вѣдая ихъ ереси, могли ихъ уличать, и ихъ же оружіемъ самихъ ихъ побѣждати, и зная ихъ ереси, могли бы мы отъ нихъ остеречѣи себя, и тиде явств

И всѣ школьники читали бы книги неспѣшно, но съ самымъ вниманіемъ дабы чтное могъ разумѣти и памятовати, и кой ученикъ невнятно будетъ читати, то той учитель, кой ко чтенію и вразумленію книжному приспавленъ, непрестанно ихъ понуждалъ и вразумлялъ, какъ имъ разумѣти, и что читаетъ, чего не знаютъ, толковалъ бы имъ, и кои книги кто читаетъ, отъ тѣхъ книгъ спрашивалъ ихъ по одинакому, ** и внималъ бы, каково кто и что читаетъ, и той учитель въ памятку книгу записывалъ, кто каковъ ест, и тиде явств

И буде кой ничего сказать не помнитъ, и тому бы чинилъ то, казаніе иди велѣлъ бы ему въ другой разъ прочести; и буде въ другой разъ прочтетъ, а что читалъ, не помнитъ, то явѣ есть, еже тотъ во пресвитерство не будетъ воедѣи. А кои внятно и памятно будутъ читать, тѣмъ надлежитъ давать читать книги церковнаго круга, мѣсячныя Миней и Тріоди и Осмогласники, и прочія книги во святей церковной службѣ управляются, а чаю, не худо бы и лѣтніи книги книгъ давать имъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало, и тиде явств

И тыи школьники по чтеніи книжномъ подъ вечеръ, по часу-мѣста, учили бы писать, чтобы всѣ школьники читать и писать добрѣ умѣли скорописью. И уставомъ.

* Въ Стр. списокѣ полковъ.
** Въ Стр. по одинакамъ.

и и

А въ день недѣльный велѣли бы имъ чинить между собою доспытацѣи отъ священныхъ писаній, а учителя оба бы слушали и внимали, кто каковъ въ разумѣ и въ разумѣніи Святаго Писанія, и каково кто разсуждаетъ, все бы то впередъ для памяти записывали, а и того смотрѣли бы, кто къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному ли или къ свѣтскому.

И буде кой ученикъ склоненъ къ духовности и писанія святая разсуждаетъ здраво, то тѣхъ бы отличали во особливость, и давать имъ книги читать о чинѣ священства, и учить ихъ уже прилежнѣе, какъ имъ стадо Христовыхъ овецъ пасты, и какъ имъ духовныхъ дѣтей въ паствѣ своей блюсти.

И аще книга Отческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, юже азъ сыну своему Николаю сочинилъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство и ее читать; понеже тамо положено отчасти, какъ пресвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому пресвитеру, но како и простому монаху жить, и какъ въ Архимандритахъ будучи, какъ братія пасты, и какъ себя вести, и что подобаетъ и Архіерею творити, и каковымъ способомъ раскольниковъ истребляти, и какъ и миряномъ душеполезно жити, и какъ и дѣтей своихъ малыхъ учить, дабы отцу не на пагубу они были, и какъ между собою любовь хранить, и какъ правду творити, и какъ Бога любить, и какъ молитвы свои къ нему приносить, и какъ Ему угождати; вся суть тамо изъявлена, по елику Богъ даровалъ ми разумѣти.

И егда куды потребуютъ пресвитера, то изъ тѣхъ бы учениковъ отсылать во пресвитерство не по отечеству, ни по богатству, ниже по прошенію прихожанъ, но по разуму и по истинному священства достоинству, и достоинство бы того школьника подписывались оба тыи учителя, еже онъ годенъ во пресвитерской санъ.

И послать ко всѣмъ Архіереямъ, чтобы ни единого ставленника безъ свидѣтельства учительскаго во пресвитерство не посвящали. Прѣжнее архіерейское слушаніе ставленничье вельми ми не понравилось; понеже архіерейскіе служителие у новоставленниковъ приемятъ дары, и принявъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы, и заложа дадутъ при Архіереѣ тому ставленнику прочести. Архіерей, видя твердо и разумно читающа Псалтирь, возмнитъ, яко-бы и по всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство. И тако тѣ служителие Архіереевъ своихъ въ порокъ приводятъ. И я сына своего въ семь поостерегъ, написалъ ему въ томъ же своемъ завѣщаніи, аще случится ему быть во архіерействѣ, чтобы онъ въ слушаніи ставленниковъ на служителей своихъ не покладывался, но самъ бы всякаго своего ставленника свидѣтельствовавъ, и книгу не Псалтырь, но давалъ бы незнаемыя книги читать, а потомъ бы и на словахъ его спросилъ; и на разглагольныхъ рѣчахъ всячески познать мочно, каковъ кто смышленъ или несмысленъ.

Въ Новѣгородѣ видалъ я прошлаго 720 года новоставленника такова въ діаконствѣ на литоргіи, не могъ единыя страницы во Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти-шести не помѣшатся. Служилъ онъ въ подначальствѣ въ соборѣ Николая Чудотворца, иже на дворци; и такъ онъ и отпущенъ во свояси.

А иноковъ, кѣи возжелаютъ архимандричества, то тѣхъ Архіерею наипаче надлежитъ на словахъ дробно распрашивать, како онъ Божественная писанія разсуждаетъ, и како онъ общую братію намѣрился пасты, дабы ему предъ Богомъ ставъ, рещи: Се азъ и дѣти, ихъ же далъ еси; или токмо единого себя хочетъ Богу представить. И аще хочетъ токмо единого себя спасти, то такового не подобаетъ во Архимандриты поставляти; понеже Архимандриту не токмо о инокахъ, но и о мірскихъ жителяхъ попеченіе имѣти и на спасеніе наставляти надлежитъ. И того за хотящимъ архимандритства смотрѣти, не лакомъ ли ко имѣнію, и не падокъ ли къ питью, и не склоненъ ли къ блуду, чтобъ будучи во архимандритствѣ, не нанесъ бы на тотъ свой чинъ пороку; и того ради надлежитъ первѣе освидѣтельствовать братію, въ коемъ монастырѣ онъ жилъ, а потомъ и мірскихъ людей надлежитъ спросить, кѣи при томъ монастырѣ живутъ; аще

отъ всѣхъ будетъ похваленъ, то, буде въ писаніи доволенъ, надлежитъ возвести въ таковой чинъ.

Да въ Завѣщаніи своемъ написалъ я сыну своему, чтобы новоставленнаго пресвитера, несовершенно научившася всякаго священнодѣйствія, изъ подъ начала отнюдь бы не отпускать, дабы на Архіерея пореченія какова за несправность его не понести.

Въ томъ моемъ Завѣщаніи написалъ всякое пресвитерское дѣло, какъ что ему управляти, и какъ дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывати, и какъ богатыхъ и убогихъ пасти; елико ми Богъ вразумилъ, вся написалъ. И того ради мнится мнѣ вельми ко исправленію священническаго бытія то Завѣщаніе потребно будетъ.

И аще коея церкви поповъ сынъ возжелаетъ отцу своему наслѣдникомъ быти, а по свидѣтельству учителей своихъ явится къ тому чину негоденъ, то аще и заручная объ немъ челобитная будетъ, отказать ему; но таковыхъ ко гражданству отсылать. А кѣмъ ко обученію неспособны, а во нравѣ добры, и страхъ Божій въ себѣ имутъ, то тѣхъ поставлять въ церковной причетъ въ дьячки и въ пономари. А кой изъ нихъ будетъ понарочитѣ, того мочно въ діаконство вчинить. А въ пресвитерство отсылать самыхъ достаточныхъ, и въ писаніи разсудительныхъ, и во нравѣ кроткихъ, чтобъ онъ былъ свѣтъ міру, а не тьма. И таковыхъ достойныхъ священства, аще и пономарскіе дѣти или крестьянскіе, отсылать во пресвитерство къ церквамъ, а не по отчеству, ни по заступѣ. А буде кой и разуменъ на всякое разсужденіе, а нравомъ неключимъ, и таковыхъ не токмо въ пресвитеры, но и въ причетъ церковной отнюдь не отсылать, но таковыхъ развѣ отсылать къ приказнымъ дѣламъ, или камо ни есть, кромѣ священства и причта церковнаго.

А который и весьма добръ, да пить будетъ любивъ, то и таковыхъ во священный чинъ отнюдь не отсылать жѣ; понеже пьянство великъ порокъ пресвитеру наносить. И причетникамъ не весьма оно добро. И не токмо новоставленныхъ пресвитеровъ, но и старыхъ, кои уже и состарѣлись въ пресвитерѣхъ, вреждаетъ оно. И того ради надлежитъ предѣлъ учинить сщевый: аще кой пресвитеръ, напившись до пьяна по улицѣ ходя, или гдѣ и сидя, будетъ кричать нелѣпно и бранно, и сквернословити или драться съ кѣмъ, или пѣсни пѣть, то таковыхъ имать, и въ архіерейскій приказъ отводить, и за такое нелѣпство ихъ наказывать удрученіемъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ работахъ, и сверхъ удрученія обложеніемъ штрафа или отъятіемъ священнодѣйствія, или какъ о томъ уложено будетъ отъ Архіереевъ, дабы пресвитеры и діаконы чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шелъ бы во утишное мѣсто и выспался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ, что онъ пьянъ. А буде кой попъ или діаконъ, паче же аще инокъ, пойдетъ пить на кабакъ или въ корчму, то таковыхъ надлежитъ наказать сугубо, дабы на духовной чинъ пороку не наносили.

И аще священный чинъ отъ таковыхъ неключимствъ исправится, то яко новый свѣтъ въ Россіи возсіяетъ. И тако ихъ надлежитъ изучити, чтобы во время исповѣдыванія дѣтей своихъ духовныхъ паче всего научали о Богопочтеніи и о благовѣріи, како твердо въ немъ стояти, дабы ни на каковы блазни Люторскія и Римлянскія не слонялися, и съ раскольниками бы никакова разглагольства не знаячи не разговаривали; и на той же исповѣди учили бы, какъ молитвы свои къ Богу возсылати съ Богомысліемъ, и како святые иконы почитати, и каковая честь имъ отдавати, и како духовный чинъ почитати, и какъ за Царя и за вся Христіаны Бога молити, како обходиться въ мірѣ со клеветы своими и съ сосѣдми, и въ каковомъ наказаніи дѣтей своихъ родныхъ растити, и какъ ихъ страху Божію учити, чтобъ родивъ дѣтей плотію, отъ Бога вложенную душу вѣчно не погубити, и каковымъ имъ къ сродникамъ и чужероднымъ любительнымъ быти, и чтобъ никому зла никакова не дѣлати; понеже вси мы по Христѣ братія есмы.

И о семъ всѣхъ своихъ дѣтей духовныхъ увѣщавали, чтобы они дѣтей

своихъ юныхъ, не токмо градскіе, но и поселяне учили бы грамотѣ, и всякому бы благоправію научали, а по улицамъ играть и безъ дѣла шататься не пуцали съ великимъ и твердымъ запрещеніемъ; чтобы то ихъ наказаніе въ дѣтяхъ духовныхъ незабвенно было, но вси бы отцы и матери дѣтей своихъ въ страсъ Божіи возвращали, и о семъ на всякой исповѣди подтверждали бы, что бы имъ незабвенно было.

И аще тако въ духовности будетъ строитися, то во всемъ народѣ свѣтъ возсіяетъ благоразумія; понеже вси люди отъ такова отцовъ своихъ духовныхъ твердаго и прилежнаго попеченія яко отъ сна возбуждятся, ибо вси стали бы прямо разумѣти, какъ Бога знати, и какъ его молити, и какъ угодниковъ Божіихъ почитать, и како въ помощь себѣ призывать, и како все свое житіе христіанское вести.

Тако бо пастыремъ духовнымъ надобно о паствѣ своей пещися, дабы вси праведно жили, и не токмо чтобы чужое похищати, но и не желалибъ чужаго ничего; и аще и на пути кто что обрящеть лежащее, искалъ бы обронившаго, или во устроенное мѣсто относили; и чего себѣ не хочуть, тогобы отнюдь никому иному не токмо творили, но и не желали бы. И тако живуще вси, и въ мірскомъ житіи будучи, не далече бы отъ царства Божія были.

И аще уставлено будетъ, еже понамъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни по прежнему не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ токмо о церковной службѣ да о паствѣ духовной, а вмѣсто пашни давать имъ,—дворянамъ и хрестіаномъ, кои у нихъ въ приходѣ,—отъ своего приплоду десятая доля, то пресвитерамъ въ той же исповѣди и дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждати, чтобы неизмѣнно отъ всякаго приплоду, колико себѣ отложить на пищу, то безъ утайки и безъ жалѣнія отдѣляли бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ винъ * и съ прочаго харчу, и отсылали бы къ церкви на пищу пресвитерамъ съ причетники и нищимъ, кои при церквахъ живутъ.

А колико отдѣлять хлѣба или скота или инаго чего на продажу, то изъ того бы отдѣляли Великому Государю на пошлину такуюжъ десятину. И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не тали: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и Царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословитъ всякимъ изобиліемъ; понеже уравниются они древнимъ законникамъ, иже отъ всего своего притяжанія давали десятину.

О семъ я неизвѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе поны, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе поны питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попь за соху, мужикъ за косу и попь за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія многіе Христіане помирають не токмо сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются, и умирають яко скоть. И сіе, како бы поисправити, не вѣмъ: жалованья Государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаенія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть. А я мнѣніе свое предлагаю сщцевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесятствовать, чтобы отъ всякія своя пища отдѣляли церковникамъ десятину или дватцатину, какъ о семъ Царское и Архіерейское произыдетъ изволеніе, тобы таковымъ порядкомъ были сыты и безъ пашни. А и правильно имъ безъ пашни быть: понеже они слуги суть Божіи, и подобаеть имъ по Господню словеси питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія.

А аще пресвитеру земля пахать, то церкви святей будетъ солгать, и паства своя истерять. Пресвитеру не токмо земля пахать, но и торгомъ ему никаковымъ не подобаеть торговать, и мастерства ему художественнаго дѣлать не надлежитъ, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и паствѣ духовной не чинилось; понеже они отъ мірскаго житія отдѣлены суть на службу Божію, и того ради

* Въ Стр. вмѣсто изъ винъ—изъ яиць.

о ничесомъ иномъ кромѣ службы церковныя и паствы духовныя пещися имъ не подобаеть.

А и питатися имъ по повелѣнію Божию надлежитъ отъ церкви, а не отъ работы, и не отъ руководѣлія своего; и егда службы церковныя, ни потребности не случится, тобы забавлялися чтеніемъ книгъ Божественнаго писанія, илибы что полезное писали, ко спасенію человѣческому или ко украшенію церковному. Самъ бо Господь Богъ въ самомъ началѣ священства, егда изведе Израиля изъ земли Египетскія и введъ въ Обѣтованную землю, всѣмъ Израильтянамъ землю по жребьямъ ихъ повелѣлъ давать, а Іереямъ и служителямъ церковнымъ не повелѣлъ земли давати. * Явѣ есть, дабы прилежны были церковному служенію, и повелѣлъ имъ питатися отъ церкви, а не отъ земледѣльства. Кольми же паче въ новой благодати подобаеть о служеніи церковномъ пещися пресвитерамъ, понеже и души человѣческія имъ быша вручены.

А у насъ сельскіе поны обременены земледѣльствомъ, и того ради не тако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быть, и того ради многое множество Христіанъ православныхъ умираетъ безъ покаянія и безъ причащенія тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры самые люди простые: взростеть онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ. А что Богъ възыщетъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческа велика, ничего того не знаютъ.

И аще сія моя изреченія вознещутъ кто, яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе пресвитерамъ, и о семъ Богъ есть свидѣтель, что не руганія ради написалъ сія, но ради исправленія; и самъ не безъ страха, что въ такое дѣло великое вступилъ; обаче буди Божія воля: Онъ вся вѣсть, чесо ради тако дерзнухъ.

И аще Великій нашъ Монархъ благоволитъ по Господню повелѣнію пресвитеровъ отъ земледѣльныхъ работы освободити; то надлежитъ указомъ Его Императорскаго Величества опредѣлити, чтобы какъ помѣщики, такъ и крестьяне ихъ, и дворцовыхъ волостей, и архіерейскіе и монастырскіе, всѣ отъ приплоду своего хлѣбнаго, который ему надлежитъ на пищу себѣ употребити, и отъ того хлѣба отдѣлялибъ десятую часть, и давали пресвитерамъ съ причетники во время молоченья съ гумна своего; и во вся дни живота своего тако бы творили неизмѣнно, дабы благословилъ ихъ Богъ, и всего бы у нихъ усугубилъ. И аще сіе дѣло сперва повидится и тяжеловато, а егда обыкнуть, и Божіе благословеніе въ нихъ почиетъ, и нивы у нихъ будутъ готовы, ** то всю ту тягость забудутъ, что того десятиннаго хлѣба отдѣлено пресвитеромъ съ причетники. И что того хлѣба за расходомъ останется, и тотъ хлѣбъ употреблять нищимъ и странникамъ на прощтаніе.

А ради нищихъ больныхъ яко въ городѣхъ, тако и въ селѣхъ и на погостѣхъ постройтъ больницы и богадѣльни по приходѣ смотря, и питать ихъ тѣмъ остальнымъ хлѣбомъ, какъ о томъ изволеніе Царское состоится.

А которыми землями владѣли и пахали поны съ причетники, и тѣ земли, мнится мнѣ, еже бы ихъ отдать въ наймы, и тѣми деньгами строятъ церковное строеніе и нищимъ больницы.

А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣлялибъ такожде десятую часть Великому Государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ тоя цѣны такожде отдѣлять десятую часть въ пошлину; а кую скотину употребитъ кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлать десятую долю въ церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣльни; такожде и въ меду, и въ маслѣ и рыбѣ, и въ янцахъ, и во всякихъ прибиткахъ, отъ всего неизмѣнно про себя употребляемомъ *** отдѣлять къ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять Великому Государю въ пошлину десятая же часть.

* Последняго предложенія въ спискѣ Строева нѣтъ.

** У Стр. гобзовиты.

*** Вѣроятно ошлѣка въ обоихъ спискахъ, вмѣсто употребляемаго.

И тако творя, уподобимся мы древнимъ благочестивымъ законникамъ, ибо будемъ, яко Богу, тако и Царю, отъ всякаго приплода давать десятину, и тѣмъ подаваніемъ пресвитеры и съ причетники безъ земледѣльства довольны всякою пищею будутъ. А отъ подаванія молебнаго и иныхъ потребъ будутъ пресвитеры и со причетники своими дома своя и одежды строить.

И аще тако устроится, то могутъ пресвитеры и повседневно утреннія и литургіи служить, и на всякую потребу всегда будутъ готовы; и тако творя, пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи, и за Царя и за вся люди богомольцы.

А нынѣ вси сельстїи попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой Недѣлѣ прежде сего не бывало, то де тебя поопасись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ ни отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣдень, ни вечерень, ни утреннихъ не было.

А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣдень десятка другаго не отслужить; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть.

И ради земледѣльства поповскаго стоятъ Божіи церкви яко пустыя храмины безъ славословія Божія, а православные Христіане за ихъ земледѣльствомъ умирають ничѣмъ же отмѣнно отъ скота. И сельскіе пресвитеры ничѣмъ не отмѣнны отъ простыхъ мужиковъ: мужикъ за соху, и попъ за соху, и въ праздничной день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овны сушить; и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить,—и въ таковыхъ суетахъ живуще не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти.

А аще по вышеозначенному о нихъ устроить Богъ, то во святыхъ церквахъ всегда служба будетъ, и пещися будутъ о паствѣ словесныхъ овецъ, а уже не о пашнѣ. Отслужба церковную службу, книги бы читали, и по домамъ дѣтей своихъ духовныхъ ходили и смотрѣли, какъ они живутъ, исправно ли въ его приказаніи, и не погрѣшили ли въ чемъ. И тако на всякой мѣсяцъ всякаго своего сына посѣщаль бы и подкрѣпляль ихъ, чтобы памятовали то, чему его на исповѣди училъ, и, что ему приказаль, незабытно бы исправляль. И въ тѣхъ посѣщеніяхъ отнюдь бы ничему не касался, и вина бы не нилъ, что онъ ради надзиранія духовныя паствы ходитъ, а не ради потребности, и чтобъ тѣ пресвитеры уподобились святымъ Апостоломъ: туне бы ихъ посѣщали и на спасеніе наставляли.

А кому дастъ Богъ смыслъ въ книжномъ писаніи, то между дѣлъ книги бы пѣвчія писали и охочимъ людямъ продавали; а егда съ потребою куда позовуть, то всякое свое дѣло бросивъ, шелъ бы съ посѣщеніемъ дабы исправить та нужда, понюже требуютъ его. И тако творя, вси бы сельскіе попы были пастырьми совершенными, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ.

А нынѣшняя паства вельми, вельми неисправна, и сего вельми опасно есть, чтобъ Богъ не взыскалъ на главныхъ пастырехъ, понеже кїи пресвитеры и во градѣ живутъ, и тїи не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ, или въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, и какъ кому жить душевспасительно, не наставляютъ; и отъ того многіе люди въ невѣденіи своемъ погибають.

Я истинно таковыхъ стариковъ много и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подь шестьдесятъ и больше житія своего имѣють, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради расколничества, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай былъ, что не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали. И тако нїи и не доживъ до старости и умирали; а сіе чинилось не отъ чего инаго, токмо отъ нерадѣнія пресвитерскаго. И о такомъ нашемъ неисправномъ житіи помыслить ужасно! И вся сія Царскимъ изволеніемъ и Синодскимъ радѣніемъ исправитися могутъ.

А нерадѣть о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми яко Царю, тако и

Архіереомъ опасно есть; ибо чрезъ уста Святаго пророка Іезекііля: „Тако духъ Святой возгремѣ, еже хочетъ Богъ всѣхъ погибшихъ душъ человѣческихъ взыскаи отъ руки господствующихъ ими.“ (Іезекііля гл. 33).

И сего ради ужасно такова грома, отъ Бога изшедшаго: и яко духовнымъ властѣмъ, тако и мірскимъ надлежитъ великое попеченіе приложить, дабы та неисправность исправить, и отъ тогобы избыи, нежебы не взыскаи Богъ погибающихъ душъ на правителяхъ господствующими ими.

И мое мнѣніе тако мысли моеи касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ во пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленни, то и люди паствы его будутъ несмысленни, а аще пресвитеры будутъ благоразумни и свяи, то и люди паствы его вси будутъ разумительны, и святости близко: ихъ бо наставленіемъ всякаго благоразумія могутъ наполнитися, и въ Христіанствѣ прямо и твердо стояи. И души своя отъ вѣчной гибели соблюдаи. И за твердымъ ихъ наставленіемъ вси благодатию Божіею приближатся къ царствію небесному.

И егда пресвитеры во ученіи своемъ исправятся и всякаго благонравія навькнутъ, тогда и одежда имъ прежняя своя гнусная и многшвейная годствуеи измѣнити; и не токмо градскіе, но и сельскіе попы, и дьяконы не токмо гнусныя и раздранныя носили, но и сѣрмяжныя бы сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашенныхъ отнюдь не носилибъ, но носилибъ рясы широкоорукавыя и длинныя. И буде кому сукна нѣмецкаго купити не въ мочь, то дѣлалибъ изъ яренку; а буде и того не въ мочь, тобы сѣрмяжныя сукна бѣлыя красили въ вишневою или въ лазоревую краску. А въ непотребномъ одѣяніи пресвитерамъ и діаконамъ отнюдь ходити не подобаеи; понеже они слуги суть Божіи, и предстоятъ у престола Божія жертвы приносяще за Царя и за вся Христіаны.

И за ихъ близость къ Богу самъ Господь Богъ еще и въ ветхозаконной церкви не токмо священникомъ, но и служителемъ церковнымъ, повелѣи въ чистыхъ одеждахъ служити. Кольми же паче подобаеи въ новой благодати священному чину чистоту во всемъ имѣти, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и во одѣждѣ, и во всякомъ своемъ и житейскомъ исправленіи, чтобы они яко житіемъ своимъ, тако и одѣждою были отъ простолюдиновъ отмѣнными; не одною верхнею одѣждою, но и нижнею и всѣмъ своимъ уборомъ: шапка бы была съ бобромъ или лисицею круглая, сапоги бы были низкіе, переды круглыя, а лаптей бы отнюдь ни въ каковыхъ мѣстахъ не носили. И съ запрещеніемъ отсѣщи сіе, ежебы отнюдь къ престолу Божію въ лаптяхъ не приступали; сии бы не токмо чинъ свой, но и Божіей чести уяіе творять. Ради бо чести Божіей повелѣно пресвитерамъ у престола Божія служить во украшенныхъ ризахъ, и по тому уставу иной пресъитеръ во время служенія своего возложить на ся одѣжду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанныя, и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ. И на такое пресвитерское убраніе зря, кто не удивится, что злато мѣшаютъ съ блатомъ. И Цареводѣло надлежитъ вести честно, а Божіе наипаче.

Пресвитеру еодобаеи быть всегда трезву и слово ко всякому человѣку имѣти умиленное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое, и къ людямъ, кии имъ словеса не полезна, отнюдь бы тихихъ не говорили, но что на пользу, тобъ только и говорили. А тако творя подобни будутъ Апостоламъ Христовымъ, и за такое ихъ житіе вси люди будутъ ихъ почитать, и, что уложено будетъ имъ на пропитаніе давать, то съ радостію будутъ имъ давать.

А о семъ Его Императорское Величество соизволитъ таколи, како я мнѣніе свое изъявилъ, или кто инъ иначе примыслитъ, тако да будетъ. Аминь.

ГЛАВА II.

О воинскихъ дѣлахъ.

Въ военномъ дѣлѣ еще люди будутъ военного артикула не весьма навькли, и въ ружьѣ силы неразумѣющіи, къ тому же еще и стрѣлять цѣльно неумѣющіе, то весьма таковыя въ военномъ дѣлѣ будутъ неспоры и непріятелю нестрашны; а еще же къ тому и нищею будутъ неизобильны, то и наипаче плоха будетъ у таковыхъ служба. Есть слухъ, что инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходится на мѣсяць, а о таковой ихъ скудости, чаю, что никто Великому Государю не донесетъ, но чаю, доносятъ будто бы все сыты и все въ довольны. Годовъ тому съ шесть или съ семь назадъ на Вышнемъ Волочкѣ новобранному солдату за вычетомъ досталось на мѣсяць двѣ гривны, и онъ принявъ деньги, вынулъ ножъ, да брюхо у себя и порѣзалъ. И сіе явѣ есть, еже не отъ радости тако онъ учинилъ, что и животъ свой ему не смиллся. И о таковой причинѣ командиры ихъ, чаю, что никогда Его Царскому Величеству прямо о томъ не донесутъ, что онъ отъ великія своей скудости въ жалованьѣ такъ надъ собою учинилъ.

И отъ такова порядка и отъ безкормицы служба весьма неспора; потому что голодной идучи и за соломѣю заземляется, * а не то, что ему непріятеля гнать и черезъ колоды и черезъ ручьи скакать: голодный человѣкъ подобенъ осиновому листу, и отъ малаго вѣтра шатается; у голоднаго и работа худа, а не то что служба.

А истинно слыхалъ я отъ солдатъ и такую рѣчь, что ради смерти своей; и отъ таковыхъ кака я спорина въ службѣ, что не желаетъ непріятеля убить, но желаетъ самъ убитъ быти; дабы ему вмѣсто здѣшнія нужды тамо каковое либо упокоеніе за принятіе смерти своя пріяти.

А еще все въ довольны и военному дѣлу научены будутъ добры, а дана имъ будетъ воля и потачка яко рядовымъ, тако и офицеромъ ихъ, то паки дѣло военное неспору у нихъ будетъ; ибо еще что и во арміи не по праву имъ будетъ, то пакости оныхъ ** опасно: самовольство никогда добра не дѣлаетъ, кромѣ пакости.

И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и изчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ не достанетъ, то и надобно лѣсъ рубить; а буде кто станетъ говорить, что де вамъ по указу Великаго Государя велѣно дрова свои жечь, то жестокае будутъ чинить; и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ еще и жестоко учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далеко отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступить по нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ нескоро судъ сыщеть.

Въ прошломъ 721 году присланъ былъ въ Новгородъ Преображенскаго полку офицеръ капитанъ Иванъ Моисеевъ, сынъ Невельской, для розыску во взятыхъ лудинахъ, которые присланы были изъ Москвы въ Новгородъ на продажу, и къ тому камочному дѣлу приличился Новгородецъ, посадскій человѣкъ Петръ Терентьевъ, токмо во одномъ свидѣтельствѣ, а я и ничему неприличенъ; а тотъ Невельской взялъ его Петра на постоянный свой дворъ, а держалъ подъ карауломъ больше двухъ недѣль. И еще до него Петра дѣла нѣтъ, а онъ прислалъ писаря своего съ солдатами, и животы его Петровы запечатаны, а меня изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи де указъ, почему ты насъ изъ хоромъ выживаешь вонъ, и животы наши печатаешь; и ее солдаты сильно выгнали вонъ изъ горницы, и стали и изъ двора вонъ выбивать, и мы поупря-

* У Стр. зацѣпляется.

** У Стр. отъ нихъ. Впрочемъ здѣсь должна быть ошибка въ обоихъ спискахъ.

милась, не пошли вонъ. И онъ Невельской прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выйдете, то-де прѣйду самъ, и совѣмъ де вымечу на улицу, а жену де твою за косы выволоку вонъ. И жена моя убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась; а я на томъ Петровомъ дворѣ по приказу воеводы Князя Юрія Яковлевича Хилкова жилъ.

И того Капитана Невельскаго называютъ добрымъ и разумнымъ человѣкомъ, а такія обиды чинилъ; и Петръ побывалъ у него съ гостинцемъ, то онъ его животы отпечаталъ, а моихъ не распечаталъ: знатное дѣло, что и съ меня хотѣлось нѣчто сорвать, и едва уприсилъ его Воевода Князь Юрья Яковлевичъ, что приказалъ распечатать и караулъ свестъ.

И тогожъ 721 года Полковникъ Дмитрій Ларионовъ, сынъ Порецкой, будучи въ Новѣгородѣ въ канцеляріи провинціального суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу; а за что посадить хотѣлъ, вины своей ни малья не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, только былъ тутъ Нотаріусъ Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ Нотаріусъ и приказные подьячіе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его Полковника допросить; и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ въ Новѣгородѣ отвѣчать не буду.

И я, аще не весьма послѣдній человѣкъ, а суда не сыскалъ. Какъ же същеть судъ кто мизирнѣе меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу.

А аще учиненъ будетъ судъ равный, каковъ простолюдину, таковъ и безъ понаровки и офицеру; то и нехотя все приткось свою отложить, и будутъ ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирахъ, но и на пути по прежнему никого обидить не будутъ.

И аще служивые вси яко рядовые солдаты и драгуны Его Императорскаго Величества указу ослушны не будутъ, и обижать перестанутъ, и начнутъ со всеми чины въ любви быть,—такожде, аще и офицеры ихъ въ таковое же послушаніе внидутъ, и со всеми чинами въ любви будутъ,— и къ тому еще у всехъ полковъ нѣхотныхъ военный артикулъ гораздо будетъ твердъ, еже ни отъ какого замѣшанія непріятельскаго имъ не смѣшатся,—то на бою будутъ яко каменная стѣна.

А буде же въ ружьѣ будутъ силу знать, и у фузей огнивы будутъ имѣть ошнестые и кремни приправные, чтобъ осѣчки никогда не было, и фузей каковы чисты свонну, * пачежъ того внутри, и къ струнѣ внутрь приправленной; ** то таковое ружье вельми надежно, и къ стрѣлянью цѣльно, и въ ратоборствѣ спорна къ тому, аще и стрѣлять будутъ не по прежнему на вѣтеръ, но въ самое дѣло, чтобъ ни пуля, ни порохъ даромъ не пропадалъ, и аще толь твердо научатся съ руки стрѣлять, чтобъ никакого бѣгуна скачущаго на конѣ не упустили, то таковыя солдаты, на бою непріателемъ вельми будутъ страшны, не токмо на сухопутномъ бою, но и на водяномъ будутъ страшны.

И ради морскаго бою вельми учить молодыхъ солдатъ, чтобъ они навыкли съ руки въ цѣль бить безъ погрѣшенія, чтобъ и на малыхъ шлюбкахъ бдучи могли и во время волненія въ цѣль, безъ погрѣшенія убивать; и аще тако затвердятъ, и то самая честная морская битва будетъ, и чаю, что и на весь свѣтъ славнабъ, и ужасна была.

И въ тому же аще и рукобитное ружье будетъ имѣть самое острое, то и въ таковомъ ружьѣ спорыня будетъ немалая; понеже острое ружье хотя чуть коснется клинкомъ и прочимъ внутреннимъ, то той человѣкъ живъ быти уже

* У Стр. свонну.

** У Стр. приправлено.

не можетъ, и никто излечить его не можетъ; а съ пустымъ ружьемъ еще и сквозь утробу человѣчью проколетъ, то та рана залечить можно; потому что она кишокъ не повредитъ; а самое острое ружье—смертная язва.

И таковымъ солдатамъ, мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдатами и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублей, а тѣмъ, которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженьяхъ по шапкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублей на годъ, дабы, на то смотря, и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рубл. на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужить за два или за три человѣка неумѣющихъ.

И на сухопутномъ бою, на сходѣ съ непріателемъ, аще таковыхъ солдатъ тысяча человѣкъ выстрѣлять, то на худой конецъ повалилибъ непріятельскихъ людей сотъ пять-шесть; то каковъ бы ни былъ непріятель жестокъ, умякнулъ бы, и нехотя рожу свою отворотилъ бы назадъ. Я чаю, что другаго запалу не стали бы дожидатися, стали бы смекать, какъ бы на бѣгу уйтить.

Есть слово похвальное про Финны, что де такъ крѣпко на бою стоять, что убьютъ де человѣка, а другой на его мѣсто и станеть; и то не дивно, буде убьютъ у ста человѣкъ одного или двухъ человѣкъ, то плохо * заступать, а будеже у ста человѣкъ да убьютъ пятьдесятъ или шестдесятъ человѣкъ; то я не знаю, какъ бы и тѣ славные Финны могли заступить. А будеже на побѣгъ не пойдутъ, но станутъ на мѣстѣ томъ укрѣплятися, и дождутся другаго запалу, то и побѣжати будетъ некому, но вси тутъ уснутъ.

Я сего не могу знать, что то за повычай древній солдатской, что только одно ладять, чтобы всѣмъ вдругъ выстрѣлить будто изъ одной пищали: и такая стрѣльба угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится; тамъ не игрушку надобно дѣлать, а самое дѣло, чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ дѣло, почто сошлися. Я много слыхалъ отъ иноземцевъ военныхъ похвалы такой, такъ де жестоко билися, что во огнѣ де стояли часовъ съ шесть, никто де никого съ мѣста сбить не могли. И сія похвала нѣмецкая—у нихъ бы она и была; а намъ дай Боже ту похвалу нажить: съ Русскими де людьми битися нельзя; ежели де единожды выпалять, то де большую половину повалять. И такая битва не въ шесть часовъ, но въ одну минуту.

И если Богъ изволить тако Русскимъ нашимъ солдатамъ научитися, что ни одинъ бы пули даромъ не терялъ, и таковыхъ солдатъ если тысячь десятокъ набрать, то я знаю, что и съ двадцатью тысячами не пошелъ бы никто на битву съ ними: отъ Русскаго солдата будто отъ лютаго звѣря всякой бы непріятель бѣжалъ безъ оглядки.

Подъ Азовомъ на Швартовъ полкъ набѣжали Татары, и солдаты, по приказу своего полковника, понѣмецки всѣ однимъ разомъ выпалили, и всѣмъ полкомъ неубили и десяти человѣкъ, и тѣ Татарове увидѣли, что почали ружья заправлять, вскочили вдругъ, ружья имъ заправлять не дали, и всѣхъ, что овецъ погнали въ свою землю и съ полковникомъ. А еслибы не на вѣтеръ стрѣляли, да половина бы выстрѣлила, а другая бѣ въ запасѣ была, тобы не погнали что овецъ. А ащебы всѣ умѣли цѣльно стрѣляти, то и на худой конецъ ста два-три убилибъ, то и Татарове не смѣлибъ толь смѣло на цѣлой полкъ навалиться; а еслибъ сотъ пять-шесть у нихъ убили, тобы они къ чорту забѣжали, что и сыскать бы ихъ негдѣ было. Татарове смѣлы, пока большаго урону нѣтъ; а егда сотню другую человѣкъ потеряютъ, то и они щеку свою отворачиваютъ: любятъ они даромъ взять.

Былъ я еще въ молодыхъ лѣтѣхъ на Пензѣ, и тамошніе жители, служивые люди, усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то, истинно не лгу,

* Такъ въ обоихъ спискахъ. Не ошибка ли вмѣсто можно?

что говорили мнѣ: останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татаръ не будемъ бояться; и я сталъ говорить, еже одному мнѣ съ ними нечего дѣлать. И они мнѣ сказали: видимъ де мы, что ты скорѣ стрѣлять и пулей даромъ не те-ряешь, а Татары де напорчиво напираютъ, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь, а отъ нихъ де выѣзжаютъ нартики и сажень въ десяти разъѣзжаютъ, а мы де устава пищали, да стоимъ передъ ними, а ты де хотябъ одного изъ нихъ убилъ, то бы они уже не стали такъ наѣзжать, а еслибы де человекъ дву-трехъ убилъ, то бы де и всѣ исчезли.

И по такому примѣру аще бы Богъ изволилъ таковыхъ бойцевъ тысячь десятокъ-другой набрать, то вѣдаю я, что сталибъ всѣ непріатели трусить; а если же къ таковымъ бойцамъ да сооронить рогатки огнестрѣльныя съ запальными пищальми; то изъ таковыхъ пищалей встрѣтилъ бы непріателя сажень во стѣ, и пока къ сраженію сходятся, а у нихъ бы начальныхъ людей, кои предъ полкомъ выступаютъ, поубавилъ бы; а егда сажень въ 30 будутъ, то бы встрѣтилъ ихъ рогаточною стрѣльбою; а кои у рогаточной стрѣльбы останутся, то тѣхъ бы тѣ солдаты изъ своихъ фузей подхватили, и отъ тоя стрѣльбы, кои остальцы будутъ, то бы ихъ ручнымъ боемъ прокололи; а буде устремятся на побѣгъ, то конные, такіе же огнестрѣльные драгуны, проводили бы ихъ до упокоенія вѣчнаго.

И къ таковой бы огнестрѣльной пѣхотѣ да устроить конныхъ бойцевъ хотя одну тысячу человекъ таковыхъ, чтобы, на конѣ скачучи или рысью бѣгучи, стрѣлять могли по цѣли впердъ себя, и на обѣ стороны и назадъ себя; то таковая и одна тысяча замѣнитъ у дѣла паче десяти тысячь, а дѣло бы у нихъ споря и двадцати тысячь было; потому что противъ таковыхъ бойцевъ, я невѣмъ, кто бы могъ устояти, и чтобы по прежнему во огни цѣлой день стояти, но и въ четверть часа скучать, яко то могу разумѣти, что и двухъ запаловъ не вытерпятъ, но всѣ остальцы будутъ смекать, какъ бы голова своя унести.

И аще бы Богъ помогъ таковыхъ воиновъ набрать тысячь пять-шесть, то непочтобъ ятьдесять тысячь войска коннаго держати и кормить напрасно. И аще, какъ пѣхота, такъ и конница, не будутъ даромъ пулей терять, то отъ таковыхъ бойцовъ непріателю трудно будетъ и на убѣгъ бѣжать, а и догонять таковыхъ бойцовъ непріатель не посмѣетъ.

И таковымъ воинамъ подобаетъ и ружье самое доброе и цѣльное имѣть, и имѣлъ бы конный воинъ ружья при себѣ, фузею да пару пистолетовъ длинныхъ, да коротышковъ карманныхъ пару же, да копейцо при сѣдлѣ самое острое имѣть подъ ногою ратовище аршина въ три или въ полчетверта.

И таковымъ воинамъ подобаетъ одежда носить красная; понеже они огни-стые люди, яко огонь малой многія дресеса пожигаетъ, тако и сіи. Аще на про-странномъ и свободномъ мѣстѣ, то и малыми людьми, аще Богъ помощь свою имъ пошлетъ, могутъ многихъ поразити.

И таковые бойцы при свободныхъ мѣстѣхъ десятию тысящами заслужилибъ за пятьдесятъ тысячь, и аще и не таковы будутъ умѣтельны стрѣлять, ежели бы ни одной пули даромъ не потерять.

Обаче надобно служивой людъ беречи, чтобы имъ нужда ни хлѣбная, ни одежная некасалася. Зело отъ нихъ слышно, еже къ нимъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ; то чѣмъ ему пронииматися, гдѣ ему взять шуба и инья потребности, и харчу на что ему купить? и въ таковой скудости будучи, какъ ему не своровать и какъ ему изъ службы не бѣжать? нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнитъ будетъ готовъ.

О солдатѣхъ и о драгунѣхъ надлежитъ великое попеченіе имѣти, и тща-тельно того смотрѣти и при квартирахъ, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны были, а при арміи и наипаче подобаетъ ихъ довольствовати, чтобъ они радующеса служили. И егда всѣмъ будутъ довольны, то служба ихъ будетъ исправ-

нѣе яко въ главныхъ полкахъ, тако и въ послѣднихъ и въ новобранныхъ. Аще будутъ вси пищею и одеждою довольны, то вси, радуясь, будутъ служить.

А сіе мнится мнѣ, не весьма прямо учинено, аще съ нѣмецкаго переводу взято, еже мундиръ солдату или драгуну дать, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья мѣсячнаго и вычестъ. И отъ таковыхъ вычетовъ какъ солдатамъ въ нуждѣ не быть; жалованья ему на мѣсяць учинено только тридцать алтынъ, а за вычетомъ только дается ему десять алтынъ или меньше; и изъ такового малаго жалованья чѣмъ ему шуба и шапка, и рукавицы, и чулки или онучи купить? И мнѣ мнится и вычеты отставить, и по гривнѣ на мѣсяць денегъ надлежитъ прибавить, чтобы имъ было исправить свои нужды. Мнѣ мнится, аще вычеты оставлены будутъ, то гораздо радостнѣе и радѣтельнѣе будутъ служить.

Я истинно видѣлъ: въ Санктпетербургѣ солдатъ купилъ мяса на послѣдней недѣлѣ Рождественскаго мясоѣда, и говоритъ: хотя бы де для заговенія оскоромиться, и сіе не самая ли нужда, что во весь мясоѣдъ ѣлъ сухой хлѣбъ. И буде и въ службѣ будучи при арміи такую же нужду принимаютъ, то трудна ихъ служба.

Я мню: аще бы пищею и одеждою довольны были; то чаю, что и служба у нихъ вдвое споря была. А егда голодень и холодень, и ходитъ скорчась; то онъ какой воинъ, что служба воетъ?

А буде кой солдатъ или драгунъ и отъ довольной сытости да станетъ плутать, изъ службы сбѣжить; то поймавъ его распросить, отъ чего онъ бѣжалъ? И буде нехотя служить, то учинить ему смертная казнь, или вмѣсто смертныя казни наложить ему на лбу херъ или иной какой знакъ, чтобы онъ всякому знатенъ былъ, что онъ бѣглець; то уже тотъ впредь не побѣжитъ, потому что за такимъ знакомъ никто его на дворъ не пуститъ, и ни къ какой его работѣ нигдѣ не примутъ, и гдѣ кто его не увидитъ, аще не при полкѣ, то поймать его можетъ, и связавъ, отослать къ суду; а судъ ему уже смертенъ.

А буде же пойманный солдатъ скажетъ, что бѣжалъ онъ отъ обиды офицера своего, то надлежитъ разыскать; и буде обида будетъ явна, то надлежитъ дать кара офицеру, а солдата отъ хера свободить; многіе бо солдаты и драгуны на офицеровъ своихъ жалуются, что великія имъ обиды чинять, а управы на нихъ не сыщутъ.

И ради общежительства любовнаго аще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроить единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожь и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику и генералу, — и чтобы и судъ учинить близостной, чтобы всякому и низочинному человѣку легко бы его достигать, како на простолюдина, тако и на служиваго, — то по такому уставу не то что офицеровъ, солдатъ избивать, но и земледѣльцовъ не будутъ обидить. Аще увидятъ прямой правый судъ, то вси прежнюю свою гордость и азарничество и обиды всѣ отложатъ, и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не стануть того дѣять, и указы Его Императорскаго Величества не стануть ничтожить; ибо тѣжъ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицеражъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу и не наровить: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата изнести. А аще судъ будетъ по нынѣшнему и разный, служивымъ особливый, а прочимъ чинамъ особливыйже, да будутъ единой главной конторѣ подсудны и во всемъ послушными, то можетъ правда установится.

Обаче ради нелицепріятнаго суда надлежитъ судьямъ быть особливимъ, кромѣ солдатъ и офицеровъ; чтобъ уже былъ судъ всѣмъ безъ понаровки; и судьямъ страшной, жестокой указъ предложить, дабы никакому лицу ни понаровки, ни посяжки не чинили, а неправедно, ни самага земледѣльца безвинно осудить, или и челобитной у него не принять, не смѣли. Превжній судъ у солдатъ тако былъ: буде солдаты кого убьютъ или ограбятъ, то онижъ будутъ и правы; а кого били или и грабили, то тогожъ и виноватымъ дѣлали. И хотя кто солдата поймаеть, то и самъ не радъ будетъ; ибо аще и съ поличнымъ приведетъ съ нимъ, то поимшій же битъ будетъ. Мой человекъ поймался за лошадь мою: ту лошадь у него отняли, да егожъ капитанъ Мавринъ высѣлъ батоги: для чего де ты обозъ останавливаешь, тыбъ за лошадью шелъ въ Санктпетербургъ: тамъ бы де и судъ на него дали. И тотъ судъ далекъ сталъ и трудень: лошадь дана 4 рубля, а послать туда битъ челомъ, то больше того еще приложить; и та лошадь была у подводчика, а не у солдата, только обиходомъ офицерскимъ, а и тутъ суда не сыскалъ.

А и сіе изложеніе, мню я, что не весьма здраво изложено еже и служивому на служиваго битъ челомъ служивымъ же офицерамъ: и буде на равнаго себѣ бьетъ челомъ, то всячески дадутъ судъ; а будешь на офицера, то и мыслить нечего, что суда не сыщешь; какъ ни есть, а изволочать. Буде кто не вельми докучливъ, то его минами (?) проволочать; а буде кто докучливо станеть битъ челомъ, того посылками удручать, что нерадъ будетъ и челобитью своему.

И то стало быть худой судъ; и того ради надлежитъ всячески потщатися о правомъ судѣ, дабы никто къ Богу не въздыхалъ, и на судью пореченія никакого бы не наносилъ, и чтобъ Богу никто не жаловался, но всякомубъ человекъу винѣ рѣшеніебъ чинить на землѣ, а до небеснаго суда и не допустить бы. И аще судъ у насъ въ Россіи устроится праведный, и приступъ къ нему будетъ близостный и нетрудный, то никто никого суду Божію предавати не будетъ, но кійждо по винѣ своей и судъ и награжденіе пріиметь на земли.

ГЛАВА III.

О правосудіи.

Богъ правда: правду Онъ и любитъ. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаетъ ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранить не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорить, но что прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы.

Понеже судья судитъ именемъ царскимъ, а судъ именуется Божій; того ради всяческой судья подобаетъ ни о чемъ тако не старатися, яко о правдѣ, дабы ни Бога, ни Царя не прогнѣвати.

Буде судья судъ повѣдаетъ неправый, то у Царя пріиметь временную казнь, а отъ Бога вѣчную, не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ казнь вѣчную понесеть.

А буде судья повѣдаетъ судъ самый правдивый и нелицепріятный по самой истинѣ яко на богатаго, тако на самага убогаго и безславнаго, то отъ Царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога милость и царство небесное.

Судія бо аще будетъ дѣлать неправду, то ни постъ, ни молитва его не поможетъ ему, понеже уподобится лживому діаволу.

А буде же будетъ дѣлать прямую правду, то подобенъ будетъ Богу; понеже Богъ самая правда. И аще судья не погрѣшитъ въ судѣ, то паче поста и молитвы поможетъ ему правосудіе его: писано бо есть, яко правда избавляетъ отъ смерти.

Судьѣ не подобаетъ ни о чемъ у Бога милости просити токмо о томъ, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божиими судъ правдивъ судити, дабы етъ недознанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити.

Мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроить; но елико ми Богъ даруетъ, готовъ, написавъ предложить, токмо не безъ страха есмь о семъ, еже азъ весьма мизирень и ученію школьному нескусень, и како по надлежащему достоинъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь, но токмо возложився на Его Божию волю, дерзнулъ мнѣніе свое изъявити простотнымъ письмомъ.

Первое мнѣніе свое о судѣйствѣ предлагаю сичевое: егда кто отъ Его Императорскаго Величества опредѣленъ будетъ ко управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощное пѣніе отправилъ, и литургію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесному въ воспѣль, и въ томъ моленіи просилъ бы объ откровеніи въ дѣлахъ у Господа Бога со слезами, ежебы Богъ подалъ ему познавати правость и винность во всякомъ дѣлѣ; и во всемъ томъ правленіи надлежитъ всего себя вручить Богу, и ежебы онъ не допустилъ до какого либо искушенія, и чтобъ отъ неправости какой не впасти бы въ каковыя напасти. А не худо бы и на всякой день, возставъ отъ ложа своего, тотъ (?) новосочиненный Богу Отцу нашему небесному канонъ прочитывать съ богомысліемъ, дабы дѣла его судныя строились по волѣ Его Божіей, и не допустилъ бы Богъ до какова либо искушенія, и избавилъ отъ всякаго лукаваго дѣла.

И положить себѣ надлежитъ уставъ недвижимый такой, ежебы, вшедъ въ канцелярію и сѣдши на мѣсто, первѣе: повелѣлъ бы колодниковъ, что ихъ есть, поставить предъ себя на лицо, и спросилъ бы всѣхъ порознь, кто въ чемъ сидитъ, и у коего подъячего дѣло его, то справится съ дѣломъ; а буде дѣло до кого невеликое, то тогожь часа и рѣшитъ его; а буде коего дѣло рѣшить того часа невозможно, то велѣлъ бы того свободить на поруки, или на росписку, или за пристава, и положилъ бы срокъ, когда коему явиться. А что ежедневно являться, то самое бездѣлье, излишня волокита: сталъ бы онъ на положенной срокъ. А въ приказѣ бы кромѣ разыскныхъ дѣлъ отнюдь бы никого не было, и до коего сроку кто будетъ освобоженъ, то судьбѣ написалъ въ памятную свою книжку, чтобы того числа рѣшить его. И тотъ срокъ судьбѣ вельми надлежитъ памятовать, чтобы на себя пороку не навести.

И тако на всякой день судьбѣ годствуетъ колодниковъ пересматривать, чтобы не былъ кто напрасно посаженъ. Издревлѣ много того было, что и кого подъячій посадить, безъ судейскаго вѣдома, а иного и пристава посадить, и безъ вины просидитъ много времени. И аще кой судья сего смотритъ не будетъ, то взыщется на немъ вина въ главной конторѣ, коя на управу неправымъ судьямъ учинена будетъ.

А древняго у судей обыкновенія такого не было, ежебы колодниковъ самому судьбѣ пересматривати, и дѣла ихъ безъ доуки разсматривати; только одни подъячіе перекликають и то того ради, что всѣ ли цѣлы, а не ради рѣшенія; и того ради много и безвинно сидятъ, и помирають голодомъ.

Въ прошломъ 707 году при моемъ видѣннѣ привелъ въ Преображенское слуга боярскаго дѣловаго человѣка за то, что онъ сказалъ за собою слово Государево, и Князь Ѳедоръ Юрьевичъ спросилъ у него о словѣ, и онъ сказалъ: я де желаю Великому Государю служить въ солдатѣхъ, а помѣщикъ де велѣлъ меня за то сковать, и я де того ради и сказалъ за собою слово Государево. И Князь Ѳедоръ Юрьевичъ и отослалъ его въ солдатство; а которой человѣкъ его привелъ, посаженъ былъ въ острогъ, и сидѣлъ тотъ приводецъ недѣль съ пятнадцать съ великаго поста до Петрова дни. И то пришелъ ихъ стряпчій, да вынялъ на росписку. А по правому разсужденію не довелось было и одинаго дня его держать, а и росписки было брать не для чего: все сіе затѣйки приказныхъ людей, а людямъ Божиимъ такимъ задержаніемъ и напрасными росписками чинять великой убытокъ.

До кого дѣла нѣтъ, непочто того роспискою вязать. Тако и по всеѣмъ приказамъ чинять.

Въ прошломъ 719 году сыщикъ Исѣвѣевъ въ Устрикѣ у таможеннаго цѣловальника взялъ съ работы двухъ человекъ плотниковъ за то, что у нихъ паспортовъ не было, и отослалъ ихъ въ Новгородъ, и Новѣгородѣ судья Иванъ Мякнинъ кинулъ ихъ въ тюрьму, и одинъ товарищъ, годъ пересидя, умеръ, а другой два года сидѣлъ, да едва едва на росписку свободилъ. И тако многое множество безъ разсмотрѣнія судейскаго людей Божіихъ погибаетъ.

На что бодрѣе и разумнѣе господина Князь Дмитрія Михайловича Голицына! Въ прошломъ 719 году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить винокурной и водку взять на подрядъ; и не вѣдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить; и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу, не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я уряднику доложить о себѣ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: давноль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотъ часъ и велѣлъ меня выпустить. И я, кажется, и не послѣдній человекъ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ; а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче коего мизирнаго посадятъ, да и забудутъ. И тако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно! А по мѣлкимъ городамъ многіе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ, и отдаютъ подъ караулъ.

И того ради какъ по приказомъ, такъ и по городамъ, надобно имѣть росписи, что есть колодниковъ, и чтобы безъ записки въ росписъ никакого бы колодника ни въ приказѣ, ни въ тюрьмѣ не держали; а буде въ пересмотрѣ явится кто въ росписъ не вписанъ, то кто его посадилъ безъ записки, надлежитъ жестоко наказать, дабы впередъ такъ не дѣлали. А и старыхъ колодниковъ буде по вся дни пересматривать судья за многодѣліемъ не управится, то не отложно пересматривать понедѣльно, а наипаче по понедѣльникамъ. А приказныхъ сидѣльцовъ въ приказѣ и пересматривати; а тюремныхъ сидѣльцовъ, въ тюрьму пріѣхавъ, и пересматривати накрѣпко: нѣтъ ли ка-кого незаписнаго колодника или нѣтъ ли уходца изъ записныхъ?

Я истинно удивляюсь, что то у судей за нравъ, что въ тюрьму посадя, держатъ лѣтъ по пяти-шти и больше!

Если бы судья и воеводы новоприводныхъ колодниковъ ежедневно пересматривали, то бы сего уже не было, и никому бы безвинно посадить и подъ карауломъ держать было никакъ.

А и дѣламъ всеѣмъ, по моему мнѣнію, надлежитъ всякому судѣ учинить росписи же, и ту росписъ по вся дни прочитатъ, и подъячихъ понуждать, чтобъ отъ челобитчиковъ докуки не ждали, но тобы и помнили, чтобъ дѣло не лежало безъ дѣланія, и готовили бы къ слушанію. И егда кое дѣло къ слушанію готово, то судѣ съ товарищи слушать не дожидаясь отъ истца или отвѣтника докуки о вершенѣ.

Судѣ надобно помнить то, чтобы даромъ и одинаго дни не пропустить, чтобъ дѣла какого изъ той росписи не вершити, и слушавъ, чинить рѣшеніе немедленно, дабы люди Божіи во излишнихъ волокитахъ напрасно не мучились.

А и дѣла къ слушанію готовить, по мнѣнію моему, надлежитъ сице: котерый подъячій изъ коего дѣла дѣлалъ выписку, тотъ бы и подписалъ подъ тою выпиской: я (имркъ) выписку сію дѣлалъ, и истецъ по сему и по сему правъ; а буде истецъ виненъ, а отвѣтникъ правъ, то такожде именно подписать, почему онъ правъ и почему другой виноватъ.

И судьямъ то дѣло выслушавъ высмотрѣть хорошенько правды и неправды, и ради лучшаго разумѣнія сдѣлать изъ дѣла выметку коротенькую, и росписать именно правости и виновности, и высмотря ту выметку и посмотрѣть подъяческаго оговору, кого онъ править. И буде подъяческій оговоръ съ судейскимъ сходенъ, то и ладно такъ; а буде у подъячяго оговоръ сдѣланъ разумнѣе и правильнѣе, то такого подъячяго надобно оберегать. А буде дѣлъ пять-шесть или

десятокъ сдѣлаеть, и оговоры его правильны, то надлежитъ его и честью повысить.

А буде же подъячій сдѣлаеть вопреки правдѣ, то учинить ему наказаніе неоскудное; а буде же дѣлалъ такой приговоръ по пристрастію, то лютѣ, лютѣ, наказать и жалованье убавить; а буде же въ другой рядъ такожде неправо подписеть, то уже и казни подпадетъ.

И егда кто богатый или самый убогій челобитную о обидѣ своей или и въ каковомъ ни есть случаѣ подасть, то, по моему мнѣнію простотному, надлежитъ ее судѣ принять, и замѣтить число подачи, а къ запискѣ ее въ протоколъ не отдавать, и самому судѣ вычести ее со вниманіемъ и чтобъ чтенное памятовать. И высмотря челобитную втонкость, взять того челобитчика въ особое мѣсто, и спросить его сице: „Друже! подалъ ты челобитную о обидѣ своей, праволь ты на него бьешь челомъ?“ И аще онъ речеть самую правдою, то надлежитъ ему молвить: „Господа ради самъ ся осмотри ты, чтобы тебѣ не впасти въ напасть и въ великой убытокъ, паче же убытку въ грѣхъ не впади; чтобы тебѣ во второе Христово пришествіе праведнымъ Его судомъ осуждену не быть,“ и сказать: „мы судимъ овогда право, овогда же и неправо; понеже мы не сердевѣдцы, а тамо не нашъ гнилой судъ будетъ, но самый чистый и здравый, и всякая ложь и правда будетъ явна, и не токмо большія дѣла, но и самая малая крупина будетъ обнажена, понеже самъ сердевѣдецъ Богъ имать судити. Святой Апостоль Павелъ глаголетъ: яко страшно есть впасти въ ружь Бога жива (ко Евреемъ гл. 9, ст. 31); и сего ради ты, друже мой, самъ въ себѣ помысли, дабы тебѣ не впасти въ Божій судъ. Вельми надобно Божія суда страшитися; понеже Богъ ни на каковыя лица не смотритъ, но на самое дѣло; и аще ты сего чело-вѣка изубытчишь напрасно, и на нашемъ судѣ аще и правъ будешь, а тамо оправданіе наше будетъ тебѣ въ большее осужденіе, буде напрасно его изубытчишь, а и насъ на грѣхъ приведешь. И аще ты самъ предъ нимъ чѣмъ виненъ, а надѣясь на свою мочь потолочишь его, то уже самое горшее осужденіе примешь. И аще тогда и каются будешь, да ничего себѣ не поможешь; и того ради нынѣ осмотришь, дабы тебѣ въ вѣчную погибель не вринутися. Кто предъ Богомъ не грѣшенъ, и кто передъ Царемъ не виненъ! Такожде и между собою како бы въ чемъ не поссоритися, Господа ради не входи въ большую ссору, не приложи болѣзни къ болѣзни, и суперника своего не вводи въ большой убытокъ. Если ты и правъ будешь, то не безъ убытку тебѣ будетъ; а если же да неправъ будешь, то его изубытишь, а себя и наипаче въ великую напасть ввалишь: понеже всѣ убытки его, что онъ ни скажетъ, безсрочно доправлено на тебѣ будетъ, да въ казну заплатишь пошрины, а приказнымъ людямъ дашь заработныя деньги. Пойди себѣ съ добрыми людьми подумай, и какъ внестъ, хотя бы на себя поступа, а лучше помирись, а челобитную его у себя поблюди, дондеже о миру договоръ учинять.“

И потомъ отвѣтника велѣтъ сыскать. И егда отвѣтникъ приведенъ будетъ, то такожде на словахъ его пораспросить: чѣмъ онъ виненъ, и спросить его за вѣрою, чтобы онъ сказалъ всю правду, какъ что было, и за что у нихъ стало.

И буде онъ тебѣ повинится, то ты для памяти вину его у себя записать, и за повиновеніе надлежитъ надъ нимъ милость показать, како бы ихъ смирить, а до большихъ бы убытковъ не допустить. А аще повинится въ малой винѣ и о прочемъ скажетъ съ клятвою, что написалъ на него излишнее, то уже судѣ надлежитъ болѣе пораздробить истца на словахъ, и поискать правды всякими примѣрами. И буде отвѣтникъ прямо сказалъ, то въ истцѣ * можно поклепной искъ познать.

А буде отвѣтникъ за такимъ великимъ притужаніемъ вины своей ничего не скажетъ, и клятвою закрѣпить, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, напаль де на него челобитчикъ напрасно, и то что онъ не скажетъ, записать, и всячески на словахъ его пораздробить, какъ кого на тотъ часъ Богъ вразумитъ.

* Такъ у Стр., а въ моемъ спискѣ кажется ошибочка выше.

А еще кто умно будетъ разговаривать, то на тонкостныхъ словахъ можно познать, правдуль сперва сказалъ или неправду; и буде признается въ немъ вина, то надлежитъ его и наипаче принудить съ великимъ притужаніемъ, чтобъ онъ помиловалъ себя и помирился.

А буде признана будетъ истцова неправда, что ищетъ онъ нападкомъ, то надлежитъ его понуждать къ миру, чтобы онъ ни отвѣтчика, ни себя въ убытокъ бы не валилъ, а вражду свою порвалибъ безъ допросовъ, чтобы имъ обоимъ убытку напраснаго не было.

А буде же истецъ или отвѣтчикъ будетъ гордо говорить, и на миръ идти не похочетъ, и таковому сказать: „добро то буде ты правъ будешь, а буде же явишися виненъ, то тогда ни малыя милости отъ насъ не получишь. Однако же еще ты и весьма правъ, а лучше безъ большихъ убытковъ помириться, потому что и худой миръ лучше добрыя брани, а живите себѣ въ любви: вѣдаешь ли ты о семь, что идѣже любовь, ту и Богъ; а идѣже вражда, тамъ діаволь; и дать имъ сроку дни на три или на четыре. И еще во всемъ помирятся, то пришли бы они оба предъ судію и объявили бы о мирѣ своемъ, и тотъ ихъ миръ записать въ книгу, на то устроенную, и записать именно, о чемъ у нихъ было дѣло подлинникомъ, а не перечнемъ, и къ той запискѣ приложили бы руки, а челобитную подрать и отдать челобитчику; и мировыя пошлины взять съ нихъ по указу; и въ мировой книгѣ подъ запискою ихъ и подъ взятіемъ пошлинъ закрѣпилъ бы самъ судья или воевода.

А еще кои соперники въ миръ не пойдутъ, то чинить имъ допросъ по указу передъ судьей, и кто кого чѣмъ будетъ уличать, надлежитъ судѣ слушать и внимать, и на словахъ обоихъ ихъ надобно судѣ поводить, и искать въ нихъ правды, и на многихъ и тонкостныхъ словахъ означится правда и неправда.

И буде одинъ изъ нихъ силенъ и честенъ и словесенъ, а другой бѣденъ или не бѣденъ, да безсловесенъ, къ тому же еще и мало смыслящъ, то судѣ надобно на сильное лицо не стыдясь возстать, еще во убогомъ или и неубогомъ, да безсловесномъ истцѣ или отвѣтчикѣ признается правость; а который многословіемъ своимъ не дастъ ему въ словахъ выправиться, то всячески, ради любви Божія, помощи подобаетъ безсловесному и сильному не давать его безсловеснаго изобидѣти; понеже судъ именуется Божій, то тако надлежитъ и чинить, чтобы судъ былъ подобенъ Божію суду, нелицепріятенъ.

И чтобы на судѣ и на допросѣхъ были истцы и отвѣтчики сами, а не наемные ябедники; понеже ябедники ябедничествомъ и многословіемъ и самую правду заминаютъ и праваго виннымъ поставляютъ, а виноватаго правымъ, и такъ правду заминаютъ, что и судьи словъ ихъ разобрать не могутъ; и кой не ябедникъ, а ябедникъ буде мѣшать ему не будетъ, то онъ больше правду будетъ говорить, а будежъ и молвить какое слово неправо, то онъ и сомнется. И того ради не у ябедника скорая виновность и правость познать можно. И того ради супернику не надобно давать словъ его заминать; а и подъячему, кой записываетъ, торопить его, ни спорить, ничего не надобно: какъ онъ знаетъ, такъ пусть и выправляется, только бы лишь постороннихъ и къ тому дѣлу неприличныхъ словъ не говорилъ бы.

И егда будутъ въ допросахъ, и станутъ на одной ставкѣ другъ друга уличать, то судѣ при семъ надобно держать ту записку, которая записана въ конторѣ въ первыхъ ихъ разговорахъ, и смотрѣть прилежно, не будетъ ли истецъ или отвѣтчикъ съ первыми своими словами разбиваться. Буде станетъ говорить не такъ какъ на одинъ сказалъ, то во измѣнныхъ словахъ паче перваго надлежитъ въ словахъ раздробить, чтобы дощупаться самыя правды. И еще безсловеснаго явятся слова съ первыми сходны, а умнаго словесника явятся рознь; то всячески надобно безсловесному помогати, и сильному не дать его тѣснить и обиду чинить.

А буде во время допроса подойдетъ кто съ стороны, и станетъ въ какихъ либо словахъ учить, то того учителя надлежитъ взять подъ карауль; и буде безхитростно поучилъ, то штрафомъ его обложить; а буде нарочно, на то уготовавшись пришелъ, то и розыску подлежить.

И того ради во всякой канцеляріи надлежитъ слѣдвать особные чуланцы, чтобъ во время допроса никто посторонній тутъ не былъ, а и судѣ бы никто не мѣшалъ.

И за обидимаго и самому судѣ надлежитъ быть стряпчимъ, обиднику же быть жестокимъ судіею и немилостивымъ. Такъ надобно здраво судить, чтобъ еще и самый свойственникъ ближній подъ судъ приличится, а по дѣлу виненъ будетъ, то отнюдь не надлежитъ его щадить, чтобы во второе свое пришествіе Господь Богъ не сталъ пересуживати, и за неправый судъ не быть осуждену самому судѣ на вѣчное мученіе.

И у коихъ суперниковъ учинится какая ссылка общая или необщая, то паче судныя записки прилежно и разсмотрительно надлежитъ въ нихъ поискать прямыя правды; потому что ни въ чемъ таковыя лжи не обрѣтается, колико въ свидѣтельствѣ.

А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишуть заочно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ.

И ради истребленія таковыя ябедническія неправды надлежитъ первѣе по обыкновенію приказному взять у нихъ сказки за руками, и чтобъ подъячіе ихъ въ словахъ не разбивали и не научали бы, какъ лучше сказать, но дали бы имъ въ словахъ волю, и что ни скажутъ, добро или худо, сходно или несходно, такъ бы и писали, и чтобы къ тѣмъ сказкамъ приложили они руки, а дьякъ или секретарь закрѣпилъ бы тогожь часа, дабы послѣди нельзя имъ перемѣнить тѣхъ сказокъ. А буде кой скажетъ: за мною де тѣхъ рѣчи, то такъ и записать, что сказалъ тѣхъ рѣчи и за мною, кои первой третій скажетъ.

А кто послался на повальный обыскъ, то по прежнему взять у нихъ свидѣтельство за тамошними руками. И егда тѣ обыски приняты будутъ въ приказъ, то надлежитъ велѣть имъ привести изъ тѣхъ свидѣтелей чловѣкъ двухъ или трехъ изъ разныхъ деревень, а буде большой сыскъ, со всякаго десятка по чловѣку достовѣрнаго свидѣтельства.

И егда свидѣтели явятся въ канцелярію и судѣ, тѣ обыски принявъ и высмотря ихъ, взять изъ тѣхъ свидѣтелей одного въ контору, и поставя его предъ образъ Божій и рещи: „ты, другъ мой, написанъ свидѣтелемъ, и скажи ты мнѣ такъ, какъ тебѣ на второмъ Христовѣ пришествіи стать, и не могли ты ни единого лживаго слова сказать: еще неправду скажешь, то себя погубишь; и ты самъ себя побереги, не могли ты не убавишь, ни прибавишь, какъ что видѣлъ, такъ и сказывай. Я тебѣ сказываю, что если ты мнѣ солжешь и скажешь по дружбѣ или изо мзды неправду, то кто тебя принудилъ солгать виновенъ будетъ платежу, а тебѣ за неправо твое свидѣтельство по новоизложенному Его Императорскаго Величества указу отсѣчь голову; и ради незабытныя памяти и инымъ свидѣтелемъ на показаніе голову твою возложить на колъ, и поставятъ ее при входѣ въ канцелярію, дабы всѣми всегда зримо была, и колико лжесвидѣтелей ни явится, всѣхъ рядомъ головы на колѣ тыкать, а пожитки всѣ ихъ взяты будутъ на Великаго Государя, а жены и дѣти будутъ отданы въ вѣчную работу. И того ради самъ ты себя и дѣтей своихъ побереги: буде ты подъячему сказалъ и ложно, то ты теперь исправься и скажи мнѣ самую правду, какъ ты что видѣлъ или слышалъ отъ кого, или только отъ кого слышалъ, кто на тебя послался; а буде нынѣ прямую правду мнѣ скажешь, то себя избавишь ты отъ смерти, а что подъячему ложно сказалъ, въ томъ прощенъ будешь.“

И еще кто скажетъ предъ судьею прямо, что онъ по наученію того суперника, кой на него слался, сказалъ ложно; то та вина раздѣлится на двое: половину тому лжесвидѣтелю, а другую учителю, и учинить имъ наказаніе равное, и по жестокомъ наказаніи запятнать ихъ на лицѣ и на рукѣ лжесвидѣтельнымъ пятномъ; и буде впредъ въ такомъ же ложномъ свидѣтельствѣ явится, то безотложно чинить казнь смертную.

И кто въ какомъ дѣлѣ ни принесетъ повинную, то таковыхъ отъ наказанія жестокаго чинить облегченіе, и на такія дѣла и книгу имѣть особливую, чтобъ кромѣ повинныхъ иныхъ никакихъ дѣлъ не писать, что можно было бы безъ замедленія сыскать хотя въ десять лѣтъ. А буде кто въ такой же винѣ явится впредь, то чинить ему указъ уложенный.

А будеже предъ судьей въ конторѣ не повинится и въ словахъ своихъ станетъ мяться, то такового надобно съ великимъ притужаніемъ напорно всякими образы разными допрашивать: давно ли то было, и товарищи его, кои въ росписи написаны, все ли тутъ были, и прежде ли его они пришли или послѣ, или все они вмѣстѣ пришли, и откуда пришли, и гдѣ они сошлись, и отъ чего у нихъ сталось, и какъ кончилось, и о какомъ часѣ дни или ночи и въ какой хороминѣ или на дворѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, и буде въ хоромехъ, то въ какомъ мѣстѣ, въ переднемъ ли углу или у дверей или у печи или за столомъ, и сидячи или стоя, и рано ли или поздно, и на дворѣ ведрено ли въ то время или ненастливо было, и послѣ того случая какъ разошлись, и кто изъ нихъ прежде пошелъ отъ него, или кто остался, или все вмѣстѣ пошли, и колико ихъ было, и всехъ ли онъ знаетъ или никого не знаетъ?

И какъ кого Богъ вразумитъ, надлежитъ въ самую тонкость свидѣтелей допрашивать и все тѣ дробныя рѣчи записывать именно, какъ кто о чемъ ни скажетъ; потому что въ свидѣтельствѣхъ безъ мѣры много ложныхъ свидѣтелей бываетъ, а на тонкостныхъ распросахъ мудро ему ложь свою укрыть будетъ, и допрося отвести его въ особое мѣсто, чтобы онъ ни съ кѣмъ никакого слова не промолвилъ.

И потомъ, другаго свидѣтеля взявъ, допроситъ, и у того допросу никто бы постороній не былъ, но токмо подъячій одинъ кой будетъ записывать; и буде грамоты кто умѣетъ, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣетъ, то печать бы свою приложилъ, чтобъ послѣди спорить не сталъ.

А буде какимъ случаемъ тотъ допрашиваемый свидѣтель промолвитъ съ товарищами слово какое, ко лжи подтвердительное, то надлежитъ распросить его уже и въ застѣнкѣхъ: чего ради такую рѣчь имъ промолвилъ?

И колико ихъ свидѣтелей ни будетъ, всехъ допрашивать таковымъ же образомъ; а буде не все свидѣтели придуть, то никого изъ нихъ не допрашивать, пока все на лицо не будутъ.

А по такому тонкостному допросу вся будетъ правда и неправость явна. И будебъ кои свидѣтели былибъ ложные, то какъ бы они ни ухищряли, а въ таковыхъ допросѣхъ утаить будетъ не можно: при Даниилѣ Пророцѣ и два свидѣтеля не могли своей лжи сокрыть, и за то оба смерти преданы. А если гдѣ случится свидѣтелей пять-шесть; то хотя бы они все цѣлый годъ твердили какъ имъ сказать, то не могутъ неправаго свидѣтельства сочинить, но всехъ ихъ ковь явѣнь будетъ.

А буде же въ свидѣтельствѣхъ случится токмо одинъ человекъ, то также надлежитъ его сперва, по приказному обыкновенію, подъячему допроситъ, потомъ по вышеописанному жъ изъявленію взять его въ контору, и распросить его такимъ же тонкостнымъ допросомъ или и вяще того, какъ на тотъ часъ Богъ вразумитъ судію; понеже въ одномъ свидѣтелѣ многотрудно прямую правду сыскать. Обаче, допрося его, отдать подъ караулъ, и ввести въ контору того, кого оправить, и распросить его именно противъ свидѣтельскаго порядка безъ уятія дробныхъ вопрошеній, но и еще приложить тонкостнѣйшихъ допрошеній, дабы и въ одномъ свидѣтелѣ можно бы правду и неправду сыскать, и просить его о томъ свидѣтелей: прежде ли суперника его пришелъ къ нему или послѣ, и пришедъ, въ какомъ онъ мѣстѣ сѣлъ или стоялъ, и отъ него вмѣстѣ ли съ тѣмъ суперникомъ пошелъ вонъ, или прежде или послѣ?

И буде тотъ истецъ и отвѣтчикъ въ допросѣхъ своихъ размолвится; то паки взять того свидѣтеля и объявить ему размолвку, и пристрастить его гораздо, чтобы онъ сказалъ самую правду безъ пытки. И буде повинится, чтобъ

онъ наученъ на такое ложное свидѣтельство, то по вышеописанному жъ вину разложить на обоихъ, кто его научалъ и на него, послушника лжи.

А буде тѣми допросами разнять не мочно, то привести въ контору того, кого свидѣтель винить. А буде тотъ суперникъ видя себѣ обличеніе прямое, повинится, то и конецъ дѣлу; и буде же не повинится и скажетъ съ клятвою, что свидѣтель на него свидѣтельствуеть ложно, и ради изысканія правды и его спросить тѣмъ же порядкомъ вдробъ, какъ они въ то время случились съ суперникомъ онымъ, и свидѣтель тотъ, какъ тутъ прилучился быть, при немъ ли пришелъ, или до него тутъ былъ, и чтобъ сказалъ всему тому дѣлу начало и конецъ, и всему тому дѣлу весь порядокъ, какъ что было.

А буде съ третьимъ у него будетъ различіе въ порядкѣ того случая, то паки взять въ контору свидѣтеля, и примѣняясь къ различнымъ словамъ, спросить его обо всемъ снова инымъ уже порядкомъ; и буде сомнется въ словахъ своихъ, и явится въ порядкѣ томъ разность, то немедля и въ застѣнокъ, и спросить уже и съ пристрастіемъ и съ розыску. Если явится, что онъ на лжи свидѣтельствовалъ по дружбѣ или по свойству, а не изъ найму, то мнится мнѣ, мочно ему отъ смерти быть и свободну, а наказаніе весьма жестокое и чинить, какъ о томъ уложено будетъ; а знакъ не токмо на рукѣ, но и на лицѣ положить такое, чтобъ онъ веѣмъ людямъ знатенъ былъ, что онъ лже-свидѣтель, и никтѣмъ ему не вѣрилъ.

И ради таковыхъ допросовъ изыскательныхъ надлежитъ судѣ пріѣзжать по обѣдѣ, чтобъ допрашивать всякими разными порядками не торопясь, не такъ допрашивать какъ сѣмо написано, но смотря по дѣлу и по случаю, и на самое дѣло зря, а не наизусть; ибо дѣла не видѣвъ, не можно о всемъ вполности написать; сѣмо означено токмо для примѣру, какимъ порядкомъ что чинить. И къ тому примѣняясь, надлежитъ у Бога милости просить всякому судѣ, чтобъ вразумилъ его, какъ ему правда сыскать, и какъ неправда познать; и во время допроса не надлежитъ въ судейскую палату излишнихъ людей пускать, чтобы въ допросѣхъ помѣшательства никакого не чинили. И егда истцовы и отвѣтчиковы и свидѣтелей допросы кончатся, и правда вся означится, то немедленно надлежитъ и вершить его, чтобы, за тѣмъ дѣломъ вочасъ, люди Божіи не разорились, и напрасно не убытчились. Буде же кои люди повинны будутъ смерти, то и ихъ держать долго не надлежитъ: токмо для покаянія недѣлю мѣста или дней десять, дабы въ тые дни постился и молился, и въ грѣхахъ своихъ каялся.

А буде кои люди явятся богохульцы, иже тѣло Христово и животворящую Его кровь въ скверну вмѣняютъ, и ругающесе мерзостію заустенія нарицають, то таковому не надлежитъ живу быти ни сутокъ, но изъ застѣнка вышедъ, вершить его; потому что таковыхъ самъ Богъ еще при Моисеѣ повелѣлъ предавать смерти.

(Осмотришь, старичокъ, и эту рѣчь вельми! нѣсть грѣхъ, побѣждающъ Божию челоувѣколюбію!) *

А буде кто изъ таковыхъ хульниковъ проситься будутъ на покаяніе, вѣрить тому не подобаетъ; понеже нѣсть таковымъ покаянія; самъ бо Царь Богъ усты своими рекъ: (Матѣ. гл. 12, ст. 31, 32) Аще кто Духа святаго восхулитъ, не отпустится ему той грѣхъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. А тыи богохульницы явно Духа Святаго восхулиша, иже дѣйства Духа Святаго хуляютъ, и силу Его Божественную снижаютъ и отъемлють, якобы нынѣ Духъ Святый ни накакая церковная дѣйствія не сходитъ и не дѣйствуетъ.

Вси бо богохульцы послѣдуютъ діаволу; како діаволь что ни речеть, то все ложь; ничимъ же разни и богохульцы: что не скажутъ, то все ложь; какъ законы ихъ ложны, такъ и слова ихъ всѣ лживы.

И буде вступятся за нихъ духовнаго чина или мірскаго, и будутъ просить, чтобы изъ таковыхъ богохульцовъ отъ смерти свободить, и буде поручатся

* Этихъ словъ у Стр. нѣтъ. Не принадлежать ли они переписчику въ моемъ спискѣ?

въ томъ, что они совершенно каются, и хотятъ къ православной древней вѣрѣ приступить, неложно то въ поручной записи написать именно, что впредь ему благохульникомъ не быть и людей Божіихъ изъ древней вѣры въ новыя свои разновѣрія не привлечь, но и старыхъ своихъ товарищей, отпадшихъ отъ благочестія обращать на истинную христіанскую древнюю вѣру, и аще кого увѣщаетъ, на покаяніе приводить бы въ приказъ къ запискѣ. А буде обращать отъ своего заблужденія не будетъ, то онъ лестно покается; и за то поручиковъ его оштрафовать надлежитъ, а его въ вѣчное заточеніе отослать или уже повершить его.

А буде же кто по покаяніи своемъ будетъ учить своему зловѣрію, то уже отнюдь сроку ему не давать его жестокой смерти, а поручниковъ его оштрафовать съ наказаніемъ.

А разбойниковъ, мнится мнѣ, больше трехъ пытокъ не для чего пытатъ, дабы во многихъ пыткахъ не продолжилось ихъ сидѣнье. Вора и разбойника отнюдь держать долго не надобно: что долѣ онъ сидитъ, то болѣ отъ него пакости. И каковой воръ въ первомъ и въ послѣднемъ застѣнкѣ говоритъ согласу, то и приведъ его къ плахѣ, паки спросить: правдуль на нихъ сказалъ? И буде и при самой смерти то же скажетъ, то его вершить, а по оговорныхъ людей послать, и какъ прилично будетъ, такъ и розыскивать и послѣди его.

Аще такой краткостной судъ будетъ ворами и разбойникамъ, то имъ страшнѣе жестокихъ смертей будетъ; понеже кой разбойникъ ни попадется, то уже взвороту ему не будетъ, и по прежнему долго жить не станетъ; что попалъ, то и пропалъ. А долгое сидѣніе великая была имъ потачка; а и каторга имъ не великая угроза: потому что и изъ каторги уходятъ. А аще въ недѣлю конецъ будетъ, то всякой воръ и разбойникъ страшень будетъ.

И егда приведутъ какого вора, а тутъ есть какой воръ давной сидѣлецъ, то новоприведеннаго отнюдь къ нему сажать не надобно не распрося, но посадить его особливо, чтобъ ни съ кѣмъ онъ не видѣлся, а послѣ и распросу не весьма спускать надобно; потому что многіе съ приводу всю правду сказываютъ и въ убійствѣ винятся, а егда старые колодники подкрѣпятъ, то уже и станетъ себя сговаривать, и со огня ужъ не будетъ виниться; и тако иные на свободу выходятъ.

А буде воры оговаривать въ товариществѣ своихъ жителей домовыхъ, то въ домѣхъ ихъ во всѣхъ клѣткахъ переискать накрѣпко, нѣтъ ли какого платя или иной какой рухляди, коя ему не свойственна.

И буде у кого явится приличнѣ къ воровству, то и безъ свидѣтельства будетъ онъ явленъ; а буде никакой прилички не сыщется, то сосѣдей всѣхъ допросить накрѣпко: вѣдаютъ ли за нимъ какое воровство, и чтобы сказали безъ утайки; и сказать тѣмъ сосѣдямъ именно: буде въ воровствѣ вѣдаетъ, а не скажетъ, а послѣди явится, что вѣдали,—какова смерть вору, такова и вамъ будетъ.

И аще и ничего сосѣди ближніе не скажутъ, обаче спросить и дальнихъ; и буде и дальные сосѣди скажутъ, что онъ доброй человекъ, то положи на рукѣ его такой знакъ, что былъ онъ въ оговорѣ и отпущенъ на свободу. А буде предъ иные воры оговаривать его будутъ, то надлежитъ уже и его пытатъ.

А буде, посланный по воровъ учинить ворами какую понаровку, и понаровка его будутъ явна, точю * достоинъ будетъ и смерти.

Мнѣ мнитсѣ: если бы новоприводныхъ воровъ послѣ приказнаго распросу не медля ни часа и въ застѣнокъ бы, чтобы онъ не надумался, то онъ оторопѣетъ и скажетъ привидѣе; а егда надумается, то уже прямой правды не скажетъ. И аще кой воръ въ приказномъ распросѣ винился, а съ пытки станетъ заператься, то надлежитъ его жестокими муками мучить, чтобы онъ сказалъ, кто его научилъ себя сговаривати; и егда скажетъ научившаго его, то

* У Стр. т о ч а ю.

взявъ того учителя, жесточайшими пытками пытать, чтобы онъ сказалъ то, чего ради онъ училъ сговаривать съ себя, и учинить ему наказаніе жесточайшее.

А которымъ вора́мъ надлежитъ животъ дать, тѣхъ просто отнюдь не отпускать, а учиня наказаніе, уставленное на обѣихъ рукахъ и на лицѣ положить клейма, чтобъ онъ былъ все́мъ людемъ явенъ, въ какой винѣ былъ; и буде впредь хотя мало приличится къ таковому́жъ дѣлу, то уже конецъ извѣстной.

И о семъ судьямъ вельми надлежитъ пе́нсия, чтобы въ тюрьмахъ колодниковъ не много было; то бы добро, ежебы и единого узника не было: худа судьямъ похвала, что колодниковъ много держать, но та самая честная похвала, чтобъ ни одного не было.

То судьѣ прямая честь, ежебы не токмо колодниковъ, но и челобитчиковъ въ канцеляріяхъ не много шаталось. Я не знаю, что въ семъ за краса, еже такъ въ канцелярію челобитчиковъ натѣснится, что до судьи и дойти не мочи.

То бы добро, ежебы предъ судьей человѣка два-три или пять-шесть стояло, и то, кони́мъ дѣло есть, а кому дѣла нѣтъ, тобы поклонъ отдавъ, да и шель бы вонъ, а челобитчикомъ бы не мѣшаль, такожде и судьѣ въ разсужденіи препоны бы не дѣлалъ.

По моему мнѣнію надлежитъ такъ судьямъ учинить, чтобы не то, что предъ ними, но и въ подъяческихъ столахъ, никто бы безъ дѣла не шатался.

И подъячимъ все́мъ надлежитъ приказать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобы челобитчиковъ отнюдь долго не волочили; и о семъ всякой судья за подъячими смотрѣлъ бы прилежно, чтобы они безъ подлиннаго повелѣнія ничего бы не дѣлали. И буде кому надлежитъ выписка, или и иное какое дѣло дѣлать, то всякой бы подъячій своему дѣлу срокъ положилъ, и челобитчику велѣлъ на положенной срокъ приходиться къ себѣ; а до срока отнюдь бы въ приказѣ не шатался; и для вѣрности давалъ бы подъячій челобитчикомъ росписные ярлыки, и въ тѣхъ ярлыкахъ писалъ бы именно, къ какому числу то его дѣло онъ изготовить. И буде на тотъ срокъ онъ не сдѣлаетъ, и челобитчикъ придетъ передъ судію съ срочнымъ ярлыкомъ, и по тому ярлыку судьѣ надлежитъ призывать подъячаго, и спросить, чего ради онъ того дѣла по слову своему не сдѣлалъ? И буде какое принесетъ о себѣ оправданіе явное и приличное, а не самовольное медленіе, и тому надлежитъ дать сроку; и буде и къ тому сроку не сдѣлаетъ, то уже надлежитъ дать ему наказаніе и со штрафомъ.

И аще въ коей канцеляріи тако устроено будетъ, то въ томъ приказѣ никогда людей много шататься не будетъ. А челобитчики вмѣсто излишнія волокиты будутъ управляться; купецкіе люди—купечествомъ, а мастеровые—за руководѣлемъ своимъ; и отъ того въ народѣ пополненіе будетъ.

А гостинцовъ у истцовъ и у отвѣтчиковъ отнюдь принимать не надлежитъ; понеже мзда заплѣпляетъ и мудрому очи. Уже бо кто у кого приметъ подарки, тѣ всячески ему будетъ пособствовать, а на другаго посягать; и тѣ дѣло уже никогда право и здраво разсуждено не будетъ, но всячески будетъ на одну сторону криво. И того ради отнюдь почетки ни малыя судьѣ принимать не годствуетъ, дабы въ неправомъ разсужденіи предъ Богомъ и Царемъ не согрѣшить.

А кто предъ судьей придетъ и будетъ стоять молча, и такового человѣка надлежитъ судьѣ спросить тихимъ гласомъ: какого ради дѣла стоитъ? И егда скажетъ онъ о дѣлѣ своемъ, то надлежитъ дѣло его паче докучливаго управить, потому что многіе люди бываютъ самые смиренные и застѣнчивые; и аще самая крайняя * нужда, помощника ему нѣтъ, а самъ подокучить не смѣетъ; и того ради всячески ему помогати. И буде есть ево правость, то и наипаче подати ему руку помощи; понеже, таковыхъ безсловесныхъ многословные ябедники вельми избиваютъ, и многорѣчіемъ своимъ и правду ихъ заминаютъ. А буде кто бѣдной человѣкъ, и на пути кого либо побьетъ челомъ о обидѣ своей, а дѣло

* У Стр. кровная.

его невеликое, вагою ниже рубля; то, буде мочно, то тутъ бы его и рѣшилъ, а въ приказъ бы не волочилъ его.

Въ канцеляріи же егда случится дѣлъ каковыхъ слушать, то надлежитъ слушать не одними ушами, но и самымъ умомъ; такожде и товарищи бы всё слушали съ прилежнымъ вниманіемъ, и во время слушанія ни съ каковымъ дѣломъ побочнымъ не надлежитъ пропускать къ себѣ, и ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривать; дабы отъ неприлежнаго вниманія ума судейскаго не отводили. Такъ надобно разсмотрительно судить, чтобы никакой судья послѣдн: того вершенія не могъ перевершить; наипачежъ того годствуеть страшиться, дабы Богъ того суда пересуживать не сталъ, и за неправое сужденіе не отослалъ бы въ вѣчное мученіе.

И егда все то дѣло прочтуть, то главному судѣ никакой сторону оговаривать не надобно, но токмо еже и вразумѣлъ, то держать въ мысли своей; и егда товарищи мнѣнія свои подпишуть, то, высмотря ихъ мнѣнія, и свое объявить; и аще мнѣнія ихъ съ его мнѣніемъ согласны, то прочесть подъяческіе оговоры, и буде и подъяческіе оговоры сходнымъ жъ, то нечего много и разсуждать, но такъ его и вершить.

А буде же въ оговорѣхъ чьихъ разнь явится, то надлежитъ наипаче потолковать, и хотя и въ другой разъ прочесть, и разногласіе разобрать не топясь; и кой приговоръ правѣе явится, то, высмотря, гораздо, вершить.

И въ вершеніи первѣе бы подъячіе приговоръ закрѣпили, а потомъ товарищи судейскіе, а послѣди всѣхъ главный бы судья закрѣпилъ, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно. А буде кое дѣло спорно и къ разсужденію не поемно, то надлежитъ подлинное дѣло отдать въ другой столъ, который на то устроенъ, и подъячіе въ немъ сидѣли бъ самыя свидѣтельствованные и ко всякимъ дѣламъ разумительные; и велѣтъ ему сдѣлать изъ подлиннаго дѣла выметку, и по выметкѣ разобрать, сдѣлать выписка полная, а другая перечневая, и подъ выпискою подписать ему свое мнѣніе; и аще и по той выпискѣ разобрать будетъ не мочно, то аще и отречено въ древнихъ указѣхъ, еже по окончаніи суда въ пополненіе ни челобитенъ, ни доношеній принимать не велѣно, а мнѣ ся мнить, не то что челобитенъ не принимать, но и неволею брать у нихъ изъяснительныя сказки, дабы незатмѣнно мочно рѣшить ихъ дѣло, или пополнительныя челобитныя, или и снова судъ дать, дабы можно безъ погрѣшенія его вершить.

А буде кой подъячій подпишетъ мнѣніе свое неправо: станетъ праваго винить, а виноватаго править, или какую фальшу сочинять, правому ль къ винѣ или винному къ правости, то надлежитъ тонкостнѣе у него выпросить, и съ товарищи своими прилежно разсмотрѣтъ и выразумѣтъ. И буде означится его неправость и коварство, то таковаго надлежитъ и въ застѣнкѣ распросить, чего ради такъ онъ дѣлалъ. А буде же объявилъ онъ самую правду, то надлежитъ его жалованье прибавить, и честію его при иныхъ повысить; понеже, чего судьи разобрать не могли, а онъ разобралъ, и ясно показалъ самую правду.

А буде кой истецъ или отвѣтчикъ станетъ судейское вершеніе спорить, а оправданія себѣ не сыщеть, то на немъ за неправой споръ пошлины и проѣсти вдвое доправить; а буде послѣ втораго вершенія станетъ спорить, то взять уже на немъ пошлинъ и проѣсть вчетверо, а судьямъ доправить съ него безчестье.

Я по своему мнѣнію судное дѣло и управление вельми поставляю высокопаче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ. И того ради никакому человѣку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаеть судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицатися; понеже весьма тяжелоносно оно.

Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылають солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлають, а иному рублевъ и десять учинять убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ.

Хотя малая какая справка приказная, то не хотятъ подождать до инаго времени, но какъ судумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ, еже взять письменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шти случится, то и съ десятию рублями врядъ изнятся. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляютъ: они только свою тягость изчисляютъ, а людская—ни вочто. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людямъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей Государевыхъ въ чемъ поберець, и до убытка какого не допустить.

А кто хоцетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили, и того ради ни малаго бы убытку имъ не чинили. Всякому судѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно; то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберець!

А и сіи здраволы господа судьи разсуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ губернской канцеляріи годы по три и по четыре присылки были жестокия по Новгородскихъ служителей, кои были въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ у денежныхъ сборовъ, чтобы ѣхать по отчетъ; и ѣздили года по три и по четыре и больше. А приѣхавъ, да тамъ поживутъ недѣль десятокъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсорить, да и назадъ. И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотницѣ проѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту. И отъ того людямъ чинится великое разореніе и народное оскуденіе. Буде считать, то не почто откладывать изъ году въ годъ; а буде не считать, то волочить не почто.

А начто бы того лучше: въ коемъ городѣ кто служилъ, то тамъ бы ихъ и считать, и считать бы не десять лѣтъ спустя, но принявъ казну, да приходныя и расходныя книги, да и считали бы туточные судьи безотложно, тобы всякому служителю легко было служить, и отсчитаться не трудно, потому что всякое дѣло изъ памяти еще не вышло. А десять лѣтъ спустя, я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ покормки; а въ скоромъ отчетѣ и разоренія бы не было служителемъ, и отсужа, всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы.

Въ Нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зело. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу не знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочать, только прочать имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочать, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на Государя, то взявъ властно что въ огонь бросятъ; ибо взявъ ихъ, положить въ палату, да держать въ заперти годъ или больше, да станутъ цѣнить; то коя шуба соболья была рублевъ сотъ въ пять, ажно вынуть—гной одинъ, что и пяти рублевъ не стоитъ. И если бы о семъ предѣлъ положить сичевый: аще у кого подъ судомъ тако учинятъ, то сгноенные пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинятъ, то стали бы беречь и нѣхотя. Такова ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губятъ, напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто, ничье, нигдѣ даромъ не пропадало; понеже

все, что есть въ народѣ богатства—богатство царственное; подобнѣ и оскудѣніе народное оскудѣніе царственное.*

Я и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ, и не дочеты безвремененно правять? Буде какой человекъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратить, или и на свою потребу взять, и у отчету въ платежѣ не достанетъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвремененно разорить его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ.

И отъ того Великому Государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отбудутъ; а безвременные правежи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное разореніе, царству—истощеніе, а не собраніе.

Царская собранія не истощатся, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнять, а крутое собраніе не собраніе, но разореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ Коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнѣ Великаго Государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе; понеже никто разоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу за недомку дворъ и пожитки отберутъ, да оцѣнивъ вполъ или въ третъ или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако совсѣмъ его разорять.

А по новому, состоявшемуся Его Императорскаго Величества указу, на тѣ доимочныя деньги на всякой годъ на сто рублевъ придетъ прибыли по десяти рублевъ. И тако казна Великаго Государя будетъ цѣла и съ приплодомъ, а люди будутъ все цѣлы и ничѣмъ невредимы.

И кои люди держатъ на откупѣ кабаки или что и иное, и аще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по порутчиковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержаніи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинять великіе убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинять, но токмо препятіе Его Величеству интересу.

Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да къ скорости не нужное, то мочно ему и посрочить. Во всякомъ дѣлѣ надобно смекать, чтобы Ему Великому Государю прибыльъ была, а напраснобъ ничего не пропадало.

А буде кто похочетъ коликаго числа на промыслъ денегъ, то потребованію надлежитъ изъ казны дать; только того смотрѣть, чтобъ можно ему вѣрить, и на такую дачу учинить особливую книгу.

А у крѣпостныхъ дѣлъ на иманцовъ изъ Царской казны денегъ, или какихъ товаровъ, или въ подрядныхъ дѣлахъ, по моему мнѣнію, отнюдь иматъ не надлежитъ, но во устроенной на то книгѣ иманцу расписаться, а подъ его рукою подписались бы поручники и свидѣтели по обычаю. А ежели Царю брать на своихъ природныхъ рабовъ записи, вельми неслично, и чести Царской не прилично. Писать надлежитъ народу между собою; того ради буде противъ записи кто не устоитъ, то по записямъ другъ на друга бьютъ челомъ, и ищутъ судомъ.

И Царю неслично на людяхъ своихъ судомъ искать; но аще кто виненъ будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять, а не токмо имѣнія, но и смерть и животь въ руцѣ его есть. И того ради отнюдь не надлежитъ Царю людей своихъ записями крѣпостными крѣпить: только бы онъ руку приложилъ, то и крѣпость на него.

И аще у кого имѣнія будетъ изъ казны рублевъ тысячъ на десять или и на сто тысячъ, то надлежитъ во устроенной на то книгѣ расписаться, и буде

* Последняго предложенія въ сп. Стр. нѣтъ.

онъ человѣкъ не весьма полной, то и поручники тутъ же бы подписались, а свидѣтелямъ подписываться не надобно для того, что судья закрѣпить. И еще тако устроено будетъ, то въ иманьѣ великое поспѣшеніе имать быти; ибо ко- его дня понадобится, того дня и совершится.

А и въ купеческомъ дѣлѣ не весьма нужно во иманьѣ товаровъ писать у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости; понеже въ писаніи крѣпостей великое чинится замедленіе. На что того лучше, что не токмо у иноземцевъ Христіанскія вѣры, но и у бусурманъ, въ Турской землѣ, не то что во стѣ рубляхъ, но и въ десяти тысячахъ и вѣще не пишутъ записей по нашему на цѣблыхъ листахъ, но токмо расписется иманецъ, да тому и вѣрятъ, и вмѣсто нашего листа напишетъ строки двѣ или три. А у насъ, пока не правда не искоренится, то для вѣрности надлежитъ подъ иманцовою рукою поручникамъ подписываться и со свидѣтелями, то и межъ купечествомъ единокровная бы сдѣлка была, и купечеству великая бы способность сталабыть. А у крѣпостныхъ дѣлъ чинится великая волокита, и торгу остановка, и излишняя трата.

Мнѣся мнить: паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ, и еще правосудіе у насъ уставится, то всѣ люди будутъ боятися неправды: всему добру основаніе—нелицепріятный судъ! тогда и собраніе Царскія казны будетъ сугубо.

И того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла. А буде не сочинить на рѣшеніе всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякаго судьи свой умъ; и какъ кому понравится, то такъ и судить. А надобно такъ его усудить, чтобъ и не весьма смысленный судья могъ право судить.

И правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложеніе и новоу- уставленныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новостоявшіяся и древнія указныя статьи, собрать, и по приказамъ изъ прежнихъ, вершенныхъ дѣлъ, выписать такіе приговоры, на которыя дѣла ни въ Уложеньѣ ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь надлежитъ учинить пункты новые, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатъбы не вносить, но на всякія дѣла были указыныя статьи ясныя съ совершеннымъ расположеніемъ. И къ тѣмъ Русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ Нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять, и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и Турецкой судебникъ перевести на Славянской языкъ, и прочіе ихъ судебные и гражданскаго устава порядки управительные переписать, и кои сличны намъ, тобы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче Нѣмецкаго правленія. И того ради и дѣла у нихъ скоро и право рѣшать, и бумаги, по нашему, много не тратять, а и хлѣба напрасно не тратяютъ, а наипаче купечество праведно хранить.

И къ сочиненію тѣхъ судебныхъ книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ Божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кїи въ судебныхъ и воинныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои негорды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои невысокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны, и отъ дворянства, кїи разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кїи во всякихъ дѣлахъ перебылибъ, кїи и отъ солдатъ смыслены, и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кїи за дѣлы ходять, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывалибъ, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянехъ не быть людямъ разумнымъ?

И написавъ тыи новосочиненные пункты всеѣмъ народомъ освидѣтельство-
вать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подь принужденіемъ, дабы въ томъ изло-
женіи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и
убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣль-
цамъ, обиды бы и утѣсненія отъ незнанія коегождо ихъ бытія въ томъ ново-
исправленномъ изложеніи не было.

И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить Его Император-
скому Величеству, да разсмотритъ его умная острота. И кѣи статьи Его Вели-
честву угодны, то тѣ тако да и будутъ; а кѣи непотребны, тыи да извергнутся,
или исправить по пристойнству надлежащему. И сіе мое реченіе многіе воз-
непщуютъ, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть
народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю Его Величества самодержавія, но ради
самыя истинныя правды, дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности,
нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя
противности, иже правости противна. И аще кто узритъ какую неправостную
статью, тобы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость, и ни-
чего не опасаяся, подалъ бы ко исправленію тоя книги; понеже всякъ рану свою
въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ
людямъ (въ ?) свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а
егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана
свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя
книги. Того то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы
всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и
чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы
ненарушимо оно.

Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ
разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какаго чина незыблемо было.
И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невоз-
можно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія
не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, кому-ждо по силѣ его: овому далъ
много, овому же менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ
ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать много-
смысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гор-
диться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надле-
житъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки
многаци Богъ вѣщаетъ, и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть;
и того ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать много-
народнымъ совѣтомъ.

И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она будетъ,
вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде
никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ
какой статьѣ явится нѣкакая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить
и поправить ее; и того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ
или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная
книга строится, многія бы статьи и опробились.

И аще и иное какое дѣло съ таковымъ смиреніемъ снисходительнымъ бу-
детъ строиться, то самъ Богъ при такомъ дѣлѣ имать быти, и помощь свою
ко исправленію подастъ; понеже всегда Богъ со смиренными пребываетъ, и отъ
гордыхъ и высокоумныхъ отвращается. А правосудное дѣло самое святое и
богоугодное; и того ради всячески надлежитъ подщатися, дабы судъ Царевъ
былъ яко Божій; Богъ бо всеѣмъ намъ судья есть праведный, и на судѣ Его
нѣсть лицепріятія; тако и на Царевѣ судѣ не треба быть лицепріятію. Богъ
есть правосуденъ; того ради и въ человѣцѣхъ требуетъ праваго суда. И азъ
о правосудіи тако мню, еже Царю не тако полезень постъ и молитва, яко
правосудіе.

И аще Его Императорское Величество укажетъ правосудное изложеніе, избравъ изъ стараго уложенія и изъ иныхъ многихъ примѣровъ, сочинить новое, и пространное по своему природному глубокому, и по данной ему отъ Бога благодати, благоволишь и моего маломыслия объявленная дѣла размотрити, и аще кѣи угодны явятся пріяты будутъ, то * по пробѣ аще оно за многія дикія дѣла не вредно будетъ, то напечатать ихъ великое множество, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ селѣхъ безъ того бы судебника не было, чтобы всякъ его читалъ и волю Его Императорскаго Величества вѣдалъ, и ничего бы противно Его Величества волѣ не дѣлалъ, и отъ всякихъ неправыхъ дѣлъ отдалился бы. И впреди тоя книги надлежитъ сдѣлать всемъ дѣламъ изъясненіе, и разобрать ихъ по азбукѣ и по чину дѣлъ различныхъ, чтобы всякой человѣкъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти.

И аще суду и всякому правленію, како его правити, совершеннаго основанія письменнаго не учинить, и въ томъ правленіи самыя неподвижныя твердости не устроить, то колико о правомъ судѣ не старатися, а правосудія прямаго уставити будетъ не возможно.

А и основаніе положе, мнитися мнѣ, надлежитъ утвердить его жестокимъ указомъ и недвижимымъ. Аще кто великородный или и худородный высшаго суда, или и нижняго въ коемъ городѣ или уѣздѣ главный комиссаръ, или подчиненный, или иной какой правитель или и посыльщикъ, наипаче же аще сыщикъ или фискаль, не противъ того новаго изложенія станетъ что чинить своимъ вымысломъ, и хотъ малую статью нарушить, то казнить его неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. И ради самыя твердости надлежитъ судьямъ и просьбы ни отъ каковыхъ лицъ не принимать, дабы правосудію нималаго нарушенія не было. И аще кто и вельми заслужилъ, и вознадеясъ на заслуги, да по прежнему обыкновенію учинить какую обиду, аще и самому мизирному человѣку, то и тому былъ бы судъ неотмѣненъ и за вину чинить указъ неизмѣнный по изложенію, чему онъ подпадетъ, а заслугъ его въ зачисленіе вины его не зачислять, чтобъ тотъ правосудный уставъ нерушимъ былъ.

А аще кой человѣкъ нехитростной винѣ какой подпадетъ, и отъ надлежащаго наказанія и отъ казни аще надлежитъ послабить ему, то таковому на рукѣ положить знакъ; да аще паки въ таковой же винѣ явится, то уже безъ всякаго милосердія учинить ему указъ надлежащій неизмѣнно.

И аще въ таковой твердости неподвижно правосудіе годовъ пять-шесть постоитъ неизмѣнно безъ нарушенія, то все, яко малочинцы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженные люди будутъ страшны, и не токмо по прежнему обиды чинить, но и неправдъ будетъ остерегаться, и со всякимъ тщаніемъ будутъ дѣлать правду.

И ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобъ отъ правосудія ни много, ни мало судьи не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный Царю. Еже бы онъ былъ око Царево, вѣрное око, иже бы надъ всеми судьями и правителями былъ вящій, и за всякими бы правителями смотрѣлъ властительно, и никогдѣ онъ кромѣ Бога, да Его Императорскаго Величества не боялся.

А къ той канцеляріи приходъ бы былъ самый свободной, а самъ бы тотъ правитель былъ низокъ, и ко всякимъ бы людямъ былъ низходителенъ, и не тяжель бы онъ былъ; аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотрилъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя въ дѣлахъ неисправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщиковъ.

Такожде, обходя судебныя мѣста, и челобитчиковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова нападка и излишней волокиты, и не осудилиль кого не

* То у Стр. нѣтъ; впрочемъ это мѣсто по обоимъ спискамъ не ясно.

противъ даннаго имъ изложенія, и не взялъ ли кой судья или подъячій излишняго взятка?

И у всѣхъ коллегій и канцелярій прибить печатные листы со объявленіемъ такимъ: буде судья или подъячій какую учинить въ дѣлѣ неправду, то приходили бы въ ту канцелярію, то всякому лицу тамъ будетъ управа.

Такожде, буде кто изъ сильныхъ лицъ избидитъ кого убогаго, или судья гражданскій, или военный офицеръ чѣмъ солдата или драгуна избидитъ, а онъ суда на него не сыщетъ, то тутъ бы избиденный искалъ обороны.

А буде кой судья или комиссаръ или фискаль неправду какую сдѣлаетъ, какую гибель Царской казнѣ похищеніемъ или небреженіемъ, и аще кто о томъ подлинно увѣдомится, то доносили бы въ той канцеляріи не обинуясь, и никого не опасаясь, потому аще и на господина своего, или на командира, аще и сильного, уже выдачи изъ той надзирательной канцеляріи не будетъ, только бы вѣрно доношеніе было, и доносили бы не догадками своими или мнѣніемъ своимъ, не усмотря самое дѣло; и за такое доношеніе доносители великимъ жалованьемъ пожалованы будутъ.

А судьямъ и всѣмъ приказнымъ людямъ Государево жалованье денежное и хлѣбное надлежитъ отставить, чтобы въ томъ жалованьѣ казна Великаго Государя напрасно не тратилась. Я чаю, что судьямъ и приказнымъ людямъ на всякой годъ тысячъ десятка по два-три исходить, а пропадаетъ оно даромъ, ни за одну деньгу гинетъ; потому что они не много дѣлаютъ даромъ, а аще бы и даромъ дѣлали, то что Великому Государю прибыли?

Мнѣ мнится лучше учинить пропитанія ради главнымъ судьямъ и приказнымъ людямъ учинить окладъ съ дѣлъ, почему съ какого дѣла брать за работу; и уложить именно почему брать съ рубля на виноватомъ, и почему съ рубля иматъ съ праваго, и почему брать съ рубля въ приѣмѣ денегъ въ казну, и почему съ раздачи жалованной, и почему съ купецкихъ и подрядныхъ дѣлъ, и почему съ каковыя выписки, или съ указау какого, или съ грамоты, или съ памяти. И такъ надобно усудить, чтобы ни самага малаго дѣла не обойтить, чтобы никакого дѣла даромъ не дѣлали, и брали бы самое праведное по расположенію. И по такому новоизложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать, охотнѣе и волочить уже не будутъ; потому что буде сдѣлаютъ во уреченное время, то приметъ себѣ мзду противъ указу полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаетъ, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочить, то и всея своя лишится мзды. И того ради всякой подъячій будетъ съ попеченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.

И тако надобно расположить, чтобы отъ рублеваго дѣла даже до многотысячнаго всякимъ разнымъ дѣламъ учинить указъ опредѣленный, и чтобы всякой человекъ по своей работѣ плату бралъ, а сверхъ указнаго числа отнюдь бы ни единыя деньги не брали.

А буде кто сверхъ указнаго числа лишку хотя малое число что возьметъ, то взять на немъ штрафу за всякую излишнюю копейку по рублю. А кто и дастъ сверхъ указнаго числа излишныя, то и на немъ по рублю же за излишнюю копейку иматъ штрафу.

И аще тако устроится, то въ приказной работѣ никому обиды не будетъ, яко истцу, тако и отвѣтчику, и всякому челобитчику вѣстно будетъ, что отъ чего кому дать. И такого ради устава и волокитъ никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя поспѣшать будетъ. Обаче ради лучшаго исправленія надлежитъ расположеніе учинить и дѣламъ всякимъ: буде кто однодневное дѣло волочить три дня, то дать ему противу указныя дачи половину; а буде же однодневное дѣло проволочить недѣлю, то лишень будетъ всего своего взятія за труды; а буде проволочить двѣ недѣли, то чинить ему наказаніе неотложное; а о большихъ дѣлахъ, котораго не мочно меньше недѣли сдѣлать, а онъ проволочить двѣ недѣли, то такожде дать ему половину; а буде проволочить недѣли четыре, то лишень будетъ всего своего труда; а буде проволочить недѣль шесть, то нещадно бить его батоги. И всякимъ дѣламъ чинить расчисленіе

по величеству дѣла и по количеству дней; и ради достовѣрнаго свидѣтельства брать челобитчикамъ у подъячихъ ярлыки, записавъ, въ коемъ числѣ взялъ отъ протокола челобитную или иное что, и къ коему числу обѣщался сдѣлать; и буде къ тому сроку не сдѣлаетъ, то по тому указу учинить; и буде къ сроку тому сдѣлалъ, то взять ему за работу сполна; а буде за срокъ проволочилъ толикоежъ число, то взять половину; а будежъ за срокъ вдвое того проволочилъ, то ему ничего за работу не давать, а за вящую волокиту и наказаніе чинить неотложное.

О семь всѣмъ судьямъ и приказнымъ людямъ задать страхъ великой и жестокой, чтобы никто сверхъ указнаго числа ни отъ какого дѣла сверхъ работныхъ указныхъ денегъ никакихъ гостинцевъ не принималъ бы.

А аще запрещенія о излишнемъ иманіи и даяніи не учинить, то указнаго числа взятіе ни во что имъ будетъ, и будутъ брать наче прежняго, такожде какъ нынѣ у крѣпостныхъ дѣлъ за гривенное дѣло берутъ по полтинѣ и больше.

И того ради у крѣпостныхъ дѣлъ надлежитъ учинить такоежъ расположеніе, почему съ каковыя крѣпости брать за работу, а въ казну съ крѣпостей брать только пошлины, а письменныя деньги отставить, а брать по указу писцу и надсмотрщику за свои труды самимъ, почему кому надлежитъ. И буде тогожъ дни напишетъ, коего взялъ, то взять ему полную плату, а буде въ двои сутки напишетъ, то взять половину, а буде въ трои сутки напишетъ, то уже не брать за работу ничего, а отдать тѣ крѣпости безъ платы; а буде кто въ трои сутки написавъ, да возьметъ за работу, еще и не сполна, взять на немъ штрафъ сторично. *

И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ по пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а на насъ все окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло сіе невелико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнію оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго письма и отъ небреженія рублевъ тысячъ по десятку ни за одну деньгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ, аще она и дома дѣлается, а и жители тамошніе богатѣе насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги но и всякой вещи берегутъ; и того ради они и богаты, что умѣютъ бережно жить.

А мы пока сами ся не осмотримъ, и всякія вещи не токмо изъ инаго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ.

И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пиція бумаги, напечатать листы, и у всехъ коллегій и у канцелярій тѣ листы прибить, дабы все люди прочитали, и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собираніе богатства царственнаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатиться.

А буде кто покусится взять излишнее въ другой рядъ, то и штрафъ на немъ взять сугубый: за рубль по 200 руб., наказаніе на козлѣ, а за третью вину либо смерть, либо въ вѣчную работу къ рудокопнымъ дѣламъ.

А аще кой судья и не по взятку, но по дружбѣ или по чьей просьбѣ учинить не по новоизложенному уставу, то безъ всякаго милосердія учинить ему опредѣленный указъ, какъ о томъ уложено будетъ.

А аще кто изъ-за взятка нарушитъ тотъ новоизданный уставъ, то мнится мнѣ, надлежитъ и домъ его совсѣмъ разорить, и на нѣсколько лѣтъ сотворить его пустъ, и прибить на томъ домѣ письмо съ изложеніемъ вины:

* У Стр. в т о р и ч н о й.

еже за нарушеніе правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, а домъ его оставленъ пустъ, и живущаго въ немъ нѣсть, то токмо мышеве и нетопыри да вогнѣжаются въ немъ. И таковое штрафованіе будетъ въ роды родовъ памятно.

А аще судей малыхъ и великихъ не казнить, и великими штрафы ихъ не штрафовать, то и правое изложеніе учиня правды и праваго суда уставить будетъ не возможно.

А аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падеть, быть уже такъ. А безъ урону, я не чаю, установится правдѣ, а прямо рещи—и невозможно правому суду установится, аще сто другое судей не падеть: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла.

А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: аще бо коя и земля вельми задернеетъ, и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сѣяти: тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнѣнію, не токмо въ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ.

И аще великородныхъ судей побережъ отъ жестокихъ казней, то лучше изъ начала ради уставленія правды въ судьи посадить изъ низкихъ чиновъ, а паче изъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ искусны и страхъ Божій въ себѣ имутъ. И съ ними посадить, гдѣ пристойно, и изъ военнаго чина, кѣи отъ службы отставлены, и изъ купечества, въ которыхъ острога умная есть. И за таковыхъ низкородныхъ, аще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упривать никто не будетъ, да и сами они паче высокородныхъ бояться будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрять; но какъ кто восхоцеть, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ.

И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество, чтобы они никакихъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да Царя, и дѣлабъ все свои дѣлали по новосочиненному Его Императорскаго Величества указу неизмѣнно, и отъ своего ума не мудрствовали бы, и ни на едину черту сверхъ указу не прибавливали бы и не убавливали. И аще что потребное усмотритъ кто, то доносилибъ до Царскаго Величества, донележе то новое изложеніе еще не напечатано.

А буде изъ приказныхъ людей въ судьи выбрать некого, то бы изъ дворянъ мѣлкихъ, кои остроумны и въ дѣлахъ искусны, и боящіеся Бога. А за нарушеніе новозложеннаго указа извѣстная и неотложная имъ смерть объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.

И таковымъ порядкомъ аще Богъ на ны призритъ и помощь свою низпошлетъ, то мочно правосудію устроится и у насъ въ Россіи. Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинять праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какіе указы Его Императорскаго Величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ.

И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится, и все совершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такожде и славы добрыя намъ не нажить; понеже все пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправдаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ. И инаго воровства много чинится, и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего инаго, токмо отъ неправдаго суда; и крестьяне, оставя свои дома, бѣгутъ отъ неправды, и Россійская земля во многихъ мѣстахъ заустѣла, и все отъ неправды, и отъ нездраваго и отъ неправдаго разсужденія. И какія гибели ничинятся, а все отъ неправды!

И самыя правды и праваго и здраваго разсужденія ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными судьями, ни иными каковыми вымысли, мнѣ мнится, учинить не возможно, аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ

дѣламъ расположенія недвижимаго сочиненіемъ особливимъ, понеже древніе уставы всѣ обветшали, и отъ неправыхъ судей всѣ искажились.

И аще Богъ на дѣло сіе милостивно призритъ, и помощь свою святую низпослетъ, и что ни случится въ мірѣ дѣль, на вся тая аще изложатся рѣшенія подлинная, новоисправная, и коемуждо дѣлу собственное рѣшеніе, то и немудрый судья можетъ здраво судити; а безъ основательнаго изложенія ничему полезному и къ правдѣ склонному быть не возможно.

Яко бо зданія высокаго безъ твердаго основанія не утвердити, тако и правды совершенныя безъ основательнаго изложенія никими мѣрами уставити не возможно; понеже въ насъ неправда вельми твердо вкоренилась: ктесъ кого сможетъ, тотъ того и давитъ; а кои люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряютъ; а судьи сильниковъ* и ябедниковъ аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣютъ.

Того ради вельми трудно правду установить, и не токмо всѣмъ правда творити, но чаю, что изложеніе правое трудно сочиняти: понеже сильные люди, кѣи обыкли обижать, не возложатъ на себя сила, но всячески будутъ препинати, дабы не весьма имъ отъ праваго суда потиснутымъ быти; и того ради всячески будутъ тцатися, дабы имъ, по прежнему, мочно было убогихъ и маломочныхъ обижать и разорять.

И аще препинатели правосудію явятся прежде начинанія правосуднаго, то всячески надлежитъ ихъ отсѣкати, дабы начинанію правды препинанія нималаго не чинили.

А ради совершенныя правды ни коими дѣлы древнихъ уставовъ не измѣня самого правосудія насадить и утвердити не возможно: въ правителяхъ бо вельми трудна вещь, ежебы ихъ отъ неправды отвратити, и правда въ нихъ насадити; понеже неправда въ нихъ вельми вкоренилась и застарѣла, и отъ мала даже до велика всѣ стали быть поползновенны: овые ко взяткомъ, овые же, боящися сильныхъ лицъ, и ниже боящися Бога и бѣдниковъ,** а ини того бояся, да еще впредъ приметъ той власть таковуюжъ, какову онъ имѣеть, и чтобы тогда такожде послабилъ. И того ради всякія дѣла Государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы Его Императорскаго Величества недѣйствительны: ибо вси правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ нарываютъ, а власть имутъ и дрезновеніе токмо надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи, но какъ кому что угодно, такъ то и чинятъ; и за тѣмъ всякія дѣла и неисправны суть.

Се бо колико послано указовъ во всѣ города о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того нескоро высылаютъ, но, по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ таковомъ послушаніи и указовъ Царскаго Величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали.

И мнѣ мнится сіе вельми странно, что Царскому указу послушну быть, и въ Уложеніи напечатано, что третьяго указа дожидатися. И сіе учинено самая потачка плутамъ и Царскаго Величества презирателемъ. И отнынѣ надлежитъ такъ учинить: буде по первому указу зазывному не поѣдетъ кто, то другая позывка чинить со штрафомъ; колико иску, толико и штрафу взять на немъ; а челобитчику съ другой позывки числить проѣсть*** по указу.

А буде по кого посланъ будетъ съ указомъ Его Императорскаго Величества солдатъ или иной какой посыльщикъ, а онъ укроется, или отобьется, съ или дороги уйдетъ, то и по первой послыкѣ винить и штрафовать, и истцу проѣсти числить съ того времени, и искъ вестъ безъ суда, и безъ очныя ставки

* У Стр. сильни ковъ.

** У Стр. лицъ, инниже боящися ябедниковъ.

*** У Стр. этого слова нѣтъ.

доправить, то отъ такового указа и отъ перваго ноги задрожать и опрометью побѣжить къ отвѣту; и попржнему не стануть третьей присылки ждаты.

Тѣмъ прежнимъ указомъ такъ дворяны избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Федоръ Макеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногою не бывалъ; и какія посылки жестокия по него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзить, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворить себѣ тяжкую болѣзнь, или возложить на себя юродство и въ озерѣ по бородѣ попустить (?). И за такимъ его пронырствомъ инѣи и съ дороги отпуцали; а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложить, и домой прѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И еще и никаковыя службы Великому Государю кромѣ огурства (?) не показалъ, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына выращены, и меньшому его есть лѣтъ семнадцать, а по 719 годъ никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать.

И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Пвана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ Крымскомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темирязева, и далъ ему лошадь да челоуѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ шестерикомъ разѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разоралъ.

И сему я вельми удивляюсь, какъ они такъ дѣлають: знатное дѣло, что въ полкахъ воеводы и полковники скуны съ нихъ берутъ, да мрволять имъ.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москвѣ служатъ, и называются царедворцами, а и тѣ множайше Великому Государю лгутъ: егда нарядъ имъ бываетъ на службу, то инѣи напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, и взявъ указъ и заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудеть военную пору; а иные напишутся въ выимщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, и ко инымъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, да тако и проживали военную пору.

А и нынѣ, если посмотрѣть: многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы онъ одинъ пятерыхъ неприятелей гнать, а онъ добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки, ибо овы добившись въ коммиссары и въ четверщики и въ подкоммиссарья и въ судьи и во иныя управленія, и живутъ въ покоѣ да богатыя; а убогіе дворяне служатъ, и съ службы мало съѣзжаютъ; инѣи лѣтъ по двадцати и по тридцати служатъ; а богатые лѣтъ пять или шесть послужатъ, да и промышляють, какъ бы отъ службы отбыть да добитися къ дѣламъ; и добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ.

Яко же видѣть: Сергѣй Степановъ сынъ Унковской лѣтъ всего съ пять служилъ, да добился къ дѣламъ, и лѣтъ съ пятнадцать живетъ у дѣлъ; а нынѣ живетъ онъ въ Устрикѣ коммиссаромъ, да наживаетъ. А нынѣ ему врядъ быть лѣтъ сорокъ, и такой волоть, еще бы въ лучшую службу и въ великанахъ бы могъ служить, тако бы онъ не вышелъ указныя мѣры; и знатное дѣло, что отставленъ онъ не съ большимъ 20-ти лѣтъ отъ службы. И посему откуду не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радателей; но всѣ судьи криво ѣдутъ: кому было служить, тѣхъ отставляють, а кто не можетъ служить, заставляють. Въ Новгородѣ у сѣдѣльнаго дѣла приставленъ командиромъ Пванъ Ивановъ сынъ Ушаковъ. И я его засталъ въ 710-мъ году у того дѣла лѣтъ не съ большимъ двадцать былъ; и нынѣ не съ большимъ ему тридцать лѣтъ, а службу едва и знаетъ ли, что она? А и дядя его Пванъ Наумовъ сынъ Ушаковъ у дѣлъ больше десяти лѣтъ, а такой челоуѣкъ и отнынѣ лѣтъ десятокъ и больше могъ бы служить. И тако, вси, кои богатые, отъ служебъ лыняютъ, а бѣдные и старые слу-

жать; а солдаты * и сытые, хотя и молоды, да служить не хотятъ. Ивана Артемьева, сына Мусина Мушкина, дѣти Марка да Григорій, написаны въ Преображенской полкъ въ солдаты, и едва на службѣ и бывали ли, а отпущены ужъ къ дѣламъ, а молоды же: не съ большимъ по двадцати лѣтъ; и тако годъ за годъ, да и весь свой вѣкъ прожить.

И я о семъ мню, что Ему Великому Государю о семъ не весьма извѣстно; но дѣлаютъ все правители, что здоровыхъ молодиковъ отпускаютъ, и еще и съ докладу отпускаютъ, да докладываютъ непрямо, но притомъ ** доложить, только слово у него Великаго Государя изъ устъ вытянуть, да и дѣлаютъ, что хотятъ; и, чаю, запишутъ въ указѣ, якобы по имянному Его Императорскаго Величества указу отпущенъ онъ или посланъ къ такому-то дѣлу. И гдѣ было отъ такихъ молодиковъ службѣ быть, а они, заѣхавъ въ городъ, живутъ себѣ да прохлаждаются, и не то, что службы, но чаю, и караулу мало знаютъ, и живутъ у дѣлъ вмѣсто военного дѣла, учатся, какъ наживать, да вѣкъ свой безъ службы провозать; а о томъ ни они, ниже тѣ правители, кои ихъ отпустили, ни мало не пекутся, чтобъ они навывали воинскому дѣлу, какъ неприятелей побѣждать; научать тому, какъ бы имъ наживать и службы отлынять. А прежде сихъ временъ многіе дворяне, на службѣ не бывъ, да добились къ дѣламъ, и живутъ у наживочныхъ дѣлъ. Якоже видѣть: въ Устрицкомъ стану есть дворяне два брата, Романъ да Сергѣй Ивановы, дѣти Чоглоковы. Сказываютъ про нихъ, что нигдѣ на службѣ не бывали, а какимъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьейю годы съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ на Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по имянному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ бояся, и на кого ни намадутъ, всякъ имъ уступалъ, и передъ ними не смѣли никто и слова молвить. А съ нынѣшняго Московскаго смотру невѣсь зачѣмъ судейство ихъ позамялось: писали они съ Москвы о себѣ, будто по прежнему судьями имъ быть, обаче то ихъ намѣреніе не состоялось: знатное дѣло, что не могли перелѣзть. И я сему не могу вѣры нять, чтобъ такихъ здоровяковъ, и въ службѣ не бывавшихъ, Великій Государь въ судьи пожаловалъ. Видимъ мы все, что Его Величество даромъ никого не жалуетъ, а жалуетъ за службу да за выслугу. А они такіе здоровяки, что на службѣ заслужили бы человекъ за десять; потому что они люди богатые, и моглибъ около себя держать и неимущихъ дворянъ. Отъ сего бо служба не весьма спора, что здоровые и богатые и въ самыхъ совершенныхъ мужества лѣтахъ дома живутъ, а убогіе и хворые на службѣ служатъ, а отъ малочнаго и голоднаго и служба плоха.

Сему я вельми удивляюсь, что какъ Монархъ нашъ старается, и страсть даетъ безъ пощады великую, а неимутся; ибо многое множество здоровыхъ молодиковъ подъ прикрытіемъ: правители хранятъ овыхъ защищеніемъ своимъ, овыхъ же и при себѣ держаніемъ, якобы споможенія ради дѣлъ царственныхъ, а самую вещь, како бы какое время прошло безъ службы. А иные и въ службу записаны, а какимъ-то промысломъ пріѣхавъ въ дома свои живутъ.

И сего ради мнится мнѣ: не худо бо всемъ людямъ указъ Великаго Государя сказать, чтобъ у пріѣзжаго съ службы или отъ какова дѣла сосѣдямъ всемъ требовать у него отпускнаго паспорта; а буде паспорта отпускнаго нѣтъ, то надлежитъ его отослать въ городъ подъ карауломъ. А буде въ паспортѣ написанъ срокъ, колико ему времени быть въ домѣ, то всемъ сосѣдемъ смотреть, чтобъ за срокъ и одинаго дня не жилъ. А буде видятъ кого безъ паспорта или и съ паспортъ, да за срокъ будетъ жить, а они сосѣди умолчать, то за молчаніе сосѣдъ ближнихъ штрафовать.

А кои дворяне въ службѣ не записаны и ни въ какой службѣ не бывали, и буде какимъ пролазомъ добиваются начальства, и буде кто, какого чина ни

* Слова солдаты у Стр. нѣтъ, и кажется вѣрише.

** У Стр. припомъ. (?)

буди, хотябъ дворянинъ, хотябъ холопъ его или чужой чей, или церковникъ, хотя и крестьянинъ, подлинно увѣдаетъ, что пожалованъ въ судьи или въ комиссары или во иное какое правленіе, или кто и безъ начальства въ домѣ своемъ живетъ и крестьянами владѣть, и Великому Государю никаковыя службы не показавъ, то у таковыхъ бы людей отнимать и отдавать тѣмъ, кои Царскому Величеству служатъ. И доводчику дать четвертая доля изо всего владѣнія его или половина, чтобъ лучше радѣли и о таковыхъ лежебокахъ доносили.

И аще таковыхъ указовъ напечатать множество, и разослать не то, что по городамъ токмо, но и по селамъ и по всемъ погостамъ, и велѣть дьячкамъ въ недѣльные дни, по отпѣніи литургіи, дня по три и по четыре прочитавъ всемъ въ слухъ, чтобъ все въ слухъ тотъ Его Императорскаго Величества указъ вѣдали, и лежебоковъ бы не таили, то однимъ годомъ всехъ кроющихся дворянъ и дѣтей ихъ явныхъ сотворять.

Если бы Господь Богъ помощь свою низпослалъ къ намъ, ежебы изъ судей и фискаловъ и изъ прочихъ правителей древнюю страсть неправды искоренити, то всякое бы дѣло не токмо Царское, но и мірское споробъ было.

И о семъ азъ мню: аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древняго уложенія не измѣнить, и всемъ дѣламъ новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установися.

Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ; то како дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто готовы.* И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, колько ни бившишь, покинуть будетъ.

Не токмо суда весьма застарѣлаго не разсыпавъ его и по дробну не разсмотря не исправитъ, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея, и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправить: тяжка бо есть судебная статья.

Се бо и самъ Господь Богъ Ветхаго Завѣта не оставя, Новаго не насадилъ. Но егда Ветхій отставилъ, то новый водрузилъ. И тако онъ укоренился, еже и адовы врата одолѣти не могутъ. Тако правосудія никто не разрушитъ уже не можетъ, аще древнія неправды все отсѣчены будутъ вконецъ.

Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства; ибо всехъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради по старому: кто съ кого сможетъ, тотъ того и забиваетъ, а суда по старому на сильнаго сыскать не можно.

На что нынѣшняго жесточае указу, иже сочиненъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, а немного и въ немъ исправленія будетъ, понеже тотъ указъ токмо на однихъ маломочныхъ людей. И сильнымъ людямъ онъ ничтоженъ есть: старыхъ не отдадутъ, а вновь кто къ нимъ придетъ, принимать будутъ. Се бо и у меня человекъ пять-шесть сбѣжало; однако и за тѣмъ указомъ мѣсто себѣ сыскали; и се уже другой годъ сбѣжали прошлаго 722 года Юля 9 числа, а и понынѣ живутъ. А аще бы указу боялись, то бы никто ихъ не принялъ. О бѣглыхъ людехъ такъ надлежитъ учинить, чтобъ какъ маломочные, такъ и сильные близко къ себѣ не припускали. И мочиль не мочиль, тако укрѣпить, якоже ниже явится. А въ вышепомянутой статьѣ господа удумали смѣху достойно: вмѣстноеъ то дѣло, что подлымъ людямъ уложили, еже бѣглыхъ крестьянъ отвозить къ помѣщикамъ ихъ на подводахъ, и денегъ за все годы, сколько у него крестьянинъ жилъ, но двадцати рублевъ на годъ съ ними же отвозить, и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ. А о своихъ уложили легохонько: буде

* У Стр. сто готово.

жили за кѣмъ бѣглецы люди по приему прикащиковъ ихъ или старость, а буде приняли безъ письменнаго ихъ господскаго повелѣнія, то высѣчь того прикащика или старосту кнутомъ, а пожилыхъ на тѣхъ владѣльцахъ не имать ничего; и то сталъ наружной приводъ: * у нихъ господъ есть населено бѣглыхъ крестьянъ въ Понизовыхъ мѣстахъ и въ Украинныхъ всецѣлыя села великія, иже есть въ нихъ дворовъ ста по два и по три и больше. И сіе не самой ли ихъ разсказъ, чтобъ толкое множество населить безъ вѣдома господина своего. И мнѣся мнить: съ таковыхъ силняковъ надлежитъ предъ убогими вдвое взять. И въ тѣхъ селахъ живутъ никого бояся: хотя кой и помѣщикъ и увѣдаетъ, то развѣ изъ-подъ руки на нихъ посмотритъ, а взять и помыслить нельзя; и воеводы въ такія вотчины и посыльщиковъ посылать не смѣютъ; а прикащикъ и староста, кои принимали, давно умерли; и кнутомъ бить некого. И сего ради сей указъ вельми сдѣланъ прямой правдѣ противенъ.

Тобы указъ прямъ былъ, если бы написанъ былъ какъ богатому, такъ и убогому, едино равень, и написанъ бы онъ былъ съ подлиннымъ расположениемъ и съ яснымъ изъясненіемъ, за какую вину брать зажилыхъ денегъ по сту рублевъ, и за какую вину брать по двадцати рублевъ, и за какую вину и не довелось брать зажилыхъ денегъ. И по нашему простолюдинскому мнѣнію, аще не измѣнится той указъ, то великія пакости людямъ сочинятся: многіе бо дворяне маломочные и купецкіе весьма разорятся; понеже, аще кто и не на вѣковое житіе кого приметъ, но найметъ ** на недѣлю или на мѣсяць за деньги, или въ деревню въ пастухи, не вѣдая, что онъ бѣглою, наймутъ только на лѣто, а не на вѣчное усвоеніе, то помѣщикъ его возьметъ сто рублевъ зажилыхъ, да на немъ же будетъ сносныхъ животовъ искать елико хочеть. И отъ такого расположенія многіе и безъ вины разорятся.

Мнѣ же ся мнить, сія статья надлежитъ расположить сице: аще кто бѣглаго человѣка приметъ на житіе къ себѣ въ сроки во крестьянство или въ дворовые люди и въ бобыли, и принялъ хотя самъ помѣщикъ, хотя прикащикъ его, хотя староста, единаче зажилыя деньги брать на помѣщикъ томъ, въ чьей деревнѣ жилъ, потому: чья земля, того и бѣда. А прикащикъ или староста невиненъ, потому что онъ не къ себѣ его принялъ, но господину своему; того ради и бѣда господину, а не прикащику его. Нестаточное, чтобъ прикащику или старостѣ безъ воли помѣщика своего принять кого на житіе.

Подобне и купецкой человѣкъ аще приметъ кого въ вѣковое житіе, а не на время, то всячески надлежитъ на таковыхъ править по сту рублевъ, аще и недѣли у него не жилъ.

Аще кто станетъ насильно владѣть чьимъ человѣкомъ дворовымъ или крестьяниномъ, то мнѣся мнить, таковыхъ и тяжчайше бѣглыхъ людей штрафовать.

А если же кто найметъ работать на годъ, а записи у крѣпостныхъ дѣлъ не возьметъ, то довольно и двадцати рублевъ съ него взять, потому что онъ не въ вѣчное владѣніе его принялъ, но на время изъ-за платы денежныя.

А буде же кто найметъ на день или на недѣлю въ домъ или гдѣ и инамо (?) поработать, то на таковыхъ наемщикахъ поручныхъ записей брать никакъ, и таковыя ни малому платежу неприличны, потому что они наняты на мало время.

А аще за наемщиковъ поденныхъ и недѣльныхъ и мѣсячныхъ брать зажилыя деньги, то всенародное разореніе будетъ. Токмо то надлежитъ учинить, чтобъ крестьяне всякаго званія, по прежнему просто, не токмо на годъ, но и на недѣлю, ни куды бы ни въ подводы отъ жилищъ своихъ просто не ходили, но всѣ бы Государевыхъ властей и властелинскихъ и монастырскихъ у сотскихъ своихъ брали бы отпуски за ихъ печатями. Такжеже и помѣщичьи крестьяне безъ письменныхъ отпусковъ никуда бы не исходили; а съ письмомъ

* У Стр. проводъ.

** У Стр. прибавлено поработать.

таковымъ кто у кого ни найнется изъ денежныхъ заплата, то нанявый отъ всякаго платежа свободенъ.

Мнѣ же ся мнить: ради самая правды надлежитъ о бѣглыхъ крестьянехъ такъ учинить, чтобы какъ богатымъ и сильнымъ, такъ и убогимъ и маломочнымъ безобидно было. И я правѣ сего не могу предложить, еже написать сиче: всякаго званія сильные и безсильные послали бы во все свои вотчины, кои поблизости и кои и въ дальности, и въ Понизовыя новыя и старыя свои вотчины, и во Украйныя займища къ прикащикомъ своимъ и старостамъ указы, чтобы безъ отлагательства новыхъ и старыхъ пришлыхъ людей выслали за проводниками, кои лѣтъ и по пятидесять или больше жили за ними, и отдали бы руками съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ старымъ помѣщикамъ, чьи они были. И не то, что по сту рублей на годъ, но и по сту копѣекъ не надобно, только бы со всеми ихъ животы движимыми отпустили бы; то и тому старые помѣщики вельми будутъ рады.

И во исправленіи тоя отдачи дать хотя на годъ сроку или больше, чтобы все сильные и безсильные всемъ исправились въ отдачу. И еще сиче состоится Его Императорскаго Величества указъ, то все помѣщики рады будутъ и безъ зажилыхъ денегъ будутъ благодарны; и такъ бы все господа вотчины свои очистили, чтобы нижадныя души не оставили у себя пришлыхъ людей ни мужеска, ни женска полу.

А буде кто за тою отдачею оставить у себя хотя малыхъ робятъ, не то что многое число, но и хотя одного, а послѣ отдачи облчится, то на господинѣ взять за женскую голову 100 рублей, а за мужескую 200 рублей, а прикащику, да старостѣ, по 50 ударовъ кнутомъ, а крестьяномъ всемъ по 10 ударовъ за тое утайку, чтобы и впредь Государевъ указъ помнили, и чего спросить, не таили бы.

И за сичевымъ указомъ, чаю я, что и высокія персоны не станутъ старыхъ бѣглецовъ держать, а вновь, чаю, поопасутся; не то что сами господа и прикащики, и крестьяне все будутъ страшны.

А буде кто не похотя отвозить пришлыхъ людей, да въ водѣ потопить или инако какимъ случаемъ умертвить, то за всякую голову по десяти чело-вѣкъ повѣшено * будетъ. А кто пожиткамъ ихъ коснется, то на немъ до-правлено будетъ десятерницею, и отдано будетъ тому, чьи тѣ крестьяне были. И сичевымъ образомъ чаю, что все бѣглые крестьяне возвращены будутъ, и во всей Россіи пустоту всю населять, а во иныхъ мѣстахъ и со обиліемъ наполнилось бы тѣми пришлецами.

И сильнымъ персонамъ и то будетъ забѣдно, что еще и безъ зажилыхъ денегъ, но токмо съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ и съ пожитками ихъ крестьянскими отдать ихъ, то вѣдаю, что и о томъ будутъ охатъ; а тутъ имъ было легко приговорить, еже въ прежнемъ указѣ написано, чтобы мѣлкимъ помѣщикомъ отвозить съ женами и съ дѣтьми и съ зажилыми деньгами, а самимъ, вѣдаю, что и подводъ будетъ жалъ дать. И того ради, чаю, что будутъ всячески сію статью спорить, чтобы сичевому указу не быть: любятъ они на чужой спинѣ ** ѣхать.

А буде не сиче сдѣлать о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, то не чаю я концу быть, ежебы бѣглыхъ всехъ возвратить на старыя мѣста и пустота бы наполнить. Еще нынѣ высокімъ персонамъ послабить въ дачѣ бѣглыхъ крестьянъ, то они старыхъ всехъ зажутъ, а и вновь принимать будутъ, и правосудіе прямое за такую ихъ силою въ Россіи у насъ не состоится: статья видится и не вельми тяжка, что чужое отдать безъ наддачи, а высокімъ персонамъ покажется за великую бѣду. И еще сичевый Его Императорскаго Величества указъ состоится, что всемъ, какъ низкому, такъ и высокімъ персонамъ всехъ пришлыхъ людей вывести съ женами и дѣтьми и со внучаты, то я чаю, что однимъ годомъ вся пустота во

* У Стр. повелѣно. Вѣроятно въ моемъ спискѣ ошибка, а у Стр. пропускъ.

** У Стр. землѣ.

всѣхъ деревняхъ наполнится, и чаю, что инья и порозжія пустоши будутъ населять. И егда пустота вся наполнится людьми, то интересъ Царскаго Величества умножится, и егда жилѣе будетъ земля, то и купецкіе промыслы разширяются; только развѣе останутся тѣ бѣглецы, кои бѣжали за рубежи. А и тѣхъ, если Его Императорскаго Величества указъ состоится, что послать и за рубежи къ тамошнимъ жителямъ, то и они, чаю, что ослушны Его Величеству не будутъ: вышлютъ всѣ, у кого колико ихъ есть. А буде кои на Королевское имя записались, то наипаче Короли и Курфирсты тамошніе съ Царскимъ Величествомъ о всѣхъ бѣглыхъ пришлецахъ ссориться не будутъ, и колико у кого есть, чаю, что поскорѣе нашихъ вельможъ;* а изъ Черкасскихъ маестностей мочно, чаю, и посылкою взять.

Въ старомъ Уложеніи напечатано: буде кто похотя кого изубытчить, побьетъ челомъ напрасно, и егда сыщется, что билъ челомъ онъ напрасно, то взять на томъ проѣсти и волокиты по гривнѣ на день; и кто въ прямомъ дѣлѣ побьетъ челомъ, проѣсти такожь гривна на день хотя въ рублѣ, хотя во стѣ рублехъ, хотя въ тысячѣ или въ десяти тысячахъ рублей, то числить также гривну на день. И въ томъ древнемъ расположеніи какая правда? Если прямо разсудить, то надобно всему размѣръ положить, поколику проѣсти числить на день въ рублевомъ дѣлѣ, и поколику въ десяти рублевомъ, такожде и во стѣ рубляхъ и въ тысячѣ, и вяще тысячи; надлежитъ расположить именно то, поколику проѣсти брать на день съ какого иску, и то чинить по записямъ и по инымъ случаямъ въ прямыхъ искѣхъ.

А буде кто нападеть нагло похотя кого изубытчить, и егда допряма сыщется, еже напаль онъ напрасно, то чего онъ искалъ, безъ всякаго милосердія доправить на немъ то же число, чего онъ искалъ, и отдать тому, на кого онъ билъ челомъ, а и проѣсть по величеству иску расположа, доправить на немъ же, и отдать ему же отвѣтчику, да на немъ же доправить пошлннъ вдвое, дабы впредь было ему и инымъ такъ дѣлать не повадно.

Паки, егда кого обвинять въ десяти тысячахъ, то указано стоять на правѣхъ сто мѣсяцевъ, и того времени будетъ девять годовъ и два мѣсяца; а егда выстоять тѣ лѣта на правѣхъ, то тотъ виноватой принесетъ челобитную, чтобъ ему тѣ дни собирать въ переводъ, и въ томъ переводѣ повелѣно дать сроку на только жъ лѣтъ. И истецъ, волочасъ, волочасъ, да иску своему не радъ будетъ; и то стала самая явная ворами и ябедникамъ потачка.

Мнѣ же ся мнить: тыи статьи стараго Уложенія обѣ надлежитъ отставить, и сдѣлать такъ, чтобъ каковъ искъ ни былъ малъ или великъ, и егда кого обвинять въ иску, (то допросить его, чтобы онъ далъ сказку), ** когда онъ деньги принесетъ; и буде неколико времени поволить ему истецъ дать во исправѣ сроку, то истецъ воленъ, хотя на годъ дастъ сроку; а приказнымъ порядкомъ больше недѣли на сто рублей дать не мочно, а въ тысяча рублей на десять недѣль, а больше того или меньше, то давать по расчисленію платежа.

А буде скажетъ, что платить нечемъ, то послать всѣ его пожитки движимые и недвижимые описать, и оцѣня, велѣть продать съ наддачею, а цѣновщикамъ велѣть цѣнить прямою настоящею цѣною. А буде цѣновщики половиною цѣною оцѣнятъ, то за такую неправую оцѣнку бить ихъ кнутомъ; а буде выше настоящія цѣны оцѣнятъ, то отдать имъ цѣновщикамъ, а у нихъ деньги принять; и колико тѣхъ денегъ соберется, отдать истцу.

А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять, и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣль, что давать милостыня, а судьи наши за то штрафуютъ; а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ. Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскіе, или какіе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ

* Вѣроятно въ обоихъ спискахъ пропущено слово.

** Слова въ скобкахъ взяты изъ списка Стр.; въ моемъ пропускъ.

разсылать на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они, то оставя, давальцовъ штрафуютъ.

И сію статью правильнѣе такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякого чина людямъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣ; какой человекъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату, и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ Государевымъ. То дворяне лице заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать—заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищія бродить не будутъ, и по улицамъ ходить не стануть.

А скитающіеся по міру, аще у кого буде найдется поработать, и за работу свою деньги возьметъ, а тѣ помѣщики увѣдавъ то, что нанявшіеся пожилъ мѣсяць мѣста или другой, то они скажутъ, что онъ будто сбѣжалъ, и записавъ поимку, будетъ бить челомъ на того, у кого онъ изъ найму работалъ, о зажитыхъ по указу, и тѣмъ не токмо купецкимъ людямъ, но и дворянномъ чинять убытки великіе. А иные и посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собираютъ; а иные сковавшіеся ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и набравъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные сами и промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать неоскудное, чтобы даромъ хлѣба не ѣлъ. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шелъ бы на поденную работу, или бы пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастеровымъ людямъ въ наученье, и научась мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру много ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковыя люди уподобились червію, что ничего не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ свѣту губятъ даромъ.

Такожде и по тюрьмамъ насажено у судей множество людей, и тѣ люди тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлаютъ, только сидятъ, лежатъ, да хлѣбъ ядятъ яко червіежъ. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и вельми надобно пещися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подъячимъ, чтобы дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣба даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червію съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать, прибитокъ Богу и Царю своему, и всей братѣ и себѣ; дабы не уподобитися непотребному червію, иже токмо въ тлю вся претворяетъ, а пользы ни малая людямъ кромѣ пакости не содѣваетъ.

Въ Россіи, во всѣхъ городѣхъ и въ селехъ и деревняхъ, нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячь десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конецъ что тысячь пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на человека съ хлѣбомъ и съ харчемъ и съ одеждою ихъ на самой малой окладъ по шти рублей на годъ коемуждо человеку, то такими тунеядцами казны на кійждо годъ въ тлю претворится близъ дву-сотъ тысячь рублей; и такая великая гибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго. Въ поборѣхъ за гривну изъ человека хотятъ душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, того нимало не смотря, не внимаютъ тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненію царственнаго интереса богатства; но токмо то считаютъ, что на лицо принимаютъ, то и въ прибыль почитаютъ. А что тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлаютъ людямъ, понеже самому Великому Государю надѣлаютъ убытковъ множество, то ничего того не смотря, и не радѣютъ о томъ.

Самое основаніе собранію то радѣтельное, еже Его Императорскому Величеству кто потщится казну собирать, а людей не разорить. А сего всѣмъ пра-

вителимъ паче собранія смотреть, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіебъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились, и плодъ приносили.

Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричуть себя, а если здоровымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотреть, пильно, чтобы ничто нигдѣ не тратилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ. И всякія собранныя вещи не токмо въ Царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало, и излишняго ничего нигдѣ не тратили; то такой человекъ прямой будетъ царственному богатству собиратель.

И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхощетъ Государю своему порадѣти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скоряе дѣло вершить; и чтобы въ приказѣ и въ тюрьмѣ лишнихъ дней не сидѣли, и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, и даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.

А по кабакамъ надобно смотреть, чтобы ярыжки голые безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брать на нихъ крѣпости, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промыслять, и зернію не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людямъ не держать, чтобы безъ работъ никакой человекъ не былъ.

А кои люди надлежатъ какого наказанія, то таковыхъ не надлежитъ и дня одинаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобы онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ надлежитъ послать на рудокопные дѣла * и на иныя черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но запятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежатъ не мотчавъ, ** чтобы они даромъ хлѣба не ѣли.

А кромѣ приказа всякому командиру во своей командѣ смотрѣть на крѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ не шатался, и ребята молодые кромѣ праздничныхъ *** дней отнюдь бы по улицамъ ни кознами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущіи никаковыя вещи напрасно не тратили, и янцами бѣ не бился; и никакого чина люди и дворяне безъ письменнаго указа хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрѣли, и прикащикомъ и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые ребята даромъ не шатались бы, но оные учились бы грамотѣ, а иные рукодѣлію, каковое водится во крестьянѣхъ, учились бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прясть учились, и научась, шли бы на полотняные дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевою работу работали. И аще въ юности навикнетъ работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ.

А сіе и не безъ грѣха есть, что за самыя малыя вины да въ тюрьму сажаютъ, а иныхъ и безвинно сажаютъ: инаго посадятъ и на часъ, да забудутъ, то онъ въ забвеніи просидитъ и годъ мѣста. И ради помятованія надобно всякому судѣ безотложно навсякой день колодниковъ своихъ всѣхъ пересматривать, и всѣхъ ихъ ставить передъ себя на лицо; то нельзя будетъ подъячему иль приставу посадить за хоженное свое. (?) И смотря колодниковъ всѣхъ бы новоприводныхъ самъ допрашивалъ, кто въ какомъ дѣлѣ приведенъ; и буде дѣло до кого малое, то того бы часа и рѣшеніе ему учинить; то бы онъ промыслялъ, а въ приказѣхъ сидя дней своихъ не терялъ.

* У Стр. прибавлено заводы.

** У Стр. не мѣшкавъ.

*** Эта строка дополнена изъ сп. Стр.

И аще всё судьи будутъ управлять колодниковъ, повсядневно пересматривать, и рѣшеніе имъ чинить немедленно, то и тюремные дворы не надобны будутъ. Отъ неуправленія судейскаго вельми много въ мірѣ пакостей и разоренія чинится, и погибають многіе напрасно; ибо многіе въ заключеніи сидя, съ голоду и отъ всякія нужды, умирають безвременною смертію.

И о колодничьемъ сидѣньѣ, мнится, надлежитъ предѣль учинить сицевый: буде кто взятъ будетъ въ розыскомъ дѣлѣ, то рѣшить его въ недѣлю и больше что въ двѣ, а въ истцовыхъ дѣлахъ держать больше сутокъ весьма отнюдь не надобно. А буде за сутки будетъ кой судья въ истцовомъ дѣлѣ держать, то кормить того колодника судья своимъ хлѣбомъ, и если учинено будетъ тако, то по нынѣшнему держать долго не будутъ. А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни не собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!

Въ старомъ управленіи судебныхъ дѣлъ было уставлено: буде въ какомъ займѣ или иманьѣ изъ казны денегъ поручатся поручики въ тысячѣ рублѣхъ человекъ десять или двадцать, а писали въ записяхъ взять тѣ деньги на займщичьѣ и на поручикахъ, кто изъ нихъ въ лицахъ будетъ, и по такому обыкновенію аще зайщикъ не исправится, то высмотря изъ поручиковъ, которые посылѣе, да буде не умѣетъ за себя стать, то на одномъ на немъ и доправятъ, и совсѣмъ его разорятъ. А иной заимодавецъ немилостивый какъ срокъ придетъ платежу, а зайщикъ не исправится, то не даетъ сроку ни на недѣлю, всѣхъ поручиковъ захватить въ приказъ; и егда обвинять ихъ, то всѣхъ ихъ разорятъ до основанія; буде денегъ не принесутъ вскорѣ, то пожитки у всѣхъ заберутъ безсрочно, и оцѣня дешевле половины, и всё распродадутъ за безцѣнокъ. И тако тѣхъ поручиковъ разорятъ и межъ дворъ пустятъ; и отъ такого порядка многое множество народа въ нищіе пошли, и то стало быть самое царственное разореніе.

Аще и сдѣлать такъ, чтобы во всякія поруки ручались поручики по своей силѣмочи; и аще въ великомъ займѣ тысячномъ или многотысячномъ стануть ручаться, то всякой поручикъ ручайся по своей силѣ; буде кой можетъ тысячу рублевъ заплотити, тобы въ томъ и ручался, и въ рукѣ своей именно бы написалъ, что онъ ручается въ тысячѣ рублѣхъ. А кто тысячу рублевъ не сможетъ, то всякой бы по своей могутѣ, кто и во стѣ рублѣхъ, кто больше или меньше. А буде кто больше десяти рублевъ заплатитъ повытку своего не сможетъ, то въ десяти рублѣхъ подписалсябъ; и егда зайщикъ платежемъ не исправится, то больше десяти рублевъ съ него бы не было взятыя. И тако, всякой поручикъ, что въ рукѣ своей написалъ, то и заплатитъ, и по такому регулу никогда бы поручики отъ порученія своего не разорялись, и ручаться бы стали охотнѣе.

Въ старомъ Уложенѣ напечатано, еже сажать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ за вину въ тюрьму годы на три, на четыре и больше, и та статья мнѣ возмнилась весьма непристойна. И о чемъ посадить въ тюрьму, да морить лѣтъ пять или шесть, то лучше приложить ему наказанія или инаго какова штрафу, а дней житія человѣческаго терять не надобно. Человекъ на волѣ будучи иной подлѣ себя и постороннихъ человекъ пять-шесть или больше можетъ прокормить, а въ тюрьмѣ сидячи, и себя прокормити не можетъ, но вмѣсто червя будетъ хлѣбъ ѣсть и во тлю претворить безъ прибытку.

Въ Новѣгородѣ въ прошломъ 718-мъ году пойманъ Ямбургскихъ стеклянныхъ заводовъ того стекляннаго дѣла ученикъ Иванъ Семеновъ въ томъ, что онъ самъ себѣ паспортъ написалъ своею рукою, и дважды онъ въ томъ разыскиванъ, что не писывалъ ли кому иному паспортовъ или иныхъ какихъ писемъ. И кромѣ того своего паспорта не явилось, и видя, что иной вины никакой нѣтъ, то бросили его въ тюрьму; и сидѣлъ въ тюрьмѣ при Иванѣ Мякиннинѣ три годы, а рѣшить его не могъ. Знатное дѣло, что дать тому ученику было нечего; а онъ Мякиннинъ любилъ деньги, а даромъ онъ никому ничего не дѣ-

лалъ. И буде кто больше принесеть, то и правъ будетъ его судейскимъ разсужденіемъ: онъ будучи въ судействѣ, не смотрилъ на правду, но смотрилъ на деньги. И такимъ судейскимъ гнилосудіемъ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и вся та пять лѣтъ погибла. А если бы онъ Мякининъ не алтынничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста дватри прибыли въ царствѣ сдѣлалъ бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ.

И ради совершеннаго таковыхъ дѣлъ исправленія, надобно у Бога всещедраго милости просить, чтобы онъ челоуколюбивый Богъ на дѣло сіе милостивно призрилъ, и возложась на Его Божью волю, надлежитъ для установленія самая правды первѣе состроить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшить. И такъ надобно его устроить, чтобъ никакого дѣла наизустъ не вершить, но всякимъ бы дѣламъ рѣшеніе наказанія и милости ясно означено было: за что какая жесточь, и за что какая милость, чтобы по тому расположенію и малосмысленный судья могъ прямо дѣла разсуждать.

ГЛАВА ІV.

О купечествѣ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюеть, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быть, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди—купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидяютъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой челоукъ не потребень былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество ихъ инопчинные люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ Русскому купечеству свободной чтобъ не токмо инопчинцы, но и иноземцы въ торгу Русскимъ людямъ помѣшательства нималогобъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи. Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ розночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотять торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ оставить, и записаться въ купечество, и промышленяты уже прямымъ лицомъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлины, и иныхъ бакихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и

безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшнить и предъ Царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить такъ надлежитъ и слытъ: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще инаго званія человѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ, глаголя: (Матѳ. гл. 6, ст. 24): Единъ рабъ не можетъ дву господамъ служить. Тако и воину и инаго чина человѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо тому къ купечеству прилипнутися, то въ военномъ дѣлѣ солгать будетъ. Самъ же Спаситель нашъ рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А Святой Павелъ Апостоль глаголетъ: (гл. 2, ст. 41), яко никто воинъ обязуйся куплями угоденъ будетъ воеводѣ. А по простонародному реченію есть глаголь приличенъ сему, еже глаголется: одно взять—либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иначинцу отнюдь купечествомъ не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству принадлетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчинныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитися купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножится не отъ чего будетъ.

А аще Господь Богъ у насъ въ Россійскомъ Царствѣ устроитъ сиче: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, не токмо ихъ отъ обидниковъ защищать, также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатамъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ ни обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлѣхъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ, а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или какого званія ни былъ, а торгу на сто рублевъ имѣть, тобы записался въ купечество. И аще и тамъ повелѣно будетъ имъ жить на сторонѣ,* а уже пахоть ему не пахать и крестьяниномъ не слытъ, но слытъ купеческимъ человѣкомъ, и надлежитъ уже быть подъ вѣденіемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлина платить, въ мѣлочныя сборы, или по окладу своего торгу уколомъ, то такъ тому и платить неизмѣнно.

А дворяне ради себя паслибы своихъ крестьянъ неотложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибъ накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не прикасались бы, и никогда бы даромъ ни лѣтомъ, ни зимою не гуляли, но всегдабъ были въ работѣ, а къ купечеству ни малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никакому торгу не касались бы. А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши нанималъ, да хлѣбомъ насѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы; а буде купить хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестьянинъ или и тотъ, кто продалъ, пришедъ въ таможду, извѣститъ, то у того торгаша взято будетъ штрафу сто осьминъ, а кто о томъ донесетъ, дать десять минъ. А буде кто купить для продажи десять четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу тысяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину принадлетъ охота къ купечеству чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бѣ въ магистратѣ,

* У Стр. на старинѣ. Впрочемъ въ обоихъ спискахъ это мѣсто не ясно.

и сказать, что могу я торговать на сто рублевъ или на двѣсти или и вѣще, то укажеть Его Императорскаго Величества взять будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія человекъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вѣще.

Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ беспошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имены множество провозятъ * беспошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралось, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всемъ ** торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставляютъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснутся къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгѣ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземцы, тако и Русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самыя плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ несправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъяняютъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправого порядка незнающимъ людямъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадаютъ, и въ убожество вѣще приходятъ; и тако вси отончеваютъ.

А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристойнству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишнія бѣ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивалибъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотской; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямоль отвѣспль или обмѣрять, и товаръ доброй или плохой и настоящуюль цѣну взять.

А буде взялъ цѣну не противъ настояція цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетми, чтобъ впредъ такъ не дѣлалъ; а буде въ другой разъ такъ же учинить, то доправитъ штрафу сугубо, и наказаніе учинить сугубоежъ.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то таковому

* У Стр. производить.

** У Стр. во все.



жесточеае чинять наказаніе, и штрафъ противъ товарныя цѣны ^{взятую} ^{десяте-} рично. ^{Комитета} Мин. Фин.

А буде въ такой неправости помирволить продавцу сотской или пятидесятой или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятикамъ инструкціи съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятскими смотрѣли неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятскіе и по лавкамъ досматривали, чтобы никакова товару худаго добрымъ не закрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, доброй за доброй, середній за середній, а плохой бы за плохой, и вѣсили бы и мѣряли самую правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, того бы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камки и прочія парчи, мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ не пришелъ, богатъ или убогъ, аще разумень или ничего не смышлящъ, всѣмъ бы единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублей единыя копѣйки не имали и не припрашивали бы. (Спорить нельзя—одной цѣны уставить вѣсь (вѣр. *всему*) товару: имя одно, да доброта не одна; ину пору да и по-плоше 1) * и самыя ради безпорочныя правды не худо бы всякимъ товарамъ вѣсовымъ и локотнымъ положить цѣна уставленная, чтобъ она какова была въ первой лавкѣ, такова бы и въ послѣдней.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафу, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и принявъ штрафу, записывали бы въ закрѣпленную книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія командира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторично; за всякой взятой рубль по сту рублей, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи Русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземецъ сторгуетъ какова товара Русскаго многое число или малое, то всѣмъ Русскимъ людемъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, комуждо изъ своихъ товаровъ поверстався по количеству товаровъ своихъ, ** чтобъ ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочетъ товару своего для малыя продажи расчинать, и то какъ кто похочетъ, въ томъ воля мочно дать.

И тако творя, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложить, то уже иноземцы по той цѣнѣ и нехотя возьмутъ.

А буде иноземцы похотя нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не стануть, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять.

А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймуть, то выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвосяи, и впредь до указу таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока

* Слово въ скобкахъ, впрочемъ безсвязныхъ, не достаеъ у Стр.

** Такъ не ясно въ обонхъ спискахъ.

иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ принимать не будетъ, до тѣхъ времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземскіе торги не возили бы.

И буде иноземцы восхотя нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не взвыситъ, а своихъ не снизитъ, оставя торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары съ коими пріѣхали повезли бѣ всѣ съ собою назадъ; а въ амбары съ кораблей не сторговавшись отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать стануть, или гдѣ въ домѣ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не попускать: то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезутъ.

А въ другое лѣто буде пріѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои Русскіе товары ко уставленной прошлогодней цѣнѣ проложить на рубль по гривнѣ или пачетыре алтына, или какъ о томъ указъ Великаго Государя состоитъ, како бы купечеству слично было, и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли.

А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочатъ они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарѣхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умножились.

И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубля, то такову цѣну уже впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ.

И аще иноземцы упрямство свое и отложить, и стануть товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на Русскіе товары прибавленные отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилаь.

И буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божиимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложить: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ прожить безъ товаровъ ихъ; а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаеь намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовать предъ нами, и во всемъ унадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великаго Государя цѣнять, до чего было имъ нималаго дѣла не надлежало: имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ Великій Императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ аще и копѣйку повелитъ за гривну имать, то такъ и можетъ правитися. Мы въ своемъ царствѣ съ воли Монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбо, то на ту цѣну не отдавай, воленъ онъ и отдать и не отдать; намъ сплюю у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, несторгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ корабль держи.

Время было уже имъ прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи въ купеческія дѣла не вступали, но управляли бояре. И пріѣхавъ они иноземцы засунуть сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто-другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они иноземцы прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купечества ни въ яичную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняютъ!

А нынѣ, слава Богу, Монархъ нашъ вся сія разсмотрѣлъ; и подлѣзть имъ уже никакъ, ежебы имъ по прежнему своему хотѣнію уставить и на своемъ поставить.

И если они иноземцы отъ упрямства своего годы два-три и пять-шесть торговаться съ нами не будутъ, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будетъ, потому которые товары покупались у насъ въ Руси по рублю, то будетъ уже въ покупкѣ по полтинѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше уставленные цѣны за иноземческое упрямство сбавить отнюдь не можно. Потому что такая цѣна уставилась за ихъ непокорство; они на свои товары безъ причины наложили цѣну высокую и тѣмъ насъ вельми изневожили, а имъ изневога не отъ насъ, но отъ своего имъ упрямства. Они въ причину поставили Русскія наши деньги, до чего имъ ни малаго дѣла нѣтъ. Деньги наши когда въ ихъ землю придутъ, то хотя они нашу копѣйку и за деньги не возьмутъ, то въ томъ они вольны; ихъ земля, ихъ воля. А въ нашей землѣ нѣтъ имъ ни малыя власти, но воленъ нашъ Монархъ; а по его Монаршеской волѣ и мы имѣемъ нѣкую часть воли. А они, пришедъ въ нашу землю, цѣны наши деньги, да всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысили: червонные были безъ гривны по сроку алтынъ, а нынѣ по два рубля, ефимки были по осемнадцати алтынъ, а нынѣ по осьми гривенъ; мѣди пудъ былъ по три, а нынѣ по семи и по восьми рублевъ, олово было не съ большимъ по три рубля, а нынѣ выше шести рублевъ; горючая сѣра была по полтинѣ пудъ, а нынѣ втрое выше продаютъ. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривенъ, ту нынѣ продаютъ по два рубля; оконечныхъ стеколъ ящикъ покупали по три рубля, а нынѣ продаютъ по десяти рублевъ. Колико ни есть заморскихъ товаровъ, на всѣ наложили они цѣну двойную, да и тройную, и тѣмъ они хотятъ Россійское Царство пригнать къ оскудѣнію, и издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріальныхъ товаровъ возятъ къ намъ разныя питья, да похваляютъ ихъ, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали, и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье вышить, да, а иное и вылевать; да привозятъ къ намъ стеклянную посуду, чтобъ намъ купивъ, разбить, да бросить. И намъ если заводовъ пять шесть построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянную посуду наполнить можемъ.

И того ради весьма надлежитъ намъ себя осмотреть: ихъ Нѣмецкихъ разказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то надѣдаясь хвалятъ, чтобы мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ: и пиво наваря, да наливъ въ бутылки привозятъ, да продаютъ бутылку по десяти алтынъ; а намъ мочно та бутылка наложить на алтынъ или на двѣ копѣйки.

И аще нашимъ товарамъ высокая цѣна уставится или и не уставится, то въ воли Монарха нашего; какъ онъ поволить, такъ то и будетъ неизмѣнно.*

А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію, и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбиралибъ, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы ни кому и малыя обиды не было.

А буде же иноземцы на тотъ отборной товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложатъ цѣну излишнюю, то и того отборнаго товара съ наложеніемъ

* Последній періодъ кажется нектати по обоямъ спискамъ.

прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбиранія установилась.

А буде заупрямятся, и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не хотятъ; то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы.

А наипаче такихъ товаровъ не принимать, которые купя выпить, да, или принявъ разбить и бросить. Стеклянную посуду мочно намъ къ нимъ возить, а не имъ къ намъ; и всякіе товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя ихъ иноземскія пуговицы принимать и на полцѣны не надобно; понеже пока человекъ кафтанъ носить, то обшивныя пуговицы двое или трое перемѣнить. И того ради годствуетъ принимать пуговицы мѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловянные серебромъ посеребряны на жестяныхъ чашкахъ. Такжеже кои вмѣсто стальныхъ привозятъ визмутовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобно жъ для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянные черныя, да сдѣланы на желѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать; потому что онѣ весьма потребны, платья не дерутъ, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде станутъ ушки дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ партищъ пять-шесть переносятъ.

А и во всякихъ товарѣхъ смотреть того накрѣпко, чтобы былъ проченъ, и парчи всякія, кои бываютъ къ носкѣ прочны, тѣ и брать, а кои на клею камчицы и атласы и штофцы, хотя кои и цвѣтны, таковыхъ и на полцѣны принимать не надобно, и никому бы изъ такихъ парчей и платья дѣлать надлежитъ призапретить; потому что въ нихъ деньгамъ переводъ.

И не токмо шелковыхъ, но и гарусныхъ, кои неплотны и къ носкѣ непрочны, чулки и парчевыя вещи, кои скоро пропадаютъ, таковыхъ никогдажъ принимать не надобно; такжеже и линтовъ, кои весьма тонки и плохи, хотя самую малою цѣною не доведется жъ брать; но брать тѣ линты, кои весьма плотны, хотя и цѣною выше, только бѣ къ носкѣ были прочны; и съ мишурою битью никакихъ линтовъ не принимать; потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, токмо денежная напрасная трата.

Такжеже и платковъ шелковыхъ Нѣмецкихъ и Персидскихъ не надлежитъ же покупать намъ; потому что и въ нихъ токмо одна денежная трата, а самыя потребности ни полу нужныя нѣтъ: дать за него рубль или полтора рубля и годомъ платка два-три истеряетъ, и на другой годъ толико жъ надобно, и лѣтъ въ десятокъ иной щеголь платковъ съ пятьдесятъ; и хотя по рублю положить платокъ, то пятьдесятъ рублей истратитъ, и на всякой годъ, и въ той бездѣлицѣ изъ царства тысячь десятка по два-три пропадутъ, а на утираніе носа и на утираніе на лицѣ пота гораздо потребнѣе платки льняные, нежели шелковые; и шелковые токмо одни хвасты, да иноземцамъ обогащеніе.

И если заказъ о шелковыхъ платкахъ будетъ, то никто ихъ не востребуетъ, и будутъ по прежнему полотняными платками утираться.

Нѣмцы никогда насъ не поучатъ на то, чтобы мы бережно жили, и ничего бѣ напрасно не теряли; только то выхваляютъ, отъ чего бѣ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ ладогозятъ; надобно смотреть ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотреть прозрительнымъ * окомъ.

* У Стр. прозрительнымъ.

А кои у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оконечныя стекла, шляпы, скипидаръ, робячьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульментъ, то всѣмъ тѣмъ надобно управляться надъ своимъ, а у иноземцовъ отнюдь бы никакихъ тѣхъ вещей ни на полцѣны не покупать.

А и суконъ солдатскихъ, мнится мнѣ, у иноземцовъ покупать не надобно жъ, потому что наши Русскія сукна еще и дороже заморскихъ стануть, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдутъ. Того ради и сукнами намъ потребно приниматься своими жъ, что бы тѣ деньги у насъ въ Россіи были.

И правителемъ не токмо однихъ купецкихъ дѣлъ, но и градскихъ, надлежитъ смотреть того накрѣпко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего изъ-за моря и изъ-за рубежей въ Русь не покупали, но покупали бъ такія вещи, кои прочны, и коихъ въ Россіи у насъ не обрѣтается, или безъ коихъ пробыть не мочно.

Намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ, и школьнымъ учениемъ, и христіанскою правдою, и между себя истинною любовію и непоколебимымъ постоянствомъ, яко къ благочестивой христіанской вѣрѣ, тако во всѣхъ дѣлахъ, и за таковое украшеніе не токмо на земли, но и на небеси будемъ славны.

А и сіе въ купецкихъ людяхъ дѣется весьма неправильно, еже еще кой-рой человекъ проча себѣ и дѣтямъ своимъ построить палаты, и еще онъ построилъ ихъ и одолжась, а сосѣды и клеветы его вси, вмѣсто ежебы его за то паче перваго любить и благодарити, что сдѣлалъ отъ бочнаго огня преграду и царственную учинилъ украсу, вознегодуютъ на него, и налягутъ на него тяжелыми податями и службами, и то стало быть діавольская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что онъ строя палаты изубытчилъ, а они вмѣсто льготы нападутъ на него съ разореніемъ.

А мнится: не худо бы и Царскимъ указомъ сіе подтвердить, чтобы лѣтъ на пять-шесть или и больше построившимъ палаты въ Царскихъ поборахъ давать льготы, и въ тѣ льготныя лѣта въ службы никакихъ не выбирать бы; дабы онъ поправился, и на то смотря, стали бъ иные тцатися палаты строить.

Паки и сіе мнится: не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшеній, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощеваютъ.

Паки мнѣ мнится—не худо бы расположить, чтобы всякой чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ ни коими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей; и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно.

А мнится быть то самое прямое дѣло, чтобы не то что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть.

Первая статья купецкаго чина, кін выше тысячи рублевъ, даже до десяти тысячъ пожитки у себя имѣютъ, ти бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублевъ, а камзолы луданыя и стофныя и прочія шелковыя парчи, кои безъ золота, безъ атласа и безъ изпещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченныя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покровомъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бъ ниже подвязки, чтобы оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповыя, а камчатыхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ еще и пуховыя, а поль по служивому мануру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьми и

разсомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кѣи выше десяти тысячъ имуть у себя пожитку. А среднія статьи, кѣи имуть у себя пожитки ото ста рублейъ даже до тысячи, то тѣи бы носили сукна Англійскія, кѣи около рубля покунается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребренныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго купечества, а на ногахъ—сапоги. А нижняя статья, кѣи отъ десяти рублейъ имѣють пожитка только до ста рублейъ, тѣи бы носили сукна Русскія крашенныя лазоревыя и пными цвѣтами, хотя валеныя, хотя неваленыя, только бы были крашенныя, а некрашенныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежномъ расположеніи еще инѣмъ повидится дѣло невеликое, мнѣ же мнится—велико оно: первѣе, что чинъ отъ чина явентъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать; другое, что у всякаго чина денежныя истраты излишнія не будетъ; третіе, что царству наполненіе будетъ немалое.

И платенное расположеніе, я чаю, что иноземцы вельми будутъ спорить того ради, что разходу парчамъ ихъ будетъ гораздо меньше. И о всемъ семъ, какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и будетъ; и расположить бы всѣ статьи особливостно, не токмо матеріальными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрѣпко, чтобы впредь неподвижно быти. И того ради штрафомъ подтвердить и страхъ предложить, дабы никто не дерзалъ на измѣненіе предѣла сего.

У кого пожитку на тысячу рублейъ есть, тотъ бы себя не ругалъ, но благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристойству своему.

А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣють, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у инаго и ста рублейъ нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тотъ бы не тщеславился, но всякъ бы свою мѣрность зналъ.

И еще у кого пожитку выше тысячи рублейъ, и онъ платье по своему достоинству противу своего клеветства носить не будетъ, и кто, вѣдая егѣ пожитокъ, донесетъ о немъ, то всѣ егѣ пожитки переписать, и еще явятся тысячи на двѣ или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себѣ того возжелалъ, а излишнее все, еще и выше того будетъ, взять на Великаго Государя, а доносителю изъ взятаго пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смѣтѣ явится ни съ большимъ на тысячу рублейъ, тому въ пеню не ставить; еще сто-другое или третіе явится излишняя, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишняя будетъ, то излишняя пять сотъ или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублейъ или сотъ пять-шесть.

А кто выше своей мѣры платье себѣ сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинить ему наказаніе, чтобы впредь такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчили.

И еще сіе дѣло не великое, а царственному обогащенію будетъ великая помога: никто излишняго тратить не будетъ.

И еще воля Великаго нашего Монарха на сіе дѣло произыдетъ, то принадлежитъ закрѣпить штрафомъ великимъ и страхомъ немалымъ, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ путѣхъ ѣздили бы въ опредѣленномъ своемъ платьѣ.

А буде кто одѣнется не своего чина одеждою, то наказаніе чинить ему жестокое, а по людямъ смотря, надлежитъ и разыскать, а наипаче, еще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хочетъ идти на легкую работу—на разбой.

Во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобы по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкамъ всѣ бы были знатны, кто какого званія есть.

И по такому расположенію всѣ чины будутъ явны, и никто волгаться во иной чинъ не можетъ; а мнѣ видится, отъ такого порядка и азарничества поубудеть; нынѣ бо многіе поубравшись посолдатски, ходя по улицамъ, чинятъ, что хотятъ, а никто пристать къ нимъ не смѣетъ: мнѣ бытъ ихъ прямыхъ солдатъ, наипаче кѣи убираются подобіемъ Преображенскихъ или Семеновскихъ солдатъ, и тако творя, наносятъ слово на прямыхъ солдатъ недоброе. А если бы всѣ чины были расположены, то еще бы кто и поазарничалъ, то положилъ бы порокъ на свой чинъ, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничаетъ.

И не худо бы расположить какими знаками и полки всѣ яко солдатскіе, тако и драгунскіе, чтобы всякой солдатъ и драгунъ знатенъ былъ, коего онъ полку.

И еще всѣ чины повидится расположить трудно, то хотябъ то учинить, чтобы мочно было знать, кто идетъ или ѣдетъ, господинъ ли или рабъ; обаче о всемъ семъ како воля Божія и Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и можетъ быть.

И сіе вельми потребно, ежебы то учинить, чтобы никто выше мѣры своея одеждъ и всякихъ украшеній не строили.

А наипаче монахомъ шелковыя одежды носить неприлично; а сіе весьма непристойно, еже носятъ они рясы луданыя, атласныя и штофныя; они бо уже міра сего отреклися, и яже суть въ мірѣ, и міру подобаетъ отъ нихъ отреченну бытъ: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а міру мертвы суть; и того ради ни малаго убранія не подобаетъ имъ не токмо во одеждахъ имѣть, но и во всякихъ вещьхъ украшати себя свѣтскими украшениями не надлежитъ, но подобаетъ имъ украшати себя святымъ житіемъ и всякими добродѣтелями, пачеже смиреніемъ и изъ монастыря неисхожденіемъ. Имъ по чину своему подобаетъ носить самое простотное одѣяніе, отъ волны сотканное, а и покрой рясамъ ихъ надлежитъ бытъ мѣшковатой, чтобы и въ томъ украшенія ни малаго какого не было.

А исподы носилибъ самыя смиренныя овечьи, а собольихъ, и кунныхъ, и лисьихъ, ни бѣлыхъ, отнюдь бы не носили; ибо на худой конецъ, что они по всей Россіи на всякой годъ тысячъ десятка по два-три въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшеніе, ни она міру увеселеніе, то токмо тщеславіе и къ б.....цамъ присвоеніе, и инаго ничего въ томъ украшеніи нѣсть кромѣ грѣха.

И азъ не вѣмъ, како у нихъ на сіе разсужденіе будетъ, а мое мнѣніе тако лежитъ, что отнюдь имъ не то что одеждъ, но и опушки шелковыя не подобаетъ имъ имѣть. Чернецъ—мертвецъ. И отъ пьянственнаго питья подобаетъ имъ весьма удаляться, и между мірскими людьми не шататься, и въ деревняхъ монастырскихъ управителями не подобаетъ имъ бытъ, но токмо знать имъ монастырь, да святую церковь, и келлій своихъ никаковымъ украшеніемъ не украшати, а не худо, чтобъ и стѣнъ не тесати, и въ келліяхъ своихъ не токмо хлопцевъ молодыхъ при себѣ держати, но и родныхъ своихъ дѣтей отнюдь при себѣ не надлежитъ имѣти.

У инока инако всякому дѣлу подобаетъ бытъ: у инока ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни сродниковъ нѣтъ, кромѣ единаго Бога. Имъ пища сладкая и приправная и масломъ гораздо усмаженная не весьма подобаетъ ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрѣшенія маслица положить самую малую часть, дабы не весьма ужъ усладило; такожде и на питіе разрѣшить отъ самыя жъ малыя части, чтобъ пьянства въ себѣ не почувати.

Чернецу непрестанно подобаетъ бытъ въ молитвѣ, да въ трудѣ и въ непрестанномъ богомысліи. Имъ такъ надобно жить, что онъ весь былъ въ Бозѣ, и Богъ бы въ немъ неизходно, и нетокмо ему сладостныя яствы ясти или по люторску мясу коснутися, но и рыбы кромѣ разрѣшенныхъ дней не подобаетъ вкушати. Вся бо та въ мірѣ суть, а не въ монастырѣ, и егда на рыбу разрѣшено, то и рыбу не весьма усмаживать масломъ и иными приправами,

но варить ее просто и кромѣ соли никакой потравы въ нее класть не весьма необходимо; въ монастырѣ токмо трудъ и алканіе, а не роскошь какая. И того ради называется равно ангельское житіе ихъ, потому что непрестанно въ церковномъ пѣніи и въ келейномъ правилѣ и въ постѣхъ и въ молитвѣ пребываютъ и въ богомыслии.

И въ монастырѣхъ каковъ трудъ и воздержаніе всей братіи, таковъ и архимандриту, и пища какова всѣ соборнымъ и работнымъ инокомъ, такова и самому архимандриту. И въ такомъ бытіи самое будетъ братство, такожде и одежда у всѣхъ бы была безукрасная и ничѣмъ одежда отъ одежды не отмѣненная; и тако бы они въ монастырѣ трудились, чтобъ никто посторонній человѣкъ познать не могъ, кто какого чина есть.

Христось, дая намъ образъ будучи на землѣ, платья украшеннаго и измѣннаго не имѣлъ, и яко Самъ едину ризу имѣлъ, тако и прочимъ ученикамъ своимъ повелѣлъ единоризнымъ быти.

А и пищу Христось требовать простую безъ приправъ (Лук. гл. 1, зач. 54): егда бо пришедъ въ весь посѣтити Лазаревыхъ сестеръ, и Марія съла при ногу Іисусову слышаше словесъ Его, нача про Христа припасать ядь со учрежденіемъ. Господь же похвалилъ Марію, коя о пищѣ не пеклася, но сѣдше, слушаше словесъ его Господнихъ, а Марѣѣ рѣкъ: Марѣо, Марѣо, печешися о мнозѣ, едино же есть на потребу. Явѣ есть, яко повелѣлъ ей припасати то, чѣмъ мочно человѣку сыту быть. Тако и инокамъ токмо припасать, чѣмъ мочно человѣку сыту быть, и ѣсть надобно не чрезъ сытость, чтобы не отяготить себя, и имѣнія иноку никакого не подобаетъ имѣти.

И въ такомъ житіи могутъ они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утѣхи себѣ, кромѣ Бога, не имѣютъ; всегда пребываютъ въ постѣ и въ молитвѣ, и мяса не вкушаютъ, и никакими сладостями не услаждаютъ себя, и яко Христось жилъ, тако и они живутъ, и живутъ житіе безженное, а мнози въ нихъ обрѣтаются и дѣвственники; итого ради весьма имъ надлежитъ слыть Евангеликами.

А люторы, я невѣмъ, съ коего разума называются евангеликами: они живутъ.... а неевангельски: мясо ѣдятъ и пр. *.

И ради всенароднаго охраненія надлежитъ не однихъ иноковъ, но и купечество отъ лишняго пїянства и отъ роскошнаго житія повоздержать; наипаче надлежитъ запретить отъ заморскихъ питей, чтобы сами не пили и въ гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказнымъ людямъ и служивымъ и прочимъ всякаго чина людямъ призакрѣпить, чтобъ и они въ заморскихъ питьяхъ не касались, и денегъ бы напрасно нетеряли. Буде кто похочетъ прохладиться, то можетъ и Русскими питьи забавиться, а не тобъ что покупаючи пить, но и приносяго никакого заморскаго питья не поваживались бы пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокія персоны, а заморскихъ питей и духу бы не было, кромѣ табаку, (а табакъ не худо бы въ Русіи завести сѣяти и строить его позаморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились), но чемъ Богъ нашу страну наполнилъ, тѣмъ надлежитъ и честноватись.

И иноземцамъ то прилично питье свое заморское въ домѣхъ своихъ держать и кого не похотятъ поить имъ хотя Рейнскимъ или алканомъ, но хотя Венгерскимъ безденежно; а на деньги буде продастъ много или мало, брать штрафъ сторичный—за копейку по рублю, а за рубль по сту рублей, а достальное питье, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцевъ позоветъ къ себѣ въ гости, то подчивалибъ своими питьи, а на заморскія питья отнюдь никакого числа денегъ не тратили бы, но токмо заморскія питья покупали бы одни сенаторы, да изъ Царскаго Сигклита, кои самые богатые люди, обаче съ разсужденіемъ же бы, чтобы деньгамъ не весьма истратно было.

* Опускаемъ нѣсколько строкъ.

Развѣ къ кому случится пришествіе Царскаго Величества, то уже тутъ нѣтъ предѣла: идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется.

Намъ отъ заморскихъ питей кромѣ тщеты и богатству нашему Россійскому препятія и здравію поврежденія инаго нѣсть ничего, и дадимъ мы изъ Россійскаго царства за него червонные, да ефимки и иныя потребности, безъ коихъ имъ пробыть не можно, и отъ чего они богатство себѣ приобрѣтаютъ, а отъ нихъ иноземцовъ примемъ мы то, что выпити да . . . и на землю вылить, а иное выблевать, и здравіе свое повредить, а и вѣку своему пресѣченіе учинить.

А насъ Россіянь благословляя, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія и меды у насъ преславные вареные, самые чистые, что ничѣмъ не хуже Рейнскаго, а плохаго Рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питья, каразинъ и меды красныя жъ вишневые, малиновые, смородинныя, костяничныя и яблочныя.

И аще заморскія питья оставить, а повелѣть строить меды разными видами, различными и скусы, и продавать ихъ изъ-австеріи; то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ.

А аще и табачныя заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобъ онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить позаморски, то такъ намъ мочно его напасти, что и кораблями за море мочно намъ его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копейки, фунтъ его не станетъ, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупаютъ, а сѣять его мѣста у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что миллионная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ премножество, мочно намъ или его сѣять во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, во Мченскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячѣ тысячъ пудъ наплодить его.

И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться.

И аще и табакъ въ Руси заведется, то кто сколько какихъ питей Русскихъ и табаку ни выпьетъ, всѣ тѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія питья покупать ничѣмъ же лучше то, что деньги въ воду метать.

Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги метать, нежели за море за питье ихъ отдавать; изъ воды колико ни есть либо кто и добудетъ, а изъ-за моря данныя деньги за питье никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погибли.

А самага ради лучшаго царственнаго пополненія надлежитъ и прочіе заморскіе товары съ разсмотрѣніемъ покупать, ибо тѣ токмо надлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ Нѣмецкія затейки и прихоти ихъ мочно и приостановить, дабы, напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего. Намъ надлежитъ свой умъ держать, и что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои вещи намъ не къ прибыли, или кои и непочны, то тѣхъ отнюдь у нихъ не покупалибъ.

И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургѣ и въ Ригѣ и въ Нарвѣ и у Архангельскаго города, приѣзжіе иноземцы товаровъ своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы не сторговавъ и пошлинь не заплатя не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары не вынимая изъ кораблей назадъ къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли ихъ.

И аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложить. Намъ о томъ вельми крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ во смиреніе, и чтобы они за нами гонялись.

И аще въ семь мы можемъ устояти, ежебы товаровъ незапроданныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то стануть они гораздо охотнѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не стануть.

И хорошо бы въ купечествѣ и то учинить, чтобы вси другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ Царскія бы сборныя казны изъ ратуши давали имъ изъ процента на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной чело-вѣкъ во убожество великое отъ какого своего упадка не входилъ.

И аще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣють, но годъ отъ года въ промыслахъ своихъ будутъ расширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе, благословляя благословить, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе.

ГЛАВА V.

О художествѣ.

Въ художникахъ аще не будетъ добраго надзирателя и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими дѣлами обогатиться не возможно, ниже славы себѣ доброй получить, но до скончанія вѣка будутъ жити въ скудости и безславіи. А если бы учиненъ былъ о нихъ гражданскій указъ, ежебы имъ изъ самаго начала учиться постоянно жить, давшись къ мастеру въ наученіе, жить до уроченнаго сроку, а не доживъ не то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отходить, и не взявъ отпускнаго письма и послѣ сроку съ двора не сходить, тобы всѣ мастера ни въ томъ бездѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми мастерами бы были. А прежде такой порядокъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять или на шесть, и гдѣ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станеть дѣлать собою, да и цѣну спустить, и мастера своего оголодить, а себя не накормить, да такъ и вѣкъ свой изволочить—ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ.

А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ о семь гражданской указъ такой твердый, что буде кто не доживъ до сроку хотя единаго дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ чело-вѣкъ не будетъ добрымъ чело-вѣкомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускнаго, никто де его не приметъ въ наймиты, ни въ ученики, никто де его не возьметъ; и того ради у нихъ и мастера добры и похвальны.

А у насъ такого запрещенія гражданскаго нѣтъ, чтобы не доживъ до сроку и совершенно не научась, отъ мастеровъ ученики не отходили; и того ради и быть мастерамъ добрымъ у насъ не возможно.

Такожде, аще кто что вымыслить вновь отъ своего разума или научась отъ кого, да начнетъ дѣлать, а прежде такого мастерства не бывало, то такому по иноземскимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускаютъ того мастерства дѣлать до смерти его.

И аще тако устроено будетъ у насъ въ Руси, то такожде, что у иноземцевъ, много будетъ вымышленниковъ: многіе бы острые люди и нарочно стали тшчатися, како бы что новое вымыслить, отъ чего ему поживитися.

А нынѣ у насъ за непорядочное гражданство гнѣтъ добра много. Истинно надлежитъ сему гражданской уставъ учинить, чтобы за вымысль новаго какого мастерства или промысла отнюдь инымъ не попускать, дондеже живъ тотъ вымышленникъ.

То, на таковой указъ зря, много охотниковъ будетъ; а нынѣ многіе не смѣютъ вымысловъ своихъ объявить; понеже вымышляя и дѣючи пробу, изубытчится, и егда достигнетъ и лишше начнетъ дѣлать; а другіе увидя у него да и почнутъ дѣлать тояжь дѣла и цѣну спустятъ ниже; и тако сами не найдутъ, а у вымышленника кормъ отнимаютъ.

И тако есмь я: * а и у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а побормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что. Вельми бо годствуешь о вымышленникахъ опредѣленія учинить гражданское, твердое; то многіе вымышленники явятся.

Такожде и о художественныхъ дѣлахъ гражданской уставъ надлежитъ учинить, и ежебы надъ всякими мастерства устроить надзирателей, а напаче надъ иконописцами, и надъ всѣми ими главнаго правителя приставить, и за всѣми мастерами и надзирателями прилежно ему смотрѣть, и мѣсто ему дать, гдѣ тѣ дѣла ему управлять, дабы всѣ мастера дѣла свои дѣлали самымъ тщательнымъ художествомъ безпорочно.

И во ученіи ихъ уставъ положить недвижимый: аще кто пойдетъ къ мастеру мастерства какого учиться, и аще и добрѣ научится, а безъ отпуску отъ мастера своего отойдетъ, то учинить ему наказаніе—отдать въ солдаты; а буде кто изъ офицеровъ или изъ иныхъ лицъ мочью своею и письмо отпускное у мастера возьметъ, а мастеръ шедъ къ командиру своему объявить, и то письмо по обличенію будетъ отставлено, а заступщика по указу оштрафовать, каковъ о такихъ людѣхъ указъ состоитъ.

А буде кой ученикъ и совершенно мастерства надлежащаго какого научится, а безъ отпуску отойдетъ, ни кому его не принимать ни къ каковымъ дѣламъ, но отослать его въ солдатство.

И за таковымъ укрѣпленіемъ не доживъ до сроку, и не взявъ у мастера отпускнаго письма отходить не будутъ, и мастерству уже учиться будутъ прилежниѣ, а и мастера будутъ учить ихъ охотнѣе; и за таковымъ уставомъ и по неволѣ будутъ учиться добрѣ, и совершенно выучась и взявъ у мастера отпускъ вышему художественныхъ дѣлъ командиру покажетъ свое мастерство и отпускъ, то какъ ему той командиръ опредѣлитъ, ещель ему доучиваться, или у иныхъ мастеровъ изъ найма работать, или уже и самому ему мочно быть мастеромъ, то такъ тому и быть.

И аще кой ученикъ уже совершенно научился и въ разумѣ уже совершенномъ, и освидѣтельствовать командиру съ товарищи и съ мастерами, и аще мастерство его чисто и честно, и порока никакого не имуще, то дать ему указъ полной, чтобы ему и дѣлать было свободно, и домъ мастерской имѣть, и учениковъ учить.

И кін мастера будутъ именитые, и домами мастерскими владѣть будутъ, то всѣмъ имъ, коемуждо имѣть у себя клеймо свое особливое, а и надзиратели такожде имѣли бы свои особливьяжь клеймы.

И егда кой мастеръ сдѣлаетъ своего мастерства какую вещь, то мастеръ положилъ бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будетъ въ свидѣтельствѣ предъ надзирателемъ, и буде оно добро, то бы на той вещи приклеилъ и онъ своимъ надзирательскимъ клеймомъ.

И тѣ бы именитые мастера за учениками своими, за наймниками, смотрели накрѣпко, чтобы на мастерство его похулки какой не навели; потому что тѣ дѣла будутъ за его клеймомъ, и аще какая вина въ той вещи, въ матеріи или въ мастерствѣ явится, то оштрафовать будетъ тотъ мастеръ, чье клеймо на немъ будетъ.

* У Ст. кто есмь я, а и пр.

А штрафъ брать кромѣ оружейныхъ дѣлъ десятерично въ десять цѣнь проданныя вещи. А буде кой мастеръ оружейный сдѣлаетъ какую либо пицаль изъ ломкаго желѣза или изъ мягкаго, да худо проварить, и въ стрѣльбѣ ее разорветъ, то на томъ мастерѣ, чье клеймо, взять штрафу во сто цѣнь той пицали, да ему же учинить наказаніе. А аще пицаль тверда и мастерствомъ добра, а къ стрѣльбѣ не цѣльна, то взять штрафъ десятеричной—за рубль десять рублей.

А еще кто сдѣлаетъ замокъ пицальной плохъ и неогнисть, или шпагу, или палашъ, или копіе, или какое ни есть ружье рукобитное безъ укладу, или желѣзо положить ломкое, то взять на немъ штрафъ двадцатный—за гривну два рубля.

А за прочія всякія желѣзныя мастерства, кои дѣлаются въ домовое строеніе, буде что сдѣлано будетъ изъ ломкаго желѣза, то за тѣ дѣла брать штрафъ десятеричной—за гривну по рублю.

А буде лавочникъ купитъ на продажу не разсмотря пороку, и будетъ продавать за доброе, то онъ заплатитъ штрафъ надлежащій купческаго регула, каковъ положенъ будетъ за продажу худыхъ товаровъ.

И аще мастеровымъ людямъ безъ свидѣтельства и безъ гражданскаго управленія не повелѣно будетъ своевольно дѣлать, то всѣ художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иноземцы; иноземцы такіе же люди, что и мы, да они гражданскимъ уставомъ тверды и въ мастерствѣ добры, а егда и у насъ гражданской уставъ будетъ твердъ, то могутъ наши художники и превышати ихъ.

И тако годствуетъ учинить, чтобы безъ вѣдома художественныхъ правителей и пришлый никакой мастеръ Русской или иноземецъ никакого рукодѣлія не дѣлалъ бы; но егда его освидѣтельствуютъ командиры съ товарищи, и какъ ему опредѣлять, такъ и быть.

А буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ наученіе челоуѣкъ десятокъ-мѣста или и больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескротно.

И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучить противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескротно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, чтобы на то воздаяніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали.

А буде кой иноземецъ, по древнему своему обыкновенію иноземческому, будетъ шмонить, о ученьѣ учениковъ нерадѣть, но чтобы деньги выманить за море уѣхать,—и то его лукавство и правду мочно и въ полугодѣ узнать,—то съ чѣмъ онъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и назадъ выслать его, нечестно, и чтобы онъ въ Руси у насъ не шатался, дабы на то зря впредь для обману въ Русь къ намъ не пріѣзжали.

И кои ученики будутъ перемчивы, и мастерства какого совершенно научатся, еже противу заморскаго дѣлать, то учинить таковыхъ мастеровыми, и кормъ имъ учинить довольной, чтобъ могъ онъ обогатиться.

Въ Россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое; ибо Русскаго челоуѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хотятъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію, но токмо учиняютъ ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти копеекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не прокормить, а жену и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходитъ, заневолю научать воровать, и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать.

И такимъ своимъ разсужденіемъ Великому Государю дѣлаютъ они великой убытокъ, а не прибытокъ; они мнятся тѣмъ учинить Великому Государю прибыль,

что мастеровыхъ людей не кормятъ; а они тѣмъ великой убытокъ дѣлаютъ. А и во всякихъ дѣлахъ правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублей пропадаютъ, то ни вочто поставляютъ, и неданіемъ полного кормленія у Русскихъ людей охоту и къ мастерству прилежаніе тѣмъ пресѣкаютъ, и размножаться доброму художеству не допускаютъ. А кои ученики не весьма научились, тѣхъ бы отдавать тому, кои всесовершенно научился, доучитися, дабы и тѣмъ навывкали добрымъ мастерствомъ дѣла свои дѣлать.

А наипаче всехъ художествъ научиться надобно иконописцамъ иконнаго мастерства, чтобы имъ всесовершенную мѣру знать всякаго возраста человеческого и чинъ надлежащій.

А надзирателямъ надъ ними надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ, и смотреть накрѣпко, чтобы не былъ въ нихъ не единъ человекъ неумѣющій: и кѣмъ иконописатели не весьма искусны, то работалибы они на мастеровъ, что имъ повелятъ писать, тобы и писали, а егда навывкнутъ, тогда могутъ и они мастерами быть.

И мнится мнѣ, что надлежитъ и съ великимъ запрещеніемъ закрѣпить, чтобы несвидѣтельствованные иконники и неимѣющіе повелительнаго у себя указа, еже писать ему святыхъ иконы, отнюдь бы не писали.

Святое писаніе глаголетъ: яко проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А иконописное дѣло тому присутственно; понеже строятся онѣ ради Божія чести, и тая честь восходитъ на самого Бога.

А такъ небрежительно ихъ пишутъ, что инныя иконы страшно и видѣти: инныя отъ недознанія своего пишутъ тако, что еще бы таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой человекъ, тобы онъ былъ страшилищемъ.

Въ начертаніи образа Богоматерина пишутъ: носъ долгой и весьма тонкой, и шею тонкую и долгую, у рукъ персты долги и весьма тонкіе, а концы у перстовъ острые, какихъ не видено ни у какого человека, и ни въ какомъ человекѣ не обрящеша, чтобы было прямо противу сущаго человечества. И таковое начертаніе стало быть образу святому руганіе.

Обаче кто издревлѣ и писалъ отъ невѣденія своего неразмѣры человеческіе, той не погрѣшилъ; и Богъ на немъ того не взыщетъ. И еще бо кой образъ написанъ по размѣру или не по размѣру, не тѣмъ онъ святъ, еже добръ написанъ или недобръ, но всякой образъ святится именемъ Господнимъ. Обаче намъ надлежитъ съ великимъ опасствомъ святыхъ иконы писать, дабы въ семъ не погрѣшати. И еще святаго коего либо образъ написанъ, то надлежитъ на немъ и Спасителевъ образъ написать, дабы отъ имени Іисусъ Христова той образъ святъ былъ.

И еще у насъ многіе люди знаютъ размѣреніе человеческое, обаче надлежитъ сдѣлать азбуку Русскую, и написать ее Русскимъ манеромъ, а не Нѣмецкимъ, чтобы она всякому человеку поемна была, и написать ее надлежитъ спичевымъ манеромъ: на первомъ листу написать человека въ совершенномъ возрастѣ, стояща прямо, и руки распростерты пряможе, и длани и персты прямо ногъ (?) суща, и отъ пяты положить линіею до темени; другую линіею, рещи, черту, положить поперегъ правыя руки отъ средняго перста до средняго же перста, и на тѣхъ чертахъ размѣръ положить вершками, или по мѣрѣ головы человеческія, или какъ надлежитъ. И на прочихъ листахъ начать азбуку: на первомъ листу написать младенца новорожденнаго, на второмъ — однолѣтнаго, на третьемъ — двулѣтнаго, и тако погодно написать до двадцати лѣтъ, а отъ двадцати до тридцатаго года прибавлять по два года, а отъ тридцати до девяносты лѣтъ прибавлять по пяти лѣтъ, и всю тую азбуку написать нагими тѣлесы, а потомъ другую азбуку написать въ платьѣ стоящихъ и сидящихъ, и всякими разными видами, и состроя ее вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ, и напечатать ихъ тысячу-мѣста, и во все города разослать, и повелѣтъ всемъ иконникамъ писать противу тое азбуки, и сдѣлать ее во всю десть.

А деревенскимъ мужикамъ и безграмотнымъ съ великимъ запрещеніемъ надлежитъ запретить, дабы отъ нынѣшняго времени не токмо деревенскіе, но и градскіе не взявъ о себѣ повелительнаго письма, отнюдь бы не писали. И какъ у насъ въ Россіи въ деревняхъ такіе мастера есть, что въ алтынъ и въ грошъ и въ копейку икону продають, и такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ, да голова; а гдѣ надлежало голову, глаза, да уста нарисовать, то тутъ однѣ точки наткнуты, да то и образъ сталъ. И сего ради паче иныхъ художествъ надлежитъ надъ ними твердое смотрѣніе учинить.

О семь же всячески надлежитъ потчиться, чтобы завести въ Руси дѣлать тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то есть, трипы, бумази, рубки, миткали, камордки и порусинныя полотна и прочія дѣла, кои изъ Русскихъ матеріаловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно, еже кои матеріалы, гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили.

Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или втрое дешевле ставиться стануть, а люди бы Россійскіе обогатились.

И ради размноженія таковыхъ дѣлъ учинить бы указъ, чтобъ нищихъ, по улицамъ скитающихся, и молодыхъ и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказѣ, имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робять мужскаго полу и женска научить прясть, а взрослыхъ — ткать, а иныхъ — бѣлить и лощить; тобы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя дома мастерскіе, науча тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ мочно ими много дѣлъ управить. Чѣмъ къ намъ возить полотна изъ нашихъ матеріаловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна.

И аще первые годы повидится оно и неприбыльно, и заморскихъ аще и дороже ставиться будетъ, и того страшится не для чего, но поступать въ дѣлѣ далѣе; и аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навькнутъ дѣлать, то и о томъ сумнитися не надобно; потому что егда всѣхъ тѣхъ дѣлъ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупятся.

За моремъ хлѣбъ нашего дороже, а харчъ и наипаче дороже, а ленъ и пеньку отъ насъ покупають цѣною высокою, да страхъ морской платятъ, да двой пошлины и провозы многіе дають; обаче не лѣнятся, дѣлають изъ того льну и пеньки, аще и высокою цѣною тотъ ленъ и пеньку покупають, и пищу себѣ отъ того руководнія приобрѣтають, ибо сдѣлавъ полотна, паки къ намъ ихъ привозятъ и продають цѣною высокою; за трипъ берутъ по двадцати алтынъ и больше за аршинъ, рубки продають алтынъ по сороку и по полтора рубли, а камордку—по двадцати алтынъ и по рублю аршинъ.

А у насъ въ Руси, я чаю, что рубокъ и въ двадцать алтынъ не станетъ, и камордка аршинъ, чаю, что выше десяти алтынъ не станетъ, и всякія дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, ниже половой цѣны ставиться будутъ; потому что хлѣбъ и харчъ у насъ тамошняго гораздо дешевле, а ленъ и пенька гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно.

И егда тыи дѣла у насъ въ Руси уставятся, то чѣмъ имъ ленъ да пеньку продавать, лучше намъ продавать имъ готовыя полотна парусныя и канаты и камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ полотна ефимки и иные потребныя намъ вещи.

Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотень наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно; и чѣмъ имъ отъ нашихъ матеріаловъ обогатится, то лучше намъ Россіяномъ отъ своихъ вещей питатися и обогатится.

Токмо трудно намъ тѣ заводы завести, да установить тѣ дѣла; а егда Русскіе научатся, и дѣла сіе установятся, то нельзя не вполы имъ ставиться.

И ради царственнаго обогащенія надлежитъ на такія дѣла въ началѣ построить дома изъ Царскія казны на пространныхъ мѣстѣхъ въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле, въ Заоцкихъ мѣстѣхъ, или гдѣ что пристойно дѣлать,

и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богателись, а Царская казна множилась. Такжеже и въ прочихъ мастерствахъ, которыя царству пожиточны, а мастера маломочны, и собою имъ великихъ заводовъ завести нечѣмъ, то и таковымъ надлежитъ на созидаіе мастерскихъ домовъ давать деньги изъ ратуши, или откуды Его Императорское Величество повелитъ, дабы всякія дѣла расширялись; и не токмо на строеніе, но и на всякіе къ тѣмъ дѣламъ на надлежащіе инструменты и на всякіе припасы, чтобы въ удобное время всякихъ припасовъ припасали безъ оскуденія. И земскимъ бургомистрамъ за ними присматривать, чтобы напрасныя траты деньгамъ не чинили и не бражничали, но употребляли бы въ сущее дѣло, и тѣ данныя деньги и прибыльныя по изложенію или по разсмотрѣнію исправленія ихъ погоднобъ брать. Такжеже надлежитъ достать и такихъ мастеровъ, кои могутъ дѣлать волоченное желѣзо мельницами, и жечь и кровельныя доски желѣзныя; и аще и съ трудомъ, а вельми ихъ надобно добыти, и отослать ихъ на Сибирскіе заводы, и чтобы тому мастерству и нашихъ Русскихъ людей научили.

Такжеже надлежитъ добыть мастеровъ, кои умѣютъ гладкіе и травчатые трипы дѣлать, такжеже и бумазейныхъ мастеровъ, и завести бы и такіе дворы, и учениковъ имъ дать, чтобы къ тому мастерству научить человѣкъ десятковъ-другой.

А буде кто изъ своея охоты заведетъ какія дѣла, царству потребныя изъ своего издивенія, и тѣмъ людямъ такжеже указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робять мужеска пола и женска имать и учить, и науча, владѣти ими вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти имъ тутъ вѣчно.

И сицевымъ порядкомъ нищие, бродяги и тунеядцы, всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся, и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатиться и славою расширяться.

Да хорошо бы добыть и красочныхъ мастеровъ, кои умѣютъ дѣлать крутикъ и лавру, и киноваръ и голубецъ, и баканъ Венецейской и простой, и яръ Венецейскую и простую, и шишгиль и прочія краски, иже дѣлаются отъ составленія матеріи изъ потошу, изъ малчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры, изъ мѣлу и изъ прочихъ и изъ иныхъ вещей, въ Руси обрѣтающихся.

А кои краски натуральныя, и тѣхъ надлежитъ съ великимъ прилежаніемъ искать Русскимъ охотникамъ и иноземцамъ, кои въ тамошнихъ своихъ краяхъ видали, въ каковыхъ мѣстахъ какія краски и потребныя матеріи, кои пригодны къ лекарственнымъ дѣламъ и къ красочнымъ и ко инымъ вещамъ, и обѣщать имъ плату хорошую за всякое обрѣтеніе.

И надлежитъ Его Императорскому Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои Ему Величеству Государю радѣтельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей, кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ, а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтитъ не возможно,—отъ Кольскаго острова, если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изѣхать,— а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося.

Я и не большое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и незнаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна камению янтарю, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую Гумъ сфальтумъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и нефти сыскалъ я многое число; вохры и червлени, хотя и по тысячѣ тутъ можно добывать; и пументъ есть же у меня въ принскѣ; и я не знаю, чего бы у насъ въ Руси не сыскалъ; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ.

что обрѣтается, не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить.

Я, истинно, отъ всего усердія своего радѣлъ, да нечего мнѣ стало дѣлать: за сѣверной принскъ, истинно не лгу, общалъ Князь Борисъ Алексѣевичъ такое великое учинить награжденіе: ни дѣтямъ де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ; а сошлось мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублей.

А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлалъ прибыль многотысячную, и въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее за собою, тобы я рублей тысячу и другую ухватилъ. Вѣдаю я, что далъ бы мнѣ Князь Борисъ Алексѣевичъ по десяти рублей за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить: и если бы годы два-три поудержалъ ее за собою, то бы я великіе пожитки отъ нея нажилъ. И я оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то, что фунтами, но гдѣ золотниковъ и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дѣло. А егда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и Князь Борису Алексѣевичу отдалъ, и иноземцы пріѣхавъ къ нему, взяли по куску, и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы видя, что удержаніемъ сѣры военнаго дѣла не остановити, повезли по прежнему къ намъ. И за помощію Божією аще я за такое дѣло великое и ни чѣмъ и не взысканъ, обаче, слава Богу, что военное дѣло управилось.

ГЛАВА VI.

О разбойникахъ.

О истребленіи разбойниковъ много взысканія чинится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали: якоже Артемій Огибаловъ, Евсигней Нееловъ, и прочіе подобные тѣмъ. Обаче тѣмъ ничтоже успѣша; но всегда ихъ множество, и кромѣ Поморскихъ и Заонежскихъ странъ во всѣхъ странахъ многіе разбои чинятъ, многія деревни и села великія разбиваютъ, и людей до смерти запытываютъ; и никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ, аще нынѣшняго судейскаго правленія не измѣнятъ, и отъ чего они родятся, если не пресѣчъ.

Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси, а все отъ того, что тамъ потачки имъ ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ; когда кого поймаютъ, тогда ему и указъ учинятъ; и того ради тамъ не смѣютъ и воровать много.

А у насъ, поймавъ вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстатися: посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣннѣ много ихъ уходятъ, а ушедъ, уже пуще стараго воровать станутъ; и такого ради порядка надежно уже и воруютъ.

И сыщикамъ, колико бы ихъ ни было, не истребить ихъ, аще не измѣнитъ о нихъ регула. Мое же мнѣніе объ истребленіи всеконечномъ воровъ и разбойниковъ лежитъ сиче: буде Великій нашъ Государь повелитъ во всю свою державу послать указы написавъ сичевымъ подобіемъ.

Ежебы во всѣхъ городѣхъ и во всѣхъ слободахъ дворянскихъ, и у приказныхъ людей, и въ солдатскихъ, и посадскихъ, и въ ямскихъ, и въ иноземскихъ слободахъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ, великихъ и малыхъ, Государевыхъ, и архіерейскихъ, и монастырскихъ, и помѣщичьихъ, и прочихъ, всякаго званія людей, яко у самѣхъ ихъ, тако и у людей ихъ и у крестьянъ, учинить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и чтобы тыи десятскіе за своими

десятками смотрели накрѣпко, чтобъ никто и изъ высокихъ персонъ безъ вѣдома своихъ сотскихъ или пятидесятскихъ никуда не отѣзжали, и куда кому случится ѣхать, тобы у сотскихъ или у пятидесятскихъ своихъ брали за ихъ печатями отпускныя письма, и въ тѣхъ письмахъ описывали именно, куды кто поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и на коликое время поѣхалъ, и людей съ собою колико взялъ и кого имяны.

Такожде и у бояръ во всехъ домѣхъ учинить сотскихъ, десятскихъ же и пятидесятскихъ и сотскихъ, надъ людьми изъ людей боярскихъ, а надъ господами изъ господъ же. И не то, что десятскіе, но и сами бы господа и люди между собою другъ за другомъ смотрели бы накрѣпко, чтобы отнюдь безъ вѣдома своихъ пятидесятскихъ никуда никто не ѣздили, и ночью порою изъ домовъ своихъ не сходили бы. И еще и съ вѣдома куда пойдуть, или съ отпускомъ куда поѣдутъ, то ты сотскіе и пятидесятскіе и десятскіе и рядовые крѣпко бы за ними смотрели, туды ли они поѣхали, куды просились; а буде поѣхали не туды, то надлежитъ ихъ вернуть назадъ и отослать къ суду; потому что еще кто явится на какомъ воровствѣ или на разбоѣ, и какая казнь будетъ вору, такая жъ казнь будетъ и сосѣдямъ, кои вѣдали, да молчали. А буде изъ большаго дому изъ боярскаго кто своруетъ что, то того дому всемъ дворовымъ, кои вѣдали да молчали, такая жъ казнь, и кои не вѣдали, а того жъ дому, и тѣхъ кнутомъ бить, колико указано будетъ.

А буде кой сотской или пятидесятской, увѣдавъ за кѣмъ воровство, да умолчить, то горше вора приметь муку и казнь люгѣйшую; а буде десятчики, какого званія не буди, сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ будутъ непослушны, и на таковыхъ подавать имъ вышнимъ судьямъ извѣстіе, что чинятся имъ сильны: ходять и ѣздятъ по прежнему самовольно безъ ихъ вѣдома и судьямъ по таковыхъ ослушниковъ посылать солдатъ и приведя допрашивать накрѣпко, чево ради они сильны чинятся. И буде по свидѣтельству ослушаніе ихъ явится и не ради какого воровства, обаче за ослушаніе Государева указа, чинить имъ наказаніе, какъ о томъ уложено будетъ, чтобъ впредь такъ не дѣлали: а буде въ другой рядъ такожде учинятся ослушны, то уже разыскивать и въ застѣнѣ. Изъ розыску еще явится, что они учинили не ради какого воровства, но отъ застарѣлаго своего своевольства или отъ гордости своей, ничтожа тѣхъ своихъ смотрителей, и за ту вину противъ прежняго наказанія чинить сугубо, и для явнаго ихъ свидѣтельства по персту отсѣчь на рукѣ, или вмѣсто отсѣченія перстнаго наложить на рукѣ знакъ, чтобы значилъ сугубую ихъ вину. А буде кто явится въ таковой же винѣ въ третіе, то уже по трегубомъ наказаніи казнить его рукосѣченіемъ или и вящше, какъ о томъ уложено будетъ.

А будеже ослушаніе чье явится ради какого воровства, то въ первой винѣ казнить его смертию, или какое жесточайшее наказаніе чинить, съ запятнаніемъ на лицѣ и на рукахъ, дабы на то смотря все въпредь были Великаго Государя указу страшны.

А буде сотскаго или пятидесятскаго или и десятскаго своего чѣмъ обругаетъ рукодерзіемъ или и словеснымъ руганіемъ непристойнымъ, то въ десять мѣрь безчестіе имъ да заплатятъ, увѣчье же въ двадцать мѣрь.

И таковыя указы съ нарочными посыльщиками разослать во все города, указовъ ста по два-три или больше или меньше, смотря по количеству сель и деревень, чтобы всякому сотскому и пятидесятскому указъ былъ данъ печатный, и чтобы тѣ посыльные люди въ городѣхъ воеводамъ, или кому надлежитъ отдать (отдали?) тѣ указы именно съ росписками.

А городовымъ правителямъ тѣ присланные указы разослать немедленно во весь того города уѣздъ, чтобы тѣ посыльные люди все села и деревни объѣхали подлинно, и пріѣхавъ въ село или деревню, изчислили бы мужескъ полъ по головамъ, и изо всякаго бы десятка мужеска пола выбрали бы по десятскому, а изъ пяти десятковъ—по пятидесятскому, а изъ десяти десятковъ—по сотскому, и выбирали бы тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ не по дворовому числу, но по исчисленію головъ мужескаго пола. Еще и въ одномъ дворѣ будетъ му-

жеска пола десять человекъ, то выбирать изъ нихъ одного десятскаго; а буде въ коемъ дворѣ будетъ мужеска полу двадцать человекъ, то выбирать въ томъ дворѣ десятскихъ два человека; а въ коемъ дворѣ останется за десятниковъ человекъ или два или больше, то причислять ихъ къ другимъ десяткамъ, и набравъ десятскихъ, выбрать изъ нихъ, кои по просужѣе, двухъ человекъ въ пятидесятскіе, а одного изъ нихъ же записать въ сотскіе. И выбравъ тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и записавъ ихъ имена въ книгу, наказать имъ накрѣпко, чтобы по тѣмъ Великаго Государя указомъ чинили неизмѣнно и неоплошно, не опасаясь никого; и тотъ Великаго Государя указъ созвавъ всю сотню и всѣмъ имъ прочесть въ слухъ дважды или трижды; дабы всѣмъ онъ былъ вѣдомъ и памятенъ, и никто бы невѣденіемъ неотымался, и при всѣхъ людѣхъ тѣ печатные указы отдать сотскому, а пятидесятскіе пятидесятскимъ обѣимъ по указу.

И отдавъ указы у старость тѣхъ жителей взять сказки съ великимъ подкрѣпленіемъ, что нѣтъ ли въ ихъ старощеньѣ какихъ воровъ или разбойниковъ или коневодовъ или татей или бѣглыхъ какихъ людей. А буде и небѣгле, да пришлецы зарубежскіе или вольные какіе люди, а нестаринные тутошніе жители, и аще изъ давнихъ лѣтъ живутъ, то всѣхъ бы тѣхъ объявляли и ни единого бы не таили; потому за ложную сказку великое и жестокое наказаніе со штрафомъ учинено будутъ; такожде и во иныхъ старощеніяхъ, не вѣдаютъ ли таковыхъ людей, или не держитъ ли кто у себя на дворѣ разбойнича стана— о всемъ бы именно объявили безъ утайки. А буде кто вѣдая о разбойникахъ, да утаитъ, тому будетъ смертная казнь.

И того ради сказывали бы не опасаясь ихъ воровъ или помѣщиковъ ихъ. А буде кто кого прикроетъ, и послѣди увѣдомится чрезъ выборныхъ, сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, что они вѣдали про ихъ воровство, а не сказали, то тѣ сами постраждутъ, и казнь имъ будетъ такая же, какова ворами. А буде сотскіе съ товарищи своими тѣхъ прежнихъ воровъ вѣдая не объявятъ, и объявить кто посторонній человекъ, и нововыборнымъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ, тожь будетъ, что и старостамъ за утайку.

И о семъ съ великимъ притуженіемъ спрашивать ихъ, чтобы паче огня боялись таковыхъ прикрывать, каковыхъ указъ требуетъ. Буде и за помѣщикомъ своимъ и за прикащикомъ вѣдаютъ какое воровство, или кто потаенно у себя держитъ пришлыхъ какихъ людей, то и о таковыхъ отнюдь бы не таили и ихъ бы не опасались; потому что имъ уже конецъ будетъ, а свободы по прежнему уже не будетъ имъ, но что попалъ, то и пропалъ. И буде кто и потаитъ, и тому конецъ невозвратной же будетъ. И аще и свой братъ скажетъ про сосѣда своего, что онъ вѣдалъ, а не сказалъ, то тому, кто скажетъ, будетъ пожалованъ, а кто потаитъ, тому неотложная смерть. А буде кой староста или изъ рядовыхъ крестьянъ скажетъ про себя, что былъ съ помѣщикомъ своимъ или съ прикащикомъ на разбоѣ или на иномъ какомъ воровствѣ, то онъ въ винѣ той прощенъ будетъ; токмо на лице его пятно положить, чтобы онъ впредь былъ знаменъ, а помѣщика или прикащика казнить смертію.

А буде на кого въ дву или въ трехъ деревняхъ скажутъ согласно, что разбой онъ держалъ, и выѣхавъ изъ тѣхъ деревень пріѣхавъ въ инья деревни, такожде сперва спросить у старосты, нѣтъ ли какихъ причинныхъ людей? и окончивъ его допросъ о его вѣдомствѣ такожде спросить: не вѣдаетъ ли кого и во иныхъ старощеньяхъ; и буде скажетъ про кого или и не про кого не скажетъ, обаче спросить про того именно, котораго прежде его облиховали, и хотя чуть призначить, что слухъ есть про такого человека, а подлинно не знаетъ, и то такъ и записать.

И пріѣхавъ въ городъ тѣ сказки объявить воеводѣ, и воеводамъ по облихованныхъ людей посылать посылка большая, и пріѣхавъ посылщику у облихованныхъ людей въ домѣ ихъ обыскать накрѣпко: нѣтъ ли какого излишняго ружья или платья, кое имъ неприлично, такожде, и иной всякой борошень пересмотрить, и нѣтъ ли какого потаеннаго мѣста, и нѣтъ ли тамъ какой потаен-

ной похоронки. И буде у кого сыщется какое неприличное, то и безъ розыску будетъ онъ явнъ, что онъ таковской. Обаче въ канцелярію приведъ распросить его съ великимъ истязаніемъ. И буде не запрется, то по винѣ смотря и рѣшеніе учинить немедленно.

А буде станеть запыраться, то пытать его жестоко, и спрашивать про товарищей его, и воруя, гдѣ онъ приставаль, и гдѣ станъ имѣли, и кто про воровство его вѣдаетъ, сказалъ бы именно? Такожде и о иныхъ артеляхъ спрашивать. И буде вѣдаетъ, то сказали бы, гдѣ ихъ сыскать. И распрося, хотя кои во убійствѣ себя не оговорить, и разбойныя вины на себя не скажетъ, а окольныя сосѣды съ подкрѣпленіемъ скажутъ, что онъ виненъ, то казнить ихъ по изложенію, чего будутъ достойны. А буде кто и самый вѣдомый и знатный разбойникъ, видя такой жестокой и твердый указъ, своею волею явить себя и принесть повинную, то аще и человѣкоубійца былъ и разбойничьи станы у себя держать, или и атаманомъ былъ, а общается впредъ того не дѣлать, и товарищей своихъ всѣхъ скажетъ и укажетъ, то такого человѣка не пытать, и отъ наказанія учинить свободна, а товарищей его всѣхъ казнить по изложенію; а у него только на щекѣ или на рукѣ положить знаки, чтобы всякъ могъ его знать, еже былъ самый явный воръ и покаялся, и пустить его свободна. А буде станеть онъ впредъ Великому Государю радѣть и воровъ провѣдывать, и его радѣніемъ аще будутъ сысканы какіе разбойники и иныхъ артелей, то надлежитъ ему дать и жалованье.

А буде же тотъ воръ по показаніи своемъ да наки на тотъ же свой воровской промыслъ обратится, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесованная или ребро повѣшаніемъ.

И приказать всѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ и сосѣдямъ, чтобы всѣ смотрѣли, аще къ кому пріѣдутъ ночевать или и обѣдать, а возовъ съ ними торговыхъ нѣтъ, то сошедшися, спрашивать бы у нихъ, кто они таковыя, и откуда, и куды ихъ путь? И буде скажутъ, откуда ихъ путь и куды, то спросить у нихъ отпуску отъ ихъ сотскихъ и пятидесятскихъ; и буде отпускъ безспорно покажутъ, и съ словами ихъ отпускъ будетъ сходенъ, то по та и дѣло ихъ; а буде отпускъ съ словами ихъ будетъ не сходенъ, или признають что онъ неправой, а наипаче аще стануть въ словахъ мяться или будутъ гордо говорить, то взявъ ихъ и связавъ отвозили къ суду; а буде не стануть даваться, то и за боемъ ихъ имать, и аще на той поимкѣ и до смерти кого убьютъ, и за то поимщикамъ никаковы бѣды не будетъ.

А буде гораздо ихъ людно, и назначится, что они люди причинные, то повѣстить окольнымъ деревнямъ, чтобы пришли и помогли ихъ перехватать. А буде коя деревня по повѣсткѣ на поимку не пойдетъ, и старосту того или сотскаго, кой на поимку не пошелъ, казнить по указу, а рядовыхъ всѣхъ бить кнутомъ. А буде староста и сотской и десятскіе наряжали, и рядовые не послушали ихъ, и на поимку не пошли, то староста съ товарищи свободны, а рядовыхъ за ослушаніе ихъ всѣхъ казнить неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. А буде кои люди и добрые, и отпускъ у нихъ есть правой за печатью сотскаго или пятидесятскаго, а ради своей гордости отпуску своего не покажутъ, и сошедшимся крестьяномъ будутъ противиться, и таковыхъ людей имать къ суду, и передъ судьей буде во упорствѣ своемъ повинятся, и скажутъ, что ничтожа крестьянъ, отпуску своего не явили, и за то скинувъ рубаху, выѣчь ихъ батоги, да на нихъ же доправить штрафу, почему уложено будетъ.

И ради таковыхъ упорныхъ людей указъ сказать сотскимъ, чтобы и окольныхъ мѣсть сотскіе понедѣльно присылали изъ своихъ сотенъ человѣка по три или по четыре въ тѣ деревни, кои стоятъ на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; и ради озорниковъ и въ малыхъ деревняхъ, кои на большихъ дорогахъ, держать изъ разныхъ сотенъ человѣкъ по десятку, а въ большихъ человѣкъ и по двадцати или больше, смотря по проѣзду, чтобы свидѣтелями были на сильныхъ азарниковъ и на упорныхъ людей, а на разбойниковъ ради поимки.

И противо вышеявленнаго предложенія еще тако состоится, то, я чаю, разбой однимъ годомъ потухнуть, а другимъ, чаю, что и слуху про нихъ не будетъ. Токмо надобно судьямъ положеніе то хранить, чтобъ ничего изъ него не изронить. А еще не нарушится тотъ указъ, то чаю, что во вѣки разбоевъ у насъ въ Руси не будетъ.

Воровъ и разбойниковъ и нынѣ не вельми бы много было, аще бы имъ отъ судей потачки не было: тѣмъ бо егда увѣдаютъ, что пойманъ воръ или разбойникъ, то и спросятъ, чей онъ крестьянинъ? и егда услышатъ, что онъ сильнаго лица или несильнаго, да ябетоватаго или свойственнаго себѣ, или хлѣбосольца, то, догожая помѣщикамъ тѣмъ, отпускаютъ и безо мзды на волю; и тѣмъ крестьяне или дворовые люди, надѣвучись на тѣхъ своихъ помѣщиковъ, смѣло воруяютъ.

А у коихъ разбойниковъ денегъ довольно, то тѣ деньгами откупаются. Въ прошломъ 719 году былъ я въ приказѣ провинціального суда: при сидѣннѣ Ивана Мякина приведенъ былъ нѣкто дворянинъ Скрыплевъ, и собою онъ человекъ, а на шеѣ у него цѣпь, а на ногахъ желѣза, и я видя его спросилъ: въ какомъ дѣлѣ сидитъ? И сказали про него: дѣло де до него великое, и живу де ему не чаемъ быть. Ажно и ничего ему не доспѣлось, молитва денежная помогла ему. Господинъ судья сдѣлалъ его права и здрава. И ѣдучи я къ себѣ на заводъ на Держковѣ волоку спросилъ про того Скрыплева; и тамошніе жители сказали про него, что великой де азарникъ и губитель: человекъ де пять-шесть пошло отъ его рукъ; однако судьи милостивые помиловали его.

И сицевыя ради причины мнится мнѣ тако, еже бы паче воровъ и разбойниковъ дать страхъ судьямъ и подьячимъ; егда бо и подьячіе не стануть ворами потакать и беречь ихъ не будутъ, то и судьямъ трудно будетъ содѣять безъ подьяческаго письма, достойнаго смерти на волю свободить. Мнѣ мнится: лучше ради всеконечнаго разбойничя истребленія древніе указы многоплодные всѣ отставить, и учинить указъ новый, краткостной. Прошлаго 719 году въ Юстицъ Коллегіи указъ о истребленіи разбойниковъ аще и съ новою поправою сочиненъ, и печатные листы напечатаны съ великимъ подрѣвленіемъ, и по городамъ разосланы, обаче нѣсть въ немъ ни малыя пользы: ибо по старому вездѣ разбой чинятся, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, и крестьянъ жгутъ; понеже въ томъ указѣ всѣ древніе указы собраны, и не весь онъ новый сочиненъ. А въ древнихъ указѣхъ уставлено было, что поймавъ разбойника, пытатъ трижды, и на очныхъ ставкахъ съ товарищи паки пытатъ. И бываетъ инымъ ворами застѣнковъ по десяти и по двадцати; и въ таковыхъ многихъ пыткахъ держали ихъ многіе годы; и сидя въ тюрьмѣ, токмо пакости однѣ отъ нихъ чинятся.

А аще бы поймавъ вора и разбойника, приведъ въ приказъ, распросить его дробненько и умненько, то онъ и въ распросѣ означится, прямой ли онъ воръ или не прямой. И аще будетъ мяться и чистой правды не скажетъ, то мочно и страхъ ему задать, чтобы онъ допросъ свой очистилъ прямо; и егда повинится, то неторопяся надлежитъ его спросить: давно ли онъ воруетъ, и гдѣ воровалъ, и гдѣ приставалъ, и куды краденой животь дѣвалъ, или на бережъ къ кому положилъ, и до воровства чѣмъ кормился, и чего ради настоящій свой промыселъ покинулъ, и помѣщикъ его или прикащикъ или сосѣды вѣдали про то его воровство, и староста и сотекіе съ товарищами своими вѣдали? Кто изъ нихъ и буде въ дробныхъ допросѣхъ будетъ запирается, а прямо очищать не будетъ, то аще и поздно, а до заутра отнюдь бы не откладывать, и тогожь часу и пытатъ его, чтобы онъ ни съ кѣмъ съ прежними ворами не видался. И аще старыхъ сидѣльцовъ въ тюрьмѣ и не будетъ, единаче пытки до утра не отлагать, чтобы онъ не надумался. И аще изъ пытки ясно не скажетъ, то на иное утро паки пытатъ и огнемъ жечь. И буде и съ огня ясно про воровство свое не скажетъ, а доводъ на него будетъ явной, то не отлагая вдаль, отдалибъ вершить его, какъ о томъ изложеніе будетъ повелѣвати.

А буде кой воръ въ первомъ распросѣ безъ пытки повинится во всемъ своемъ воровствѣ ясно, и о всемъ своемъ бытіи противо вышесказаннаго скажетъ, то, мнѣ мнится, такового не для чего и пытать, но готовить его къ рѣшенію. А буде помѣщикъ его или прикащикъ про воровство его, или и иной какой командиръ, вѣдалъ, то по розыску чинить имъ тоже, что и вору, или еще жесточайшую казнь, дабы на то смотря иные наказались, и никто бы впредь, воровъ вѣдая, не прикрывалъ; такожь и сосѣды его буде вѣдали за нимъ такое воровство, а не объявляли, то и имъ чинить указъ по изложенію. А буде у кого въ дому воры приставали, и изъ его дому ѣздили разбивать, и съ нимъ дѣлились, то тотъ становщикъ съ ними жъ да осужденъ будетъ безъ всякаго отлагательства, казненъ по указу, а домъ его весь до снованія разорить, и нѣсколько лѣтъ тому мѣсту лежать пусту, дабы всѣмъ людямъ было явно и памятно, что въ томъ дому былъ ворами станъ, и по такой признакъ и малые ребята будутъ памятовать.

Аще кой воръ съ розыску или безъ розыска скажетъ про своихъ товарищей, кои съ нимъ воровали, и дома ихъ объявить, то аще въ близости дома ихъ, послалъ по нихъ не медля дондеже * тотъ воръ не свершенъ, а буде верстахъ во стѣ или далѣе, то ево вершить, а по нихъ послать послѣ, дабы въ дальнихъ откладахъ дѣло не медлилось.

Слухъ есть про иноземцевъ, что они воровъ долго не держатъ, что лише сыщутъ вину ево, то тотъ часъ и казнятъ, и не токмо за разбой великой и душегубной, но и за кражу вѣшаютъ, и того ради и воровать не смѣютъ.

А у насъ древніе указы на воровъ вельми учинены милостиво ворами, а кого ограбить, тѣмъ уже весьма не милостиво: не точію за малую кражу повѣсить, но и за тысячу рублевъ не повѣсятъ, и того ради и поимки не весьма боятся.

А если бы и у насъ въ Русіи воровъ и разбойниковъ вскорѣ вершили, и по иноземски и за старыя вины смерти предавали безъ спуска и безъ отлагательства, то вельми бы страшно было воровать.

Нынѣ такъ дьяволъ ихъ умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и со всѣмъ ево разорять, и допытываясь денегъ многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышать и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ, и ворами даютъ волю.

И ради охраненія отъ таковыя гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ околныхъ селъ и деревень, и дворяне изъ своихъ усадьбъ, аще услышатъ шумъ или повѣстку, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдей битъ кнудомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ по болѣе, да на нихъ же всѣхъ доправить того грабленнаго крестьянина убытокъ, колко тѣ воры взяли, сугубо, и отдать грабленному. И сіе новое о всеконечномъ ** воровъ и разбойниковъ и бѣглыхъ людей изложеніе трудно токмо сперва будетъ, что безъ письменнаго отпуску изъ дому своего далѣе десяти верстъ отнюдь не ѣздить, и въ ночи и въ другую деревню, хотя въ верстѣ, не исходить, а въ городѣхъ ночью и въ другую слободу отнюдь не исходить. И аще сіе установленіе годъ мѣста и помнется, а егда обькнутъ, тогда и легко будетъ. А письменными отпусками весьма разбой останавливаются; потому что разбойники не изъ воды выходятъ, но изъ тѣхъ же селъ и деревень, и сосѣду про сосѣда никомни дѣлы не вѣдаютъ не мочно, чѣмъ кто промышляетъ и куды кто ѣздитъ.

А и скопляются они не на воздухѣ, но въ тѣхъ же деревняхъ, и ни коими дѣлами не возможно имъ отъ сосѣдей своихъ весьма утаиться; того ради и сосѣдамъ тая жъ казнь чинить что и вору, понеже они всѣ вѣдаютъ, кто воруетъ или кто торгуетъ, а не извѣщаютъ.

* Слѣдующее между „—“ добавлено изъ списка Стр.; въ моемъ пропускѣ.

** Существительное пропущено въ обоихъ спискахъ.

Аще бы сосѣды видя за сосѣдомъ своимъ худой промыслъ не молчали, то никакъ бы деревенскимъ мужикамъ на разбои ходить, а и дворяномъ трудно у крестьянъ своихъ утанься; и за сицевымъ уставомъ никоими дѣлы разбойникамъ будетъ плодиться нельзя. И егда лѣтъ десятокъ мѣста въ таковой крѣпости побудутъ, то уже и безъ писемъ ходить и ѣздить будетъ мочно; только бы судьи въ дѣлѣхъ своихъ были бы крѣпки, и Его Императорскаго Величества новаго изложенія не нарушили; понеже всякое дѣло крѣпко постоянствомъ. Намъ нечего дивиться иноземцамъ, что у нихъ воровства мало; себо у насъ въ Россіи и самыя безхлѣбныя мѣста и Поморскія и Заонежье, и у тамошнихъ жителей ни разбоевъ, ни татей нѣтъ: буде кто въ лѣсъ пойдетъ, буде станеть ему тепло, то онъ шубу или кафтанъ верхній снявъ съ себя повѣситъ на дереву, и назадъ идучи и возьметъ; паки лошадей молодыхъ спусять въ лѣсъ весною, а сыскиваютъ уже послѣ Покрова по заморозью. Чегожь ради такъ тамъ дѣется? явѣ есть всѣмъ, что потаенія ворами нѣтъ. Буде кто въ воровствѣ явится, то вмѣсто тюрьмы посадятъ его въ воду; и того ради и крѣпко у нихъ и никто чужаго ина лѣсу лежащаго взять не смѣетъ.

* Сотскимъ и пятидесятскимъ надлежитъ отпуски давать еще: аще кому ѣхать на иной городъ на долгое время, то давать имъ отпуски на цѣлыхъ листахъ или на полулистѣ, и въ тѣхъ отпускахъ писать именно, куда онъ поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и къ тѣмъ отпускамъ, буде сотскій отпускъ далъ одинъ, то и печать ево бы была; а буде пятидесятской отпустить, то и печать бы была пятидесятскаго; а буде оба вмѣстѣ отпустили, то и печати бы обоихъ были, которыя будутъ присланы имъ отъ воеводы; и прикладывать тѣ печати вмѣсто руки у всякаго отпуска при концѣ письма вмѣсто закрѣпы.

Всякому сотскому сдѣлать книга записная, и пятидесятскому такожде своєюжъ, и тѣ отпуски записывать имъ въ тѣ книги именно, куда онъ отпущенъ. И егда съ тѣмъ отпускомъ прибудеть въ уреченное мѣсто, то тогожъ числа явиться ему тутошнему сотскому или пятидесятскому, и чтобы сотской пріѣздъ его записалъ въ книгу, и на отпускѣ подписалъ коего числа объявился. **

А егда тотъ проѣзжій человекъ дѣло свое управить, то на томъ же его отпускѣ подписать тутошнему сотскому именно, колико дней или недѣль прожилъ, а оттуда, куда онъ поѣхалъ, и къ тое подпискѣ приложилъ бы свою печать, а сколько времени онъ тутъ былъ именно, записалъ бы бытіе его у себя въ книгу. И куды онъ съ тѣмъ паспортомъ ни пріѣдетъ, и колико дней гдѣ пребудеть, всѣбъ тѣ сотскіе и пятидесятскіе бытіе его подписывали, хотя гдѣ и одинъ день пребудеть, всебы по вышенисанному чинили, а безъ записки отнюдь бы не отпускали.

А которые люди поѣдутъ или пойдутъ на малое время только побывать за чѣмъ въ другую волость, то отпуски писать на четвертинкѣ листа или на осьмушкѣ, и написавъ такожде конецъ письма печать прикладывать, а тѣ малые отпуски, кто пойдетъ или поѣдетъ дня на три или начетыре, записывать въ записную книгу недля чего.

А буде кто поѣдетъ на недѣлю или на двѣ, то такихъ отпусковъ нельзя въ книгу не записать; потому что въ долгое время не явился бы въ какой причинѣ. А буде гдѣ кто явится безъ такого отпуска, то тѣхъ людей ловить и отсылать къ суду.

Такожде аще кто и отпускъ явить, да печать не того сотскаго, откуда онъ отпущенъ, или иная какая посторонняя печать, то такожде и тѣхъ имать и къ суду отсылать. А пріѣхавъ домой, тѣ паспорта отдавать сотскимъ назадъ, а дома ихъ не держать. И аще сперва повидится сіе дѣло и трудноато, а егда обькнетъ, то и тягости никакой не будетъ.

И за такимъ укрѣпленіемъ, я невѣмъ, какъ бы разбойникамъ собиратися, и станы имѣть по деревнямъ, и на разбои по прежнему ѣздить? И аще и въ

* У Стр. слѣдующее подъ заглавіемъ: о отпускныхъ письмахъ.

** У Стр. одинъ явился.

лѣсу соберутся, да въ деревнѣ нигдѣ явиться имъ безъ таковыхъ отпускныхъ писемъ не можно.

А бѣглымъ солдатомъ и крестьяномъ вельми будетъ трудно проходить и одною головою, а съ женами и съ дѣтьми и съ мѣста своего тронутися будетъ никакъ: всѣ пути имъ будутъ заперты.

Токмо надлежитъ указъ жестокой сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ предложить, чтобъ они ни рядовые крестьяне, ни по коему образу никакого человѣка, ни бѣльца, ни чернеца, ни нищаго, безъ такого отпуска на дворѣ не токмо ночевать, но и погрѣться отнюдь не пускали; а кто понахалится, то тѣхъ бы хватали, да къ суду отсылали.

Такожде, буде какіе люди будутъ около деревни обходить, или по проселочнымъ дорогамъ прониматься, то такожде хватать и къ суду отсылать не мотчавъ.

И ради печатанія тѣхъ отпускныхъ писемъ всякой воевода изчислилъ бы, колико въ уѣздѣ его сотскихъ и пятидесятскихъ; и колико въ коемъ урочищѣ ихъ будетъ, велѣлъ бы *... добрымъ мастерамъ на всякаго сотскаго и пятидесятскаго по печати, чтобъ всякая печать значила, коего уѣзду и коего урочища, и чтобъ и печать съ печатью сходна не была.

И тѣ печати разослать къ тѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ. И егда кой сотской напишетъ отпускъ, то и печать свою, коя ему дана, въ концѣ того письма припечатать. А буде пятидесятской отпускъ напишетъ, то онъ бы и свою печать приложилъ. И егда признаются, то всѣ будутъ знать тѣ печати, и никто обманомъ пройти не можетъ; потому что хотя сотскіе погодно будутъ перемѣняться, а печати всегда однѣ будутъ.

ГЛАВА VII.

О крестьянствѣ.

Крестьянское житіе скудно ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразмѣриванія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ.

Аще бы Царскаго Величества поборы были расположены по владѣнію земли ихъ, колико кой крестьянинъ на себя пашеть, и поборы собирали бы съ нихъ въ удобное время, а помѣщики ихъ излишняго ничего съ нихъ неимали, и работы бы излишнія не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владѣнію земли ихъ, и смотрѣли бы за крестьянами своими, чтобъ они кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бѣ были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежобочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во инныя воровства.

Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить.

А буде при дворѣ своемъ ни какой работы пожиточной нѣтъ, то шель бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянинъ не оскудѣетъ.

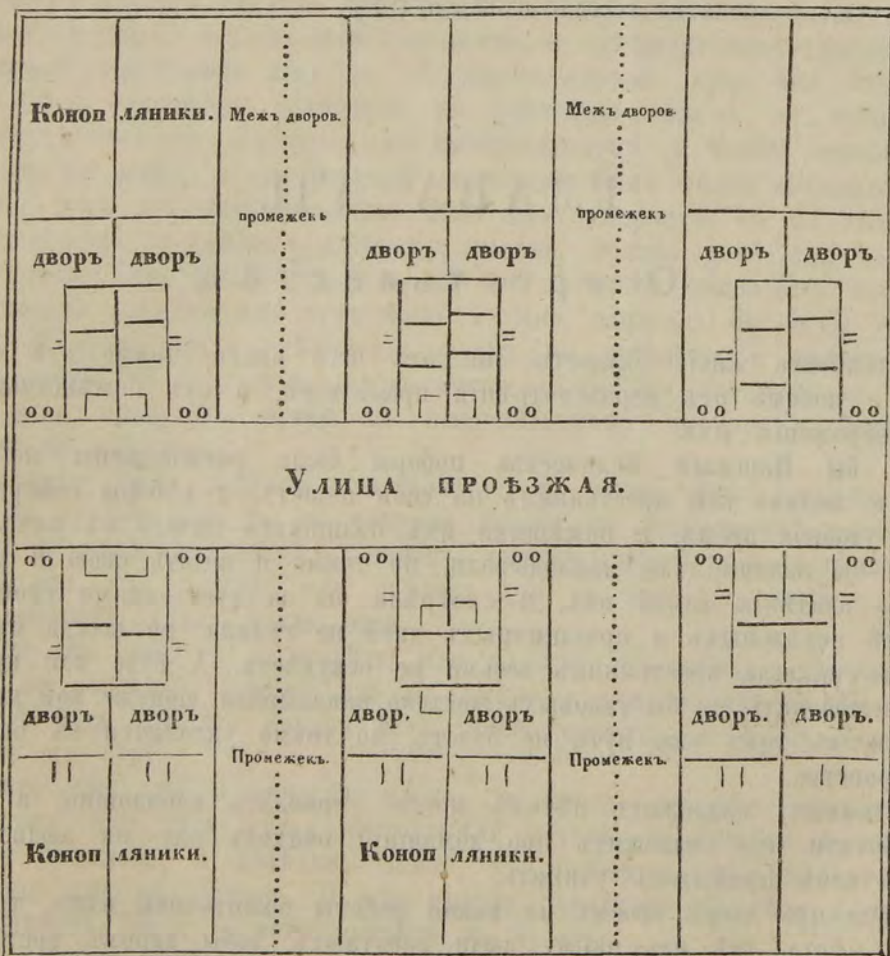
И къ таковому крестьянскаго житія охраненію надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было

* Глагола недостаетъ въ обоихъ спискахъ.

жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ еще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда и одного двора не останется. И такъ погараютъ, что у иного ни хлѣба, ни скота, не останется. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Еще бы селитьбою ихъ не тѣснили, тобы гибели имъ такой не было.

И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ велѣтъ строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія на пространныхъ мѣстахъ сажень по тридцати шириною, а гдѣ и тѣсно мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати сажень улицъ не дѣлать: того ради, еще у кого загорится, то всѣ бы сосѣды бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободныя, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе сгорѣть не дадутъ; потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никоими дѣлы во время заpalенія сосѣдамъ помощи подать не можно; понеже всѣ мечутся за своими уборами; обаче не вся убраться могутъ, но у всѣхъ не безъ погубели бываетъ. И тако вси погибаютъ, и отъ того въ самую нищету приходятъ.

И еще Великій нашъ Государь сожалѣя о крестьянствѣ повелитъ дворы крестьянскіе въ селѣхъ и въ деревняхъ пострѣти гнѣздами, те надлежитъ всѣмъ помѣщикамъ указъ сказать, чтобы они какъ мочно, хотя не вдругъ, но помаленьку, а всѣ бы дворы перестроили, по два двора вмѣстѣ, да два промежка межъ дворами порозжіе сипцевымъ манеромъ:



И еще тако построено будетъ, то отнимать во время пожара со всей стороны свободно будетъ и ни какому двору вовсе сгорѣти не дадутъ.

А егда отправлены будутъ валовые писцы или межевщики, и тогда однимъ разомъ всѣ дворы перестроить, и землю имъ разверстать надлежитъ крестья-

нину на цѣлый дворъ, и колико на полдвора и на четверть двора, и по той землѣ расположить имъ подати, надлежащія въ казну Царскаго Величества, и прочіе поборы по расположенію, дабы всякому крестьянину сносно было, и обиды бы убогому передъ богатымъ не было, но всѣмъ бы уравненіе было опредѣленное по владѣнію ихъ.

Паки крестьянству чинится великое разореніе отъ разбойниковъ; ибо еще въ коей деревнѣ десятка два-три или и гораздо больше, а разбойниковъ еще и не великое число придетъ къ кому на дворъ, и станутъ его мучить, и огнемъ жечи, и пожитки его явно на возы класть, а сосѣды все слышатъ и видятъ, а изъ дворовъ своихъ не выдутъ, и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ. И такого ради порядка разбойники по своей волѣ чинятъ, и многихъ крестьянъ и до смерти замучиваютъ: и того ради не можно никакому крестьянину богатому быть.

И ради охраненія отъ такового ихъ разоренія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ указъ сказать крѣпкой, что если къ кому пріѣдутъ разбойники, а сосѣды того села или деревни на выручку сосѣда своего и на поимку разбойниковъ не пойдутъ, то всѣхъ тѣхъ сосѣдей бить кнутомъ; а что пограбятъ разбойники за ихъ невыручкою, то править на нихъ, сосѣдяхъ сугубо.

А буде разбойниковъ пріѣдетъ много, и имъ своею деревнею не удержать ихъ, то тѣмъ сосѣдамъ добѣжать въ окольные деревни, и повѣстить, чтобы всѣ шли поголовно мужики срослые съ ружьемъ и съ крючемъ и съ дубьемъ на поимку тѣхъ разбойниковъ. А буде изъ коей деревни не пойдутъ, то и тѣхъ бить кнутомъ, и пограбленный пожитокъ въ платежъ той деревни, въ коей разбой былъ, помогать.

А буде за ихъ невыручкою до смерти кого замучатъ, то за голову пятьдесятъ рублей, или и больше, колико уложено будетъ, доправить на всѣхъ тѣхъ, кои на выручку не пошли.

Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было, ежебы ихъ нагло пріѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно, и другъ другу обидъ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житіе ихъ святое.

Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка ни единого у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указа пріѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ ехлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ.

И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолить чтобы они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дячкамъ въ наученіе грамоты, и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать. Я чаю, не худобы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на три или на четыре.

А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредъ подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе.

А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ, и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ.

А чаю, не худо указъ послать и въ низовые города, чтобы и у Мордвы

дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слобится; потому что къ нимъ паче Русскихъ деревень, прїѣзжая солдаты и приставы и подьячїи, овогда съ указомъ, овогдажъ и безъ указа, и чинять, что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой ихъ избиваетъ, и чего никогда въ указѣ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ, и правеемъ правятъ.

А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ у нихъ владѣтелями, и по прежнему въ обиду ихъ уже не дадутъ, и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать.

А иные, выучась грамотѣ, познають святую христіанскую вѣру, возжелаютъ и креститься, то тїи грамотники мало по малу пныхъ свою братью къ христіанской вѣрѣ приводить будутъ.

И кой Мордва или Чувашъ или Черемиса крестится, то тѣхъ уже воеводомъ и всякимъ правителямъ и приказнымъ людямъ надлежитъ почитать, и всячески ихъ утѣшать, и беречь ихъ паче некрещеныхъ, и во всемъ отъ некрещеныхъ чинить имъ милостивую отмѣну, чтобы некрещенные крещенымъ завидывали.

Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ Великаго Государя сказать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили.

А и при степныхъ мѣстахъ молодого лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а въ строеніе хоромное непригодное, и кои деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростеть и будетъ толстиною въ заборину, то тогда бы рубили на всякія домовыя potreбы.

А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засядетъ лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть вокругъ того лѣса по всябъ годы окашивали, чтобъ вешнею порою степной пожаръ къ нему не дошелъ, и не выжегъ бы.

Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, иные въ челоуѣка вышиною, а иные сажени и въ двѣ были, да все погорѣли и пропали. Ащѣбъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстѣхъ лѣсабъ великіе были.

Паки былъ я на Черни и во Мценскѣ, и видѣлъ тамъ, что рубятъ на дрова самой молодой лѣсъ толстиною въ гороховую тычину, и въ одинъ возъ срубятъ деревъ сто и больше; а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежить и стоячія деревье есть такое, что изъ одного дерева будетъ возовъ 10 и больше. И пока старой лѣсъ былъ бы подборать, а тотъ бы молодежникъ подростъ, и имъ же бы всемъ пригодился.

А кая степь гораздо гола, и лѣса удалѣли, то тамошніе жители всякой бы къ своей деревнѣ занялъ десятинь десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметаль бы сѣмень—лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго, и вязаваго, и орѣховъ спѣлыхъ сырыхъ четверикъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣяный лѣсъ взойдетъ, то отъ пожару бы берегли. И первой годъ надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть или въ семь съ плодомъ придуть, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатѣютъ; на добрыхъ земляхъ вельми они плодovиты будутъ.

И такобы всякъ у своей деревни такъ устроилъ, то бы и лѣсомъ и орѣхами все довольно были; хотя сперва и скучно покажется завести, а послѣ самимъ слобится.

И о орѣхахъ не худо бы учинить и заповѣдь, чтобъ никто прежде Семенова дни ихъ не щипаль, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и аще гдѣ на угревинѣ, и прежде Семена дня наполнятся ядромъ, обаче прежде Семенова дни никтобъ не дерзалъ ихъ щипать, но и щипали бы послѣдн Семенова дни въ то время, егда они будутъ сыпаться, и щипали бы согласябъ

и съ совѣту своего сотскаго, что бы какъ семейнымъ, такъ и безсемеинымъ безобидно было.

И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щиплютъ ихъ захватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ; потому что было взять спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возьметъ, и тѣмъ Царскаго Величества интересу чинятъ уронъ: понеже спѣлыхъ четверикъ гривны по четыре и выше продаютъ, а зеленыхъ и за четверть того не даютъ. И гдѣ было за спѣлые орѣхи пошлины взять рубль, а съ зеленыхъ и гривны не приидеть; а кто и скупить, не обрящетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ ѣды, ни въ нихъ масла. Только купя орѣховники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; закрасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ приемяютъ.

Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибыльца; понеже идутъ они во инныя земли, въ Персиду да въ Шведы и во инныя мѣста, а неспѣлые не за что гинуть.

Того ради вельми надлежитъ отъ ранняго щипанія орѣхи блюсти, дабы никто ни гдѣ прежде Семена дни щипать ихъ не дерзалъ, а и послѣ Семена дни безъ воли сотской и безъ общаго совѣту отнюдь бы не начинали ихъ щипать. А буде кто учинится тому изложенію противенъ, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублей, да его же высѣчь батогами.

А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на Государя; а кто ихъ привезъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде гораздо зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи высыпать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубъ.

А буде кто поймаетъ кого прежде Семена дни въ лѣсу или и на дорогѣ или и въ деревнѣ со свѣжими щипаными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егожь высѣчь батогами, дабы впредь такъ не дѣлали.

А буде прикащикъ или староста или сотской понаровитъ тому, кто пойманъ, и штрафу съ него не возьметъ, или и возьметъ, а наказанія по указу не учинить, или того поимщика станеть чѣмъ тѣснить хотя и послѣ того времени, то на томъ прикащикѣ или старостѣ или на сотскомъ взято будетъ за нарушеніе Его Императорскаго Величества указу штрафъ определенной по новому изложенію, и наказаніе чинить великое, каково и прочимъ нарушителемъ учинено будетъ.

Подобнѣ и рыбной ловлѣ надлежитъ учинить, чтобъ крестьяна отъ неразумнїя своего Царскому интересу тщеты не чинили; ибо въ коихъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мѣлкія рыбы негодствуетъ ловить. А крестьяне не разумѣя снятоваго рода, вмѣсто снятковъ ловятъ молодую рыбу—щученокъ, языковъ и плотичекъ, а наипаче ловятъ недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣста переогодовать, но и самыя зародышки рыбныя ловятъ, еже меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводятъ.

Будучи я на Устрикѣ, зачерпнулъ на ложку тѣхъ рыбеночковъ и счелъ ихъ было числомъ 88, а если бы зачерпнулъ погуще, то бы ста два-три зачерпнулъ.

Аще бы та маленькая рыба переогодала, то изъ одной той ложки было бы 20 варь. Чтожь бы отъ тѣхъ двухлѣтнихъ рыбокъ въ два годы приплоду было? И тѣхъ рыбныхъ зародышковъ наловя и высуша, за четверикъ возьметъ гривны двѣ; а если бы выросла, въ два года было бы воевъ 10 или и больше изъ того четверика, и вмѣсто дву гривенъ взялъ бы 20 или и больше, а пошлины

бы съ нея сошло больше рубля. И въ такомъ несмысли крестьянскомъ не токмо Царской интересъ пропадаетъ, но и у ловцовъ тѣхъ прямая покормка пропадаетъ.

И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголя: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того невыразумѣють: ни отъ чего инаго плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть.

Если и въ скотѣ телятъ пріѣсть молодыхъ, то ни быковъ, ни коровъ не будетъ; также и у курицы аще цыплятъ всѣхъ поѣсть года два-три, то и куры всѣ переведутся. И рыба ни чемъ же отъ того разнствуетъ; всегда большая рыба вырастаетъ изъ малыя. И аще и малую выловить, то большой не откуда взяться будетъ. И по моему мнѣнію, гдѣ и снятовой родъ есть, то и тамъ надлежитъ запретить, чтобъ самыхъ мѣлкихъ рыбныхъ и снятовыхъ зародышевъ не ловили, а ловили бѣ перегодные, чтобы отъ той несмысленной ловли Великаго Государя интересу не пропадать напрасно, а и ловцы бы безпутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще Его Императорскому Величеству порадытъ и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто, кромѣ самородныхъ снятвовъ недорослой рыбы не ловили, то вельми рыбы во озерахъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить сице: буде кто мѣлкихъ щученковъ или лещиковъ, или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снятвовъ, привезъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на Государя и отдать солдатомъ или нищимъ по богадѣльнамъ; а кто привезъ, на томъ взять штрафъ за каждой четверикъ, по чему уложено будетъ; то однимъ годомъ сія статья утвердится, и ни кто недорослой рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прежде во всѣ города послать указы, чтобъ отнюдь недорослой рыбы не ловили и неводъ частыхъ кромѣ снятовыхъ не дѣлали; а на другое лѣто всѣхъ штрафовать за презрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто съ тою рыбою поймаетъ и приведетъ къ суду, то доправитъ на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій по изложенію; изъ того штрафа четвертую долю вынявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу ему жъ отдать: и за такимъ штрафомъ и про себя ловить не будутъ.

И въ такомъ установленіи годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою насытится. И аще тотъ уставъ и впредь не нарушится, то во вѣки вѣковъ не оскудѣетъ.

И аще она при нынѣшней цѣнѣ вдвое или втрое дешевле будетъ, обаче въ пошлинномъ сборѣ будетъ десятицею больше; потому что въ продажѣ рыбы будетъ великое множество.

А и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагають бремена, неудобъ носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ одинаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряють у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету пригоняють; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатится не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обирають, что у иного и козы не оставляють. Отъ таковыя нужды дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные—и въ зарубежныя; тако чужія страны населяють, а свою пусту оставляють. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублей была, только бы не воровалъ, и безъ явочно не торговалъ; что крестьяне богаты, тобы и честь помѣщику.

Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ

и берутъ, а прямой ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно.

И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство Царственное.

И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное. по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣля дѣлать, чтобы имъ сносно было Государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смотреть, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили.

И о семъ яко высокимиъ господамъ, тако и мѣлкимъ дворяномъ, надлежитъ между собою посовѣтовать о всякихъ крестьянскихъ поборѣхъ помѣщичьихъ и о сдѣлѣ, какъ бы ихъ обложить съ общаго совѣта и съ доклада Его Императорскаго Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно по чему съ цѣлаго двора и по чему съ полу-двора или съ четверти или съ осьмыя доли двора имать денегъ и столовыхъ запасовъ, и поколику съ цѣлаго и не съ цѣлаго двора пашни на помѣщика своего вспахать и хлѣбомъ засѣять и сжавъ обмолотить; такожде и подводы расположить по расположенію дворовому, чтобы всѣмъ по владѣнію земли было никому ни передъ кѣмъ необидно, и чтобъ Государевы поборы сносно имъ было платить сполна безъ доимки. И како о семъ съ общаго совѣта изложится и указомъ Его Императорскаго Величества утвердится, и тако еще нерушимо будетъ стоять, то крестьянство всѣ будутъ сыты, а иные изъ нихъ обогатятся.

Я, истинно, о семъ много размышлялъ, каковы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ кой владѣеть, и колико онъ на той своей землѣ хлѣба высеетъ про себя.

Я невѣмъ, чего господа дворяне смотрятъ: крестьянами владѣютъ, а что то именовать крестьянина не знаютъ, и почему числить дворъ крестьянской ничего того не разумѣютъ, но токмо ворота, да городьбу числятъ; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ исчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаюжъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни во что; ибо поборъ сей несостоятеленъ, а въ чесомъ надлежитъ прямо неподвижной прибыли искать, и о томъ во главѣ 9-й речется.

А о крестьянѣхъ, мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатить, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ни чѣмъ бы таковыхъ не тѣсилъ токмо смотреть за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно къ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ такового порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить.

А буде кой крестьянинъ хлѣба напахавъ, да станетъ гулять, и впредъ ничего не станетъ запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотреть и жестоко наказывать, чтобы отъ лѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы, ни въ піянство, не уклонялись. Крестьяномъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямога у нихъ нѣтъ: кои сильные помѣщики, тѣ пишутъ дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, то тѣмъ легко и жить; а кои средніе могуты, тѣ дворы по два и по три вмѣстѣ сваливаютъ, а одними воротами ходятъ, а прочія ворота заборомъ забираютъ, то и тѣмъ крестьяномъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ

всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ такового порядка тыи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходятъ; а богатые и сильные бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ, а о прочихъ не пекутся.

И ради основанія правды надлежитъ первѣе уставить въ крестьянствѣ, что то именовать дворъ и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что въ Россійскомъ царствѣ премногое множество помѣщиковъ богатыхъ и судействомъ владѣющихъ, а того не могутъ сдѣлать, чтобы собравшись посовѣтовать и уложить, что тотъ крестьянской дворъ именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разумѣть цѣлой дворъ или безъ четверти или съ четвертью дворъ?

Въ Москвѣ въ посадскихъ слободахъ еще и мужики живутъ, обаче у нихъ разумно учинено: кто на цѣломъ дворѣ живетъ, тотъ съ цѣлаго двора и платитъ, а кто на полудворѣ или на четверти, то съ того и тягло платитъ.

А у крестьянъ писцы и переписчики ворота числятъ дворомъ, хотя одна изба на дворѣ, хотя и съ пять-шесть или и съ десять, а пишутъ дворомъ же. И то стало быть не разумъ, но самое безумство и всеовершенная неправда, и убогимъ и маломочнымъ обида и разореніе.

По здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по дымамъ избнымъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи.

По моему мнѣнію еще у коего крестьянина цѣлой дворъ, то надобно ему земли дать мѣрою толикою, чтобы ему мочно было на всякой годъ высѣять ржи четыре четверти, а яроваго осьмъ четвертей, а сѣна накосить ему про себя двадцать копенъ.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣеть, то того двора не надлежитъ написать, но развѣ шестою долею двора; и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежитъ.

А будежъ кой крестьянинъ могучень, а земли ему отъ помѣщика отведено малое число, и онъ мочью своею найметъ земли у инаго помѣщика, и на той наемной землѣ высѣеть хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли къ дворовому числу не причитаетъ, и Государевой подати никакой съ той наемной земли не платитъ; потому что съ тоя наемныя земли будетъ платить помѣщикъ, который тою землею владѣеть; такожъ помѣщику своему ничегожъ съ тоя пашни не платитъ же, а платитъ тому помѣщику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанялъ.

А буде кой помѣщикъ видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, дастъ ему земли со удовольствиемъ что высѣвать, а онъ будетъ четвертей по десяти на лѣто ржи, а яроваго по двадцати, а сѣнокосу отведетъ ему на пятьдесятъ копенъ, то съ такового крестьянина мочно брать какъ Его Императорскаго Величества, такъ и помѣщику съ полутретья двора. И тако всѣ дворы расположить не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ.

И еще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить.

И ради охраненія крестьянскаго отъ помѣщиковъ ихъ надлежитъ и въ помѣщичьихъ поборахъ учинить по землѣ же, и чтобъ больше положеннаго оклада отнюдь на крестьянъ своихъ не накладывали. И тако яко въ Государевыхъ поборѣхъ, тако и въ помѣщичьихъ, будетъ имъ сносно. И по такому расположенію и помѣщикамъ дворовъ крестьянъ своихъ таить по прежнему не для чего: потому, буде кто дворы свои цѣлые полудворами или четвертьми или осьмушками напишетъ, то и самъ помѣщикъ не можетъ уже съ нихъ больше того взять; ибо всякой крестьянинъ на чемъ будетъ жить и чѣмъ будетъ владѣть, съ того будетъ и платить какъ Царю, такъ и помѣщикомъ своимъ. И буде кой помѣщикъ напишетъ дворы цѣлые полудворами или и

меньше полудворовъ, и Царскіе поборы платитъ противъ письма, а себѣ станеть съ нихъ имать съ цѣлыхъ дворовъ, и кто про то увѣдомится посторонній человекъ, и донесеть о такой его неправдѣ судьямъ, то тѣ дворы и со крестьяны отдать тому, кто извѣстилъ. А буде крестьяна непохотя лишняго помѣщикамъ своимъ платитъ и донесуть судьямъ, то того крестьянина, кой доведеть, дать волю, да за доводъ—пятьдесятъ рублевъ денегъ. А которые крестьяна вѣдали, что помѣщикъ ихъ беретъ съ нихъ излишніе поборы, а умолчатъ, то тѣхъ крестьянъ бить кнутомъ, колико ударовъ уложено будетъ.

И аще кой помѣщикъ на цѣлый дворъ или на полдвора или на четверть двора посадить двороваго человека или дѣловаго или бобыля или полонника, * то кто бы онъ ни былъ, а плату дворовую имать съ него по владѣнію земли неизмѣнно.

И тако какъ крестьяне, такъ и дворовые люди, будутъ Великому Государю данники, и платежъ имъ тягостенъ не будетъ, потому что платежъ ихъ будетъ по владѣнію земли, опредѣленной при дворѣ. И такимъ порядкомъ интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множитися.

И аще по всей Россіи тако устроится, и поборы съ двороваго числа легостнѣе будутъ; а по древнему порядку отъ побору иные въ конецъ разоряются, а иные даромъ живутъ.

По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, а Царю они вѣковые, и крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская оскудѣніе царственное.

И того ради Царю яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но все бы по своей мѣрности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лица будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить.

И у коего крестьянина дворъ цѣлой и меньше или больше двора, обаче въ селитбѣ строили бы по два двора гнѣздами, и между ними по два огорода, якоже о томъ во осьмой главѣ изъяснится. И аще тако устроены будутъ деревни, то во время огненнаго заpalенія никакая деревня вся не выгоритъ.

А буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать, и наложить сверхъ указаннаго числа, или излишнюю работу наложить, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на Государя и землю; то на то смотря и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя, и крестьянъ разорять не станеть.

А буде кой судья по доношенію крестьянскому о винности помѣщиковой сыскивать не станеть, и отошлетъ ихъ къ старому ихъ помѣщику, или и сыскивать станеть, да будетъ во всемъ помѣщику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще тѣ крестьяна дойдутъ до вышняго суда, и вину на помѣщика своего изъясвятъ, и судейскую вину предложить, то тотъ судья не токмо пожитковъ, но и живота своего лишится.

И тако злый злѣ погибнетъ, а праведный судья за праведный свой судъ настоящихъ благъ насладится, и грядущихъ не лишится во вѣки вѣковъ. Аминь!

* У Стр. полоненника.

ГЛАВА VIII.

О дворянѣхъ, о крестьянѣхъ, и о земляныхъ дѣлахъ.*

Сіе мнится мнѣ не токмо правильно, но и безгрѣшно, еже дворяне послѣ умершихъ своихъ сродниковъ земли жилия и пустыя дѣлять на дробныя части, ибо однѣ пустоши раздѣляютъ на многія разныя владѣнія. И по такому раздѣлу бывають у одной пустоши владѣльцовъ по десяти и гораздо больше; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется десять четвертей, инимъ же четверти по двѣ-три, а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую пахотную полосу худу и добрую, все пають; и кто изъ нихъ самъ у себя, то тотъ всѣмъ жеребьемъ и владѣть, а кто безмочень, тотъ ничѣмъ владѣть не можетъ, и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустѣють и дернѣють и лѣсомъ поростають. И въ томъ запустѣніи Царской интересъ малится, потому что отъ пустой земли** никакого дохода не бываетъ.

А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ нанавоживаетъ; и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, такожде и сѣнные покосы распахивають; и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается.

И тыи дворяне не токмо пустыя земли тако дѣлять, но и жилия села и деревни на многія доли дѣлять. Есть въ Новгородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣють семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцовъ. И въ такихъ разновладѣльцахъ нельзя быть безъ вражды и другъ отъ друга безъ обиды.

И мнѣ мнится: ради охраненія отъ обидъ и послѣ умершихъ лучше дробныя (?) оставить и дѣлить земля пустая и жилая цѣлыми пустошами и деревнями по урочищамъ.

А буде многихъ пайщиковъ раздѣлить цѣлыми не можно, то тѣ земли и деревни положить въ цѣну, и буде кто изъ тѣхъ же родственниковъ деньги въ дѣль положить, а землю жилую или пустую возьметъ всю за себя, то и добро такъ. А буде всѣ родственники скудны, то продать ее и постороннему человѣку, и деньги по надлежащимъ жеребьямъ раздѣлить, то не то что уголовщиѣ быть, но и браниться будетъ не о чемъ; потому что на деньгахъ и малыя дробинки раздѣляютъ часто.

А и сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилия деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ,*** и колико въ коемъ урочищѣ четверныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же, и пишучи, не тобъ, чтобъ ее смѣрять, но и глазами не выдавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишуть четвертей 50 въ полѣ, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ.

А въ иной пустоши, видѣль я, написано 6 четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верствъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакъ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ совершеннаго не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову свою положиа дерницу, да отводя землю, и въ такомъ отводѣ смертне грѣшатъ; и много и того случается, еже отводя землю и неправдою между полагая, и умирали на межѣ.

* У Стр. заглавіе: о земляныхъ дѣлѣхъ.

** У Стр. с п у с т а .

*** Такъ у Стр., а у меня, кажется, неправильно, не пишуть.

А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жилымъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижимыя, а буде съ кѣмъ нераздѣлила ни рѣка, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотритъ какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было; а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижимая признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полну каменья большаго, и накласть бугромъ, чтобъ матерья земли выше было, и на то каменье насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ вѣсковый утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки; и подъ ту вервь поставить мореходной компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки сажень, то такъ и записать.

И буде у поворотки признаки никакой недвижимой нѣтъ, то выкопать яма глубиною аршина въ полтора или въ два, и шириною такожде аршина въ два, и накласть въ нее каменья или уголья, и насыпать надъ нею холмъ аршина въ три, и утопавъ, накласть дерномъ, и на томъ холму посадить деревецъ молодыхъ пять-шесть, кои бѣ были годковъ трехъ или четырехъ. И колико около той земли не будетъ холмовъ, на всѣхъ садить одного рода деревцовъ; каково на первомъ холму, тако и на послѣднемъ.

А егда стануть другую землю мѣрять, то по холмамъ другаго рода и деревье садить; около коей земли сажаны березки, то березыбъ тутъ и были, а около коей земли сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около той земли одни бы они и были.

А съ коею землею та будетъ смежна, и приткнется* она къ обмежеванной землѣ, а на той межѣ по холмамъ сажено не того рода деревье, то тѣ готовые холмы именно записать, колько ихъ къ той землѣ пришло, и деревье, кое и на нихъ сажено, такъ и записать, а другаго рода къ тѣмъ деревьямъ не присаживать.

И егда тоя сумежныя земли межа отворотится, то, буде согдится отъ холма, то такъ и записать; а буде отворотить она межъ холмовъ, то подлѣ старыя межи учинить холмъ не на самой межѣ, но сажень-мѣста уступа отъ межи, чтобъ старой межѣ поврежденія не было, и деревца посадить на немъ такое, какое около всея тоя земли начали садить.

И буде кое деревье посаженное подсохнетъ, то паки посадить такоежъ, и егда деревцы примутся, и годы два-три или пять-шесть перемешкавъ, паки всякому межеванію межевщику межъ своихъ всѣхъ осматривать, нѣтъ ли межамъ какого поврежденія. И буде гдѣ и мало осмотритъ между попорчену, то сыскать того, кто попортилъ, и учинить ему наказаніе жестокое, какъ о томъ уложено будетъ; и деревья по холмамъ осмотритъ, и кое изъ нихъ принялось, и бѣжко почало расти, то то деревье и оставить, а прочія подсѣчь. А буде на коемъ холму дерева два или три бѣжко почали расти, по разсмотрѣнію оставить и два и три деревца, только бы они одного рода. А излишнія всѣ подсѣчь и приказать накрѣпко, чтобы тѣхъ деревецъ оставленныхъ берегли накрѣпко, и ни въ чемъ бы имъ не вредили. И буде на томъ же холму какое дерево и новаго роду собою израстетъ и таковое подсѣкать, и расти имъ не давать, чтобъ они признаки не повредили.

И во время межеванія въ какую сторону отъ утину вервь** натянется, то подъ ту вервь ставить вышепомянутой компасъ, и по компасу смотря писать именно, на какую сторону протянулася вервь, и коея четверти на который градусъ, и колико градусовъ поступило отъ востока къ полудни, или отъ полудни къ востоку, и прочая.

* У Стр. кажется неправильно прикинется.

** У Стр. почти вездѣ вервь; въ моемъ спискѣ часто ошибкою вѣтръ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правильно вервь.

А межа отъ признаки до признаки, или отъ поворотки до поворотки, и колико коея прямизны будетъ мѣроу, сажени писать именно, и въ кую сторону она поворотила направо или налѣво, и на колико градусовъ она поворотилась, такъ именно и писать.

А буде гдѣ приидеть межа излучиною, и буде сосѣдъ сосѣду не уступить, то протянуть вервь отъ холма на холмъ прямо, и смѣрять по верви, колико мѣры межъ тѣми холмами будетъ, и отъ тоя верви смѣрять поперегъ, что тоя излучины будетъ, и записать именножъ. И гдѣ старая межа по рѣкѣжъ или къ ручью, и та старая межею и да будетъ. Обаче вервь надлежитъ натянуть прямо и записать именно, колико тоя прямизны отъ холма до холма, и гдѣ старыя межи излучинами, такъ имъ и быть; а куды вервь была ради смѣтеу земли, сохою тутъ не проѣзжать, но токмо то писать, на кой градусъ та вервь была протянута. А кромѣ излучинъ, куда вервь ни протянется, съ обѣ стороны проѣхать сохою раза по два-три, и свалить къ верви вмѣсто (?), и та межа, съ коими землями дѣлится между, писать именно, чья она есть, и какъ она нарицается. И буде чрезъ межу случится какая рѣка или ручей или вражекъ или сухой доль или болото, все то писать именно, на коей верви случилась, и въ коликихъ саженяхъ отъ коего холма. И буде дорога чрезъ нее лежитъ, то откуду, куда, и при какой признакъ та земля, при рѣкѣль великой, или при малой, или при озерѣ великомъ, или маломъ, или при болотѣ какомъ. И всякая межа писать съ подлинною очисткою, чтобъ она во вѣки неподвижна была, „и проку бы“ (?) * въ ней ни малаго не было.

Аще и съ трудностію потрудиться о семъ, обаче въ роды родовъ безсортнобъ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершить, то мнится мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ (?) сотницу другую и по городамъ разослать. И аще гдѣ пожаръ учинится; то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевальной трудъ не погибнетъ, и смятенія о землѣ нигдѣ и ни у кого не будетъ: она будто въ зеркалѣ всѣмъ зрима.

И обмежевывать кюждо землю сице: отъ утину до того пошла межа прямо на востокъ или на полдень, или своротила на право или на лѣво отъ коея четверти, и многоль градусовъ вправо или влѣво поступило, и отъ утину до перваго холма земля того-то села или деревни или пустоши какой, съ правыя стороны, а съ лѣвыя стороны такожде такая то именуемая земля, и съ коликими землями та пустошь, кою межуешь, ни сошлася, все писать именно. То уже той межѣ измѣниться не можно будетъ, ни въ какія лѣта она не смѣшается; ибо по недвижимымъ признакамъ, и по компасу, и по мѣрѣ отъ поворотки до поворотки, и отъ холма до холма, всякую межу разобрать будетъ мочно.

И когда кое урочище все веругъ обмежуется, и послѣдняя вервь егда приидеть къ утину, съ коего утину началъ межу вести, написать именно по компасу, на которую четверть и на который градусъ той четверти утину пришла.

А буде о коей межѣ споръ будетъ, то тѣ земли вымѣрять первѣе по писцовымъ книгамъ, четвертную мѣру, и сѣнокосныя угодыя такожде, и около тоя земли межа повести вышеписаннымъ же порядкомъ, и межа положить около нея недвижимая.

И егда кою всю землю обмежуютъ, то посреди тоя земли вдоль протянуть вервь отъ писменны и недвижимыя признаки на недвижимую жъ признаку, и смѣрять по ней, что тоя земля длиннику будетъ; такожде протянуть и поперегъ, взявъ начало отъ коего холму, и тянуть вервь на назначной же холмъ, или на недвижимую какую признаку, чрезъ длинную вервь, и на перехрестье подложить квадратъ, и куды то перекрестье покосилось, такъ именно и писать, и какъ длинникъ, такъ и поперечникъ смѣрять, что его будетъ, и на томъ же

* Слово между запятыми, впрочемъ непонятныхъ, въ моемъ спискѣ нѣтъ. Не ошибка ли вмѣсто и пороку бы.

перекрестѣ поставитъ компасъ, и куды того компаса сѣверная стрѣлка укажетъ, такъ и записать, и на чертежѣ стрѣлка означитъ.

И на цѣломъ листѣ сдѣлать той обмежеванной землѣ чертежъ по размѣру, какъ межа ведена, такъ именно и написать, и по колику отъ холма до холма, и отъ поворотки мѣры, такожде и отъ иныхъ признаковъ до признаковъ, цифирными словами всякую мѣру особливо подписать; и около нея какія земли прилегли, всѣ именно подписать, и коликою мѣрою коя земля приткнулась; и на срединѣ того чертежа означитъ длинникъ и поперечникъ точками на тѣхъ признаки, на которыя вервь была протянута, и подлѣ точекъ написать мѣру длиннику и поперечнику, колико сажень. И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣрѣ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ, колико въ ней десятины и коликія четвертныя пашни.

И того ради всякой межевщикъ, колико какихъ земель не отмежуетъ, написалъ бы именно всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бѣ была на особливомъ листу; и на тѣхъ же чертежахъ надобно написать, колико по писцовымъ книгамъ написано въ ней четвертей въ полѣ и колико сѣна копенъ. И егда кой межевщикъ свою долю всю измежуетъ, то тѣ чертежи переплести въ книгу, и положить ее въ помѣстномъ приказѣ въ сохранное мѣсто впредь для утверженія правды.

И аще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоятся всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, аще убогъ, и аще кто и ябедовать и нахаловать, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все; и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣлъ.

И буде кто и покусится между заровнять, или холмъ на чужую землю перенести, то всякой человѣкъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человѣку; и того ради будетъ славно и явно. И буде бы кто и сдѣлать, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги всѣ пропадутъ, то тогда мочно обида чинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москвѣ, а другую въ Санктпетербургѣ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна.

И такъ надобно твердо заказать подъ великимъ штрафомъ, чтобы той межи хотя у кого въ одномъ владѣніи будетъ, а тѣхъ межъ отнюдь бы не перепахивали, и ни межи, ни холма, съ мѣста на мѣсто не переносили бы, но всякая межа была бы въ роды родовъ на своемъ мѣстѣ нерушима.

А и въ степныхъ мѣстѣхъ такожде надлежитъ учинить недвижимыяжъ межи, отмѣрить по дачѣ вымѣривъ десятинами, и намѣривъ всю чью дачу вышеписаннымъ же образомъ, сдѣлать утинъ, и отъ утину протянуть вервь прямо, аще и верста мѣсто будетъ до поворотки или и больше, и пока прямизна идетъ, по та считать лишьше сажени, а на повороткѣ сдѣлать холмъ по вышеписанномужъ, и поворотки писать по компасу, и чертежи дѣлать по вышеписанномужъ.

И буде близко лѣсъ есть, то по вышеписанному жъ садить на холмахъ деревцыжъ, а буде лѣсу молодого добыть гдѣ немочно, то набрать дубовыхъ желудей, и по десятку мѣста на холму посадить, а на иномъ урочищѣ наметать сѣмянъ вязовыхъ, и на иномъ березовыхъ или кленовыхъ или иныхъ какихъ. Токмо какія сѣмена на коихъ холмахъ пометаны будутъ, такъ и въ книги записать, и всю межу устроая по вышеписанному жъ протянуть вервь съ угла на уголъ, потому что въ степныхъ мѣстахъ будутъ многія земли межеваться четверугольно, и, кромѣ угловыхъ, холмовъ не будетъ; и на чертежѣ на срединѣ написать стрѣлка сѣверная, и на томъ чертежѣ и мѣра, какъ межѣ, такъ и срединѣ, личба (?) написать.

И тако всѣхъ господъ, великихъ и мѣлкихъ дворянъ, дачи отмѣрить по длинной правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобы ни лишку и ни недомѣру противъ дачъ не было.

Вельми надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да аще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душевредства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому, обиды не было.

А въ прежнихъ глазомѣрныхъ мѣрахъ у инаго написано пять четвертей, а владѣть на пятьдесятъ четвертей, а у инаго написано двадцать четвертей, и пять не высѣть; а егда мѣра прямая будетъ во всѣхъ земляхъ положена, то никому обиды не будетъ.

И межи учиня, такъ надлежитъ твердо блюсти, чтобы никакой обмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши, не токмо по прежнему на многія части, но и на двое не дѣлить бы, но кому случится продать, или заложить, или и кому и отдать, то отдавать бы и продать всю, какова коя земля есть по обмежеванію безъ раздѣлу.

И сичевое межеваніе аще и не скоро окончится, да уже прочно оно будетъ, и помѣщикомъ всѣмъ покой великой учинить. И того межеванья межи такъ надлежитъ хранить, чтобы не то, что межа повредить, но и прозванія стараго отнюдь бы не измѣнять, но какъ кое урочище изстари названо, такъ бы оно и слыло до окончанія вѣка. И буде чье владѣніе случится по смерти или и по иному какому въ раздѣлъ или въ раздачу по указу, то дѣлить бы цѣлыми пустошами и урочищами по межевымъ книгамъ, а всѣхъ бы тѣхъ межъ ни прибавливали бы, ни убавливали.

А буде кто не токмо межу испортитъ, но аще и имя коей пустоши или урочищу какому измѣнитъ, то обложить его штрафомъ; а буде чрезъ кую землю лежитъ дорога, то объѣхать дорогу съ обѣ стороны сохою, такожде какъ и пограничную межу; и учинить ее шириною, буде проселочная тележная, то пустить ее трехъ сажень, а буде проѣзжая дорога городова, то пустить ее шести сажень; а буде дорога Московская, то надлежитъ пустить двѣнадцати сажень или больше.

И тѣ дороги въ десятины и въ четвертное число не числить, но изъ настоящія мѣры и изо владѣнія вычислить вонъ; понеже на чьей землѣ дорога ви бываетъ, слыветъ она Государева, а не помѣщичья; того ради тоя земли и въ окладъ ни кому не класть, и хлѣба на ней никакого не сѣять.

И аще Великій нашъ Императоръ въ сіе дѣло всесовершенно вступитъ, и Богъ свыше призритъ, и помощь свою святую низпошлетъ на ней, то мочно всему сему дѣлу состоятися и совершитися не весьма многими лѣты.

И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли, обложить ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россійскія, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ пашню ихъ и подъ сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ тоя земли будутъ платить крестьяне по дворовому своему окладу, яко же въ седьмой главѣ речеса; и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ.

И буде положить мѣра десятинѣ длиннику 80 сажень, а поперечнику 40 сажень, и съ такой десятины, мнится мнѣ, что мочно съ пахотныя земли по осьми копеекъ взять на годъ, а съ сѣнокосной по шти копеекъ, а съ лѣсныя по четыре копейки, а съ болотныя по двѣ копейки. И я чаю, что на каждой годъ денежнаго сбору тысячъ ста по два-три рублевъ будетъ приходиться, или и гораздо больше, и тотъ земляной сборъ будетъ проченъ, и никогда онъ не умалится, токмо годъ отъ году прибывать будетъ.

Буде кто лѣса расчислитъ и пахотными полями устроить, то у того дачи прибудеть, а буде кто лѣсъ вырубя, да хлѣбъ снявъ паки запуститъ, и на ту землю прибавливать дачи не для чего; потому что она паки подъ лѣснымъ угодемъ будетъ.

И аще кто и болото обсушитъ и устроить сѣнокосъ, то и тамо прибудеть же сбору. И того ради земскимъ комиссарамъ на всякой годъ надлежитъ осматри-

вать, буде кто прибавить пашни или сѣнокосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить.

И по такому расположенію никто даромъ землю владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики.

А нынѣ есть много таковыхъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ пустоши отдають подъ пахоту и подъ сѣнокосъ изъ найма, и на кійждо годъ десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не даетъ онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить десятинами, то, я чаю, десятинь миллионовъ десятка два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячь сотъ пять-шесть будетъ того сбора, и того платежа никому потаить или въ платежѣ похитрить будетъ не возможно; потому что ни единыя десятины утаить будетъ не возможно.

Землю сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ.

И аще Богъ на ней призритъ и помощь свою низпошлетъ, то можетъ оно не весьма долгимъ временемъ состоятися. Трудно только первой годъ потрудитися; а егда навикнуть, какъ межевать по компасу, и какъ мѣру полагать, и чертежи скоро навикнуть по размѣру рисовать.

И первый годъ еще и по одному человѣку смышленному послать то дѣло управлять въ куюждо губернію, а на другой годъ мочно и по десяти послать, а на третій годъ хотя и по сту человѣкъ, то мочно послать; потому что лихо сперва обстановить, какъ то межеванье отправлять, то и однимъ мѣсяцемъ многимъ мочно научиться.

Ибо поспѣшность сего дѣла въ руцѣ суть Царстей: аще онъ восхоцетъ, то немногими лѣты можетъ тое дѣло управить, и того землянаго сбора, чаю, что будетъ со всякія губерніи тысячь по сту. Только чаю, сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей волѣ жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять.

Я чаю, что и дворовому расположенію какъ ни есть, а будутъ препятіе чинить, а если Великій Государь переломитъ ихъ древнее упрямство, то я чаю, что вполы будутъ дворовые поборы; нынѣ съ двора сходитъ рублевъ по осьми или малымъ чѣмъ меньше, а тогда, чаю, что и по четыре рубли не сойдетъ.

И аще по земленому владѣнію всѣ крестьянскіе платежи, такожде и съ дворянъ по владѣнію жъ земляному установить, то тверже онъ подушнаго сбора будетъ, и вельми онъ постояненъ и прибыленъ будетъ.

Земля трудно токмо управити еже ее всю по вышенисанному размежевать, и измѣривъ въ десятины положить право, то послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ.

И тако надлежитъ въ земленомъ дѣлѣ потрудитися, чтобъ не токмо едина земля пахотная и сѣнокосная и лѣсныя угоды измѣрять, но и болоты всѣ бы великія и малыя измѣрять, и описать ихъ именно, въ коихъ они урочищахъ, и къ чѣмъ землямъ прилегли, и большимъ болотамъ чертежи нарисовать особливые; и спросить сумежныхъ помѣщиковъ, кому кое болото во владѣніе угодно, на немъ его и записать.

А буде сумежные помѣщики отъ болотъ откажутъ, то отписать ихъ за Государемъ, и отдавать ихъ изъ Приказу на оброкъ охочимъ людямъ; а кои болота малыя земли чья (?) случатся, и тѣ болота писать за ними, въ чьей они землѣ прилучились. И отъ коего болота помѣщики откажутъ, то тѣ болота подобіемъ пустошнымъ вокругъ всего межею обвести, и на повороткахъ ставить холмы такожде, какъ и кругомъ пустошей, и вокругъ всего болота объѣхать сохою, и сдѣлать валь; а гдѣ придутъ иныхъ земель межи помѣщичьи, то такъ и записать. И кои люди отъ тѣхъ болотъ откажутся, то уже ни на какою по-

требу въ нихъ не ходилибъ, и скота своего не пушчалибъ, но владѣль бы тотъ, кому оно отдано или продано будетъ.

Такожде и дворы всѣ яко крестьянскіе, тако и дворянскіе и всякихъ чиновъ у людей, и въ городѣхъ у купецкихъ людей, и прочихъ у градскихъ жителей, и у приказныхъ канцеляристовъ, и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей, дворы измѣрять и платежомъ обложить; дабы на землѣ Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ.

Я чаю подъ державою Его Императорскаго Величества подъ всѣми жителями, кромѣ дикихъ полъ и глухихъ лѣсовъ, которые ни къ кому во владѣніе не отданы, будетъ добрыхъ верстъ милліона два-три и больше, и толикое величество земли и исчислить въ конецъ не возможно, а платежу съ нея Государю ея нейдетъ ни малаго числа: помѣщики, кои участками своими отдаютъ въ наймы, и берутъ за нее деньги многія, а Великому Государю не платятъ ни малаго числа.

А во всякой круглой верстѣ пятисотной будетъ сороковыхъ десятиныхъ 78 съ осьюмою долею десятины.

И аще кругомъ съ пахатныя и съ сѣнокосныя и съ болотныя земли положить по грошу съ десятины имать на годъ, то того поземельнаго недвижимаго сбора будетъ милліонъ-мѣста другой во всякой годъ, и тотъ сборъ никогда не оскудѣетъ, но токмо мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполняться.

И если сіе Богъ состроитъ, еже Великій нашъ Монархъ обложить со владѣнія имать платежъ, то никто по нынѣшнему тунежителемъ не будетъ, но всѣ будутъ платежники по количеству владѣнія своего.

И дворамъ крестьянскимъ надлежитъ положить мѣра подлинная, и неизмѣнная; аще на коемъ крестьянинѣ дворъ тяглый, то прямой бы уже и былъ дворъ.

И мнится мнѣ: надлежитъ крестьянскому двору быть мѣрою въ долготу и съ гуменникомъ пятьдесятъ сажень или штидесятъ, а шириною цѣлому двору быть двѣнадцать сажень, а полудвору восемь сажень, а четверть двору шесть сажень, а осьмушечному четыре сажени, а длина всѣмъ одинаковая. Чобы овины у всѣхъ въ далекости отъ двороваго строенія были.

И платежъ, мнится мнѣ, мочно положить съ цѣлаго крестьянскаго двора во всѣ поборы въ годъ рубля по три или по четыре, или какъ удобнѣе будетъ по прямому разсмотрѣнію, а съ полудвора вполъ, и съ четверти двора четвертая доля изъ платежа, и прочіе платежи по мѣрѣ дворовъ располагать; то никому будетъ не обидно и всѣмъ будетъ легко.

И на цѣлой дворъ надлежитъ, по моему мнѣнію, дать пахатной земли четыре четверти въ полѣ, а въ дву—потому же, а полдвора—двѣ четверти, а кто на четверти двора будетъ жить, тому одна четверть земли въ полѣ, а и въ другихъ поляхъ по толику же числу, чтобъ ему по вся годы по цѣлой четверти ржи высѣвать, а яроваго по двѣ четверти. И аще кто будетъ жить на шестой долѣ двора или на осьмой, то по тому и земли имъ отводить неизмѣнно. А буде кто похочетъ на себя тягла прибавить, толико и земли ему подъ пашню и сѣнокосу прибавить; и по такому расположенію все чинить неизмѣнно.

Такожде и помѣщикамъ брать съ нихъ всякіе свои поборы по тому же расчисленію, такожде и въ работѣ по землѣ расчисленіе чинить, то всякая и работа будетъ имъ сносна. И сверхъ бы того расположенія никакой помѣщикъ излишняго ничего бъ не накладывали, чтобъ отъ излишнихъ поборовъ крестьянство во оскудѣніе не приходило. И аще тако расположено и устроено будетъ, то помѣщики душѣвредить не станутъ, ежебы по три и по два двора въ мѣсто спаливати (?) И ради лучшаго отъ неправды помѣщицъей удаленія и ради отъ огненнаго запаленія охраненія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ дворы строить гнѣздами, а не сплошь по прежнему, но токмо по двѣ селитьбы крестьянскія, якоже въ седьмой главѣ назначено, семо же пространнѣе изъяснится съ размѣреніемъ длинника и поперечника.

И аще тако устроено будетъ, то нѣкими дѣлы по прежнему спалить трехъ или четырехъ дворовъ въ одинъ дворъ не возможно будетъ, да и не для чего тако чинить.

И крестьянскіе дворы управа надлежитъ и градскіе дворы измѣрять, и такожде обложить платежемъ земли дворовые, колико подъ кѣмъ есть.

И мнится мнѣ: съ дворовыя земли яко съ купецкихъ, тако и съ приказныхъ людей, и съ бѣломѣсцовъ всякаго званія, съ сильныхъ и съ безсильныхъ лицъ. у коихъ въ городѣхъ и на посадѣхъ дворы есть, кромѣ духовнаго чина и причетниковъ церковныхъ, съ дробныя сажени кажется можно по полушкѣ на годъ имать или по полуполушкѣ.

А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и сѣютъ, и сады загородныя разведены, такожде измѣрять въ дробныя сажени, и мнится, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти сажень по копѣйкѣ можно имать.

И съ тѣхъ огородныхъ овощей на одногородномъ торгѣ пошлина имать, кажется, не надлежитъ; токмо развѣ куда на иной городъ повезутъ, то отвозная пошлина надлежитъ взять; а егда состоится новая пошлина, то тогда такъ будетъ и управлятися.

И ради такового великаго землянаго дѣла надлежитъ, чаю, особная и канцелярія учинить, понеже всѣмъ дѣла много будетъ, и сборъ въ ней будетъ миллионный и самой основательный. И сей земляный сборъ трудно токмо его основати, а егда оснуется и утвердится, то онъ яко рѣка имать пищи неизмѣнно. Земля сотворена отъ Бога недвижима, тако и сборъ земляный аще Богъ его совершитъ и утвердитъ, то будетъ онъ неподвиженъ во вѣки. Аминь.

ГЛАВА IX.

О царскомъ интересѣ.

Въ собраніи Царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирать, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы Царская собирать, а Царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ аще кто казну Царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто Государю своему тѣшитъ служить, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и споро и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ ни гинуло. Охраненіе доброй товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирать.

Якобо утлага сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, неспоръ тотъ сборъ будетъ.

Азь бо въ 710 году будучи въ Новгородѣ, видѣлъ: на гостинномъ дворѣ двѣ палаты накладки были конской сбруи и иныхъ полковыхъ припасовъ, и что тамъ ни было, все то сгнило, и весь тотъ припасъ вырыли изъ палатъ лопатами, и на колико сотъ рублей того было, Богъ вѣсть.

И по такому небреженію чаятъ, что и во всѣхъ городѣхъ и во арміяхъ отъ такового же комиссарскаго незорѣнія въ припасѣхъ и въ хлѣбныхъ запасѣхъ казны много съ сего свѣта погибаетъ.

На что сего ближе и страшнѣе, еже въ Санктпетербургѣ на корабельныя дѣла готовятъ лѣса дубовые, да и тутъ пакости великія чинятся. Въ прошломъ 717 году ѣхалъ я Ладожскимъ озеромъ, и видѣлъ по берегамъ и по островамъ лежитъ дубовыхъ лѣсовъ множество, и въ томъ числѣ есть такое брусье великое, что, чаю, иной брусъ рублей по сту и сталъ, и иное брусье уже и замыло пескомъ, иное чуть и видѣтъ изъ песка.

И чайтъ то и по инымъ берегамъ и островамъ не безъ того, и аще оно дондѣсь лежитъ, то много чайтъ и погнило, и по такому небреженію Богъ вѣсть колико отъ такого небреженія казны погибаетъ напрасно.

И тое небреженіе, аще зрится, и велико, обаче не таково яко отъ лѣсныхъ припасателей шкоды содѣвается; ибо лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинятъ кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатые; и аще и одинъ брусъ въ коемъ кораблѣ въ причинномъ мѣстѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубить; а если въ коемъ кораблѣ брусовъ десятокъ-другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ трапореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостиннаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче егда военные люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ дряблага дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятели всѣхъ погубить.

На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самой доброй и здоровой зеленецъ, а кое дерево, видится аща и здорово, а отъ древности оно покраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ класть того ради что и оно непрочное; а которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, никуда негодно.

А видѣлъ я въ Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо неумѣть, но ломится кусьемъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое; и такого деревья ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить.

И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ бояться; потому что корабль со всѣмъ уборомъ станеть, чаю, тысячъ въ сотницу, а отъ небольшихъ трапорѣховатыхъ деревъ пропадетъ, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужъ еще и людей въ себѣ множество погубить.

Въ корабельное дѣло дубъ надлежитъ выбирать самый добрый зеленецъ за добрымъ свидѣтельствомъ, и видомъ бы онъ просинь, а не красенъ былъ. И аще изъ такого дуба корабль будетъ сдѣланъ, то онъ уподобится желѣзному: ибо и пуля фузейная не весьма его возьметъ; егда бо такой дубъ засохнетъ, то пуля и полувершка не проѣстъ; а въ красной дубъ пуля далече уйдетъ, а трапореховой и того глубочае проѣстъ.

И того ради, который корабль изъ такого здороваго дуба сдѣланъ будетъ, то онъ трапореховатыхъ лучше двадцати кораблей; понеже онъ, первое, что пули не весьма боится; второе, что отъ трясенія волнъ не трутится, третье, что онъ не гниетъ, но паче отъ воды жесточаетъ, и можетъ онъ жить лѣтъ пятьдесятъ или больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа и казна вся въ немъ посоренная даромъ пропадетъ.

И мнѣ ся мнить, лучше корабли дѣлать изъ здороваго сосноваго лѣса, нежели изъ дряблага дуба: дряблый дубъ въ сыромъ мѣстѣ и пяти лѣтъ не переживетъ, но весь изотлѣетъ и пропадетъ.

Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежныя, въ коихъ деньги и монеты печатаются въ большихъ стулахъ дубовыхъ, и были они только по половинѣ стула вкопаны въ землю, и тѣ стулы въ три годы всѣ пропали, и я по двѣ дубины здоровыя сплотилъ, и станы въ нихъ поставилъ, то и донинѣ стоятъ не вредны.

И вышеобъявленная въ дубовыхъ припасѣхъ дѣется пакость и отъ недознанія лѣсныхъ управителей; а иноземцы аще и видятъ, что лѣсъ худой, да они о томъ не пекутся, но токмо о томъ пекутся, чтобы имъ дѣлать, мастерскія деньги взять за работу со удовольствомъ; а добрый челоуѣкъ не сталъ бы изъ худаго лѣса и дѣлать.

Они какъ художники, такъ и служивые, ничимъ же разнствуютъ и торговые, паче пекутся о своеземцахъ, нежели объ насъ. Я чаю, что и всѣ Европ-

скіе жители нерады нашимъ кораблямъ: имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли бѣ, а мы бѣ отъ нихъ изъ рукъ глядѣли.

И о семъ моемъ изъявленіи, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдаютъ о мнѣ, что не на похвальбу имъ написалъ, всячески будутъ тщатися, како бы меня опровержи.

И ихъ множицею видаль, что они самолюбы, а намъ во всякомъ дѣлѣ лестиать, деньги манять, а насъ всякими вымыслы пригоняють къ скудости и безславію.

Егда Царскаго Величества состоялся указъ, еже дѣлать круглыя деньги мѣдныя, то никто ни изъ Русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ, не сыскался такой человекъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу соорудить; только иноземецъ Юрья Фробусъ имался, что добыть таковыхъ мастеровъ изъ за моря.

И я, видя въ томъ дѣлѣ протяжность великую, вступилъ въ то дикое время, и все то денежное дѣло установилъ, и я имъ иноземцамъ въ томъ еще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шеоды никакой не было, а нынѣ нельзя ихъ не опасаться, понеже ихъ множество, и за поносное на нихъ слово не учинили бы мнѣ какой пакости.

И о непотребномъ лѣсу, къ корабельнымъ дѣламъ привозимомъ, исправить невозможно, еще нынѣшняго порядка въ припасеніи лѣсномъ неизмѣнити, и штрафа на припасателей и на отправителей не наложить.

И по моему мнѣнію видится, надлежитъ учинить, еще которые люди готовить тотъ припасъ въ лѣсу, то повелѣтъ бы сѣкачамъ, вошедъ въ лѣсъ, первое осмотрѣтъ дерево, на корнѣ стоящее, здорово ли оно есть, и буде стоитъ оно весело, и признаки въ немъ къ хворости и къ старости никакой нѣтъ, то отъ земли саженьяхъ въ двухъ или выше вырубить иверень, и тотъ иверень высуша, освидѣтельствовать; и буде дерево здорово и зелено, и къ рубленью жестоко, и къ тесанью вязко, то свалить его съ корня и тесать по образцу, и вытесавъ, осмотрить его, все ли оно здорово, и буде нѣтъ въ немъ ни зяблины, ни иной никакой признаки хворостной, то заклеить его тому сѣкачу. А кто у него приметъ, тому такожде осмотрить его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ какого пороку; и буде во всемъ оно здорово, то и тому приѣмщику положить на немъ свое клеймо, а безъ клейма никакого дерева, ни доски, къ кораблямъ не отпускать.

А буде кое дерево съ корня свалить, и стануть его тесать, и тогда еще означится въ немъ зяблина, или дряблина, или къ тесанью будетъ кропко, и такія дерева отдавать на бочки и на иныя потребности, кромѣ корабельнаго дѣла, или тѣ лѣса жечь на смальчугу. А буде на какую потребу такой выметной лѣсъ къ корабельному украшенію, кромѣ основательныхъ дѣлъ, годенъ будетъ, то тотъ лѣсъ отпускать безъ клейма.

Подкрѣпленіе же о отправленіи корабельныхъ лѣсовъ учинить бы сиче: буде кое дерево корабельное великое или малое явится у корабельнаго дѣла въ привозѣ нездоровое, и то дерево бросить не въ чотку, а чѣе на немъ клеймо, тому такое жъ дерево одно, или два за одно, у корабельнаго дѣла на своихъ проторяхъ поставить, а сѣкачей, кои тесали и заклея отдали приѣмщику негодное, высѣчь батоги или и кнутомъ, дабы впредь такихъ негодныхъ деревъ не рубили и не тесали.

И за такимъ штрафомъ впредь уже такихъ негодныхъ ни рубить и ни тесать не будутъ, и къ корабельнымъ дѣламъ отпускать не стануть. А буде зеленаго дуба на корабельное дѣло набрать будетъ невозможно, то, мнѣ мнится, не почто и тратить казна въ дубовые лѣса; потому что плохой дубъ ни малымъ чѣмъ не лучше сосны, а казны въ нихъ преизлишше идетъ много. Я чаю, что тою казною, колико изойдетъ на корабль дубу, сосновыхъ мочно три или четыре сдѣлать, а служить лише бы онъ не лучше дубоваго сталъ. Дубъ трапореховой егда напьется воды, то онъ подобенъ будетъ глини, и на ходу вельми будетъ онъ тягостенъ; а сосновый и еловый гораздо будетъ легче, а и отъ трясенія волнъ лучше дряблага дуба устоитъ.

Я чаю, что многіе люди будутъ о семъ спорить глаголя: никогда де соснѣ не быть крѣпостію противъ дуба, то и я того не пререкую, что добрый и здоровый дубъ зеленецъ пятя и десятыя лучше сосны, а красный едва будетъ ли лучше, а который истранился, то тотъ хуже и ели.

Страшенъ ми сей глаголь, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію.* Ибо я отъ юности своя бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что не полезно, умолчати. И что во изъявленіи моемъ явится неимовѣрно, то можетъ свидѣтельствомъ или пробую разрѣшиться во всѣхъ девяти главахъ; паче же всѣхъ свидѣтельствъ правдолюбивое сердце да разсудитъ вся.

Еще же будучи въ Новѣгородѣ въ 710 году видѣлъ я: къ тѣмъ кораблямъ вьютъ канаты, и вьютъ ихъ изъ такой скаредной пеньки, что коя уже никуда не годится, и свивъ, смолою засмолятъ, возятъ въ Санктпетербургъ, и отдаютъ на корабли, и въ таковыхъ канатѣхъ вящшая погибель, а не надежда.

И ради таковыя пакости, мнится мнѣ: лучше во адмиралтейство принять канаты несмоленные, то несмоленого осмотрѣть, какова въ немъ пенька, и колико въ ней кострики, и здороваяль она или гнилая, развить все то, что мочно познать, а въ смоленомъ ничего того не знать, и смолить бы ихъ уже освидѣтельствовавъ; то такіе канаты будутъ надежны.

Канаты корабельные, становые, дѣло великое и страшное: дѣлать ихъ надлежитъ изъ самой доброй и здоровой пеньки, потому аще канатъ надеженъ, то кораблю спасеніе; а аще канатъ худъ, то кораблю и людямъ въ немъ сущимъ явная погибель.

И буде нынѣ канаты изъ такой же плохой пеньки дѣлаютъ, то не по что якорей и метать въ воду, но лучше пускаться по вѣтру.

Еще же надлежитъ ми донести и изъявити о посошной работѣ: которые присылаются съ городовъ въ Санктпетербургъ на тримѣсячную работу, такожде и во иныя мѣста пришедъ, работаютъ по три мѣсяца, а работы ихъ видѣтъ нечего, и смотрѣть на ту работу маркотно: потому что гонять день къ вечеру, а не работу къ отдѣлкѣ.

И еще бы и то исправить и спцевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно, и смѣтти колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъяснить, и неколикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяцъ, то и отпущены съ тримѣсячныхъ работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на Государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ дома свои.

И тѣмъ управителемъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяцъ ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня, и отпускъ бы имъ чинили. И аще такъ уставится, то крѣпко можно надѣяться, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обрабатывать.

И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца, а отпуски давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, станутъ на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ.

И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлаютъ, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не

* Въ моемъ спискѣ этого слова нѣтъ.

похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяцы работаютъ; и еще тако устроится, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться.

И буде, впроки тако устоитъ, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать.

И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же.

А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить, и давать по задѣлію коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлаться.

Видѣлъ я въ оружейной палатѣ при сидѣннѣ Алексѣя Александровича Курбатова: иноземецъ принесъ фузею, къ которой онъ дѣлалъ деревянное ложе гладкое, ни рѣзей, ни костей въ него не сажено, а дѣлалъ онъ тое ложе четыре мѣсяца, и на всякой мѣсяцъ шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублевъ въ мѣсяцъ. А еслибы отдать тое ложе съ договоромъ, взяли бы отъ него рубля полтора или бы сорокъ алтынъ, и сдѣлали бы дня въ два или въ три, а не въ четыре мѣсяца; и Алексѣй Александровичъ вельми на него кричалъ и говорилъ: ложе де больше двухъ рублевъ не стоитъ, а пришло де оно близъ шти-десяти рублевъ.

Иноземцы всѣ не пекутся, чтобъ ему по скоряе сдѣлать, но паче о томъ пекутся, како бы имъ по доле протянуть. Иноземцы всѣ ни о чемъ такъ не пекутся, какъ о мѣсячныхъ деньгахъ.

А и въ сборѣ царскаго интереса не весьма право дѣется: ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинней правдѣ не могутъ и единыя кожи цѣлыя содрати, и елико ни нудятся, токмо лоскутые содираютъ. и въ томъ Царскаго Величества интересу поврежденіе чинится великое; понеже хотятъ излишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою истеряли.

Ибо по торговому уставу въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повелѣно съ крестьянъ пошлинъ брать по пяти копеекъ съ рубля; а кто собираетъ, то съ тѣхъ велѣно явочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; итого станеть по гривнѣ съ рубля; и куды тотъ товаръ отвезутъ и продадутъ, то паки съ продажи берутъ по пяти копеекъ съ рубля: итого станеть по пятнадцати копеекъ съ рубля. Нынѣ вмѣсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ не по деньгѣ съ рубля не сойдется; потому что многіе покупаютъ у себя на дому, а иные покупаютъ отъѣхавъ.

И тако первая пять копеекъ, кое было надлежало взять съ крестьянина, и пропадаетъ, а тотъ купецъ продаетъ тайно же, то и другая пять копеекъ пропадаетъ, и тотъ второй купецъ привезши въ свой городъ тайно, въ свою лавку или и по инымъ раскладетъ. И тако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копеекъ пропадетъ.

А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выписъ на свое имя, и кто у него купитъ, и тотъ по той чужой выписи повезетъ, и буде удасться продать безошлинно, то тое выписъ назадъ отвозитъ, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выписъ о земь. И того ради многіе отпускныхъ выписей и въ книги не записываютъ.

А буде кто тайно товару своего продати не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копеекъ съ продажи, а та вся пропала; а буде кто и тайно избудетъ, а откуда тотъ товаръ поднять нельзя платежной выписи не явивъ, то возьметъ платежную выписъ гдѣ въ маломъ городѣ или въ селѣ, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копейки, а съ правдивыя продажи едва и по копейки съ рубля сойдется ли.

И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошлинъ пятикопеечныхъ никому одной пятикопеечной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копейкѣ съ рубля. И того ради нельзя и быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ.

И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольные, съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборами: „обаче ни тѣми поторжными сборами“ * наполниться казна можетъ, токмо людямъ трубацыя великая: молочной сборъ мѣлокъ онъ и есть.

Еще же къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому Великому Монарху, и на весь свѣтъ славному, и Великому Императору, собираютъ ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгѣ на рубль, и сей сборъ паче всехъ сборовъ моему мнѣнію противенъ; понеже Царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ Государь подобенъ Богу, еже восхоцетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснутися его не можетъ.

По моему мнѣнію вышепомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мѣлочные сборы отставить, да уставить единъ самый Государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія уставленный, т. е. десятинный еже имать пошлыны по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынѣ.

И учинить бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товару взять пошлыны единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда не имать.

Аще кой товаръ того года и не продается, но продается въ другой годъ и въ третій, то уже съ того товара другаго платежа съ той цѣны, съ коея прежде заплачено, никогда бы ничего не имати.

И аще такъ Богъ устроить, то людямъ будетъ покойно, а Царскому Величеству собранія пошлиннаго, не могу надежно рещи втрое, а вдвое гораздо настоящаго сбору будетъ больше.

Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ во оскудѣніе; потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми жъ Государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и не споры, а люди все тонѣютъ: ово отъ множества служебъ, ово же за преступленіе крестнаго цѣлованія и чрезъ присягу дѣлаютъ нетвердо, деньги сборныя крадутъ, тѣмъ себя и питаютъ, и ради клятвоступленія не спорится имъ.

А егда службу свою отслужать, то приказные люди стануть ихъ считать, да щипать, а въ томъ отчетѣ годъ или два проволочать, и тою волокитою и до конца разоряютъ ихъ.

И мнѣ мнится: лучше всякимъ служителемъ учинить указное опредѣленіе, чѣмъ имъ питаться, дабы имъ въ клятву не впадати, и питатися бы благословеннымъ кусомъ; такожде и приказнымъ людямъ надлежитъ указъ учинить, почему съ какого служителя имать, дабы всякой человекъ своимъ благословеннымъ кусомъ питался.

Сіе моему мнѣнію вельми прикро (?) что бурмистровъ и цѣловальниковъ выбрать на службу, да ко кресту принуждаютъ и клятвами великими закливаютъ, чтобъ не малому чему Государеву не коснулся, а выбираютъ въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ, ** то какъ ему правда дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба добыть ему негдѣ. И тако вси въ грѣхъ впадаютъ, тѣ служители отъ нужды касаются кражѣ, а другіе вѣдаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ, а ко кресту принуждаютъ. А егда увидятъ чье по-

* У Стр. слова между запятыми пропушены.

** У Стр. я б е д н и к о в ь.

хищеніе, то пытають и кнутомъ бьютъ, и дома ихъ разоряютъ, и за преступленіе клятвы и на томъ свѣтѣ будетъ мучиться.

По моему мнѣнію: буде за всѣми служителями смотреть и наказаніе чинить имъ, то лучше клятва оставить, а буде клятвы оставить не мочно, то наказаніе оставить, и дать его на Божій судъ.

И буде крестнаго цѣлованія не отставить, то надлежитъ у крестнаго цѣлованія спросить его съ запискою, чѣмъ онъ у того дѣла будучи будетъ питаться, можетъ ли онъ своимъ прокормиться. И буде скажетъ, что прокормится ему нечѣмъ; то опредѣлить его кормомъ, чтобы ему было чѣмъ питаться.

И буде кто за опредѣленнымъ питаніемъ сборнымъ деньгамъ коснется, то уже жестоко надлежитъ его наказать. И того ради весьма потребнѣе крестное цѣлованіе и всю клятву уставленную оставить, и учинить яко бурмистрамъ тако и цѣловальникамъ указное хлѣбопитаніе.

И по всему сему лучше мнится крестное цѣлованіе и клятву всю оставить и учинить одно наказаніе; ибо полно ему и того, что за вину свою на семь свѣтѣ отлучится, а на ономъ свѣтѣ будетъ уже отъ тамошняго мученія свободенъ.

А въ пошлинныхъ, * видится, вельми пристойнѣе съ продаемаго товара имать единожды, ибо и съ вола едина кожа содирается; подобне и наказаніе человѣку за вину надлежитъ учинить единожъ, либо человѣче, либо Божіе.

А и о соляной продажѣ мнится мнѣ быти не весьма дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ Царскаго Величества, но вельми пристойнѣе быти ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто продажныя прибыли положить на всякой пудъ, коя пойдетъ въ продажу, пошлины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ, и гдѣ въ какову цѣну ни купится, хотя гдѣ въ алтынъ или въ грошъ пудъ, обаче имать съ нее по гривнѣ съ пуда или больше или меньше, по колику Его Императорское Величество поволитъ имать съ пуда. И братъ бы ту пошлина на кормлю, ** откуда она въ развозку пойдетъ. То со всякія лады (?) сойдетъ пошлины по десяти тысячъ рублевъ или больше, такожде и съ бузуну и съ поморки. И гдѣ бы былъ ея пудъ по копейкѣ, а пошлину единаче имать съ пуда по опредѣленію уставленному, и всякому купцу давать изъ таможни ярлыки свободные, чтобы ему не токмо въ городѣхъ, но и въ деревняхъ Рускихъ, и иноземскихъ, и въ зарубежныхъ, продавать свободно, и пошлины съ нея нигдѣ никакой не имать. Тотъ сборъ всегда будетъ цѣль: ни вода его не потопитъ, ни огонь пакости тому сбору не учинитъ; и буде гдѣ соль потонетъ или сгоритъ, а Царской казнѣ ни малаго помѣшательства не учинитъ.

И аще соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людей будутъ отъ нея кормиться благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ; понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питаться. И аще соль нынѣшняго и дешевле будетъ; обаче многіе люди и разбогатѣютъ отъ нея; люди отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ.

А нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцынжаютъ и умираютъ; и отъ задержанія соли во иныхъ мѣстѣхъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой безсолицы напрасно люди помираютъ.

Аще бы она не заперта была, и былъ бы торгъ ей свободный, то нигдѣ бы безъ соли не было, а въ казну бы Его Императорскаго Величества деньги бы шли чистыя съ тысячи пудъ по сту рублевъ, а ни бурмистровъ, ни цѣловальниковъ, ни надзирателей къ той соли не надобныбъ были, ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якоря, ни иные какіе припасы, „и подводы подъ нее ненадобны бы были, но одна бы таможня управила, и то токмо въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль, купцы рознимать будутъ.

А гдѣ ее купцы въ рознавѣску продавать будутъ, то тамъ нималаго збору

* У Стр. Въ пошлиныжъ.

** У Стр. вмѣсто этого слова пробѣль. Я думаю надо на кореню.

не надлежитъ съ нее имать и записки уже никакой ей ненадобно кромѣ тое, откуда она поднята и въ розвозъ повезена.

А наипаче тамъ ее надлежитъ записывать на кореню, гдѣ она сварена; тамо надлежитъ двѣ записки имѣть, едина выварная, а другая развозная—и о самосадкѣ тожь чинить.

И торговые промышленники, купя ее, куды похотятъ, туды и повезутъ, и хотя гдѣ какая и шкода ей будетъ, то все ихъ, а Государевъ зборъ всегда будетъ цѣль. А люди по нынѣшнему отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ, потому что торговые люди по деревнямъ сами возятъ, и не токмо на деньги продаютъ, но и на хлѣбъ и на скотину и на всячину мѣняють, и въ долгъ отдають.

А Государевы купчины и бурмистры безъ денегъ ни на одну копейку не дадутъ, а се не вездѣ ее и продаютъ, и кому купить ее ѣхать верстъ сто иль другое иль и больши, и того ради крестьяня, кои маломочны всѣ пропадаютъ, и аще и многіе отъ безсолицы помирають, да никто о томъ Великому Государю не доносить, а судьи хотя и вѣдають, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были.

И въ тѣхъ соляныхъ зборѣхъ въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ, и въ управителяхъ, и въ работникахъ, и въ надзирателяхъ, тысячъ пять шесть или больше есть, а вси они будто черви точатъ тое жъ соль, и пищу себѣ приобрѣтають отъ тѣхъ соли.

А если бъ та соль въ свободномъ торгу была, тобъ всѣ тѣ люди были промышленниками, и питались бы отъ своихъ трудовъ.

И о семъ мочно и сличиться, колико отъ соляной продажи приходитъ прибыли, и колико на всякія расходы расходится, и за всѣми расходами, колико чистыхъ денегъ прибыльныхъ останется, и колико пудъ вѣсомъ въ годъ ее въ продажу исходитъ; и если со всей продажи обложить* по гривнѣ съ пуда имать пошлину, то по исчисленію пудовъ явно будетъ, колико тѣхъ гривенныхъ денегъ будетъ. Я чаю, что не меньше продажныя прибыли будетъ, а встани гораздо меньше будетъ, а люди сытѣе будутъ.

И вышеявленной съ соли пошлинный сборъ и съ прочихъ товаровъ по вышепредложенному регулу надлежитъ уставить уже неподвижнымъ.

Ежебы брать пошлина всякая по вышеписанному на кореню, то всѣ тѣ сборы управитъ одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станетъ поднимать, и по чему онъ будетъ тутъ на торгу купленъ, или на дому у себя, или въ деревню отѣхавъ, обаче по прежнему уже пошлину утаить нельзя будетъ; почему онъ ни купитъ, а пошлину дастъ полную по гривнѣ съ рубля; и уже ни коими дѣлы и отбыть отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежныя выписи нельзя ему никогда того товару повезти. Того ради что аще безъ платежныя выписи куды ни поѣдетъ, то взять будетъ тотъ товаръ на Великаго Государя безповоротно. А буде кто и кромѣ таможенныхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ кой не есть человекъ увѣдаетъ, что везетъ кто товаръ какой безъ пошлинныя выписи, и поймаеть его, то ему изъ того товару за поимку надлежитъ десятая доля. И такого ради страхованія никто, не объявля своего товара, ни куды не повезеть.

И егда кто товаръ будетъ ладить ко отпуску, то гдѣбъ онъ ни былъ купленъ, то объявить его тутошнему бурмистру, и бурмистру тотъ товаръ осмотритъ именно; и весь тотъ товаръ вѣсомъ и счетомъ и съ цѣною написать въ выписи подлинно, такожде и у себя въ закрѣпленную тетрадь записать подлинно, колько коего товару, и на сколько цѣною, и колико числомъ денегъ пошлинныхъ съ него взято. Такожде и въ выписи писать именно, колико пошлинныхъ денегъ взято. А по прежнему отнюдь не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и денга взятая писать именно, чтобъ всякому взятыю прямое извѣстіе было.

* Все мѣсто между „—“ въ моемъ спискѣ пропущено.

А буде у коего купца въ то время пошлины заплатить нечѣмъ, то въ платежѣ взять порука добрая и знатная, и вмѣсто записи руки поручикамъ прикладывать въ закрѣпленной книгѣ. И кто выпись возьметъ подъ запискою, расписывались бы иманцы именно, а безъ записки и безъ росписки отнюдь бы не давали выписей.

И буде кой купецъ у подъему своего товару пошлинныхъ товаровъ и не заплатить, обаче въ выписяхъ того долгу недоимокъ не писать, но писать, что пошлина, толико то числомъ, взята, а долги и доимки и поручиковъ въ платежѣ писать у себя имъ въ таможенныхъ книгахъ; или и закладъ брать для того, чтобъ по прежнему пошлинныхъ денегъ на переводъ не переводили.

И отпускакая товаръ, кой можно пятнать, то весь тотъ товаръ перепятнать таможеннымъ пятномъ. А буде кто соберетъ скота быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бедрѣ выжигать цыфирными словами число рублямъ, колико за кую скотину дано рублевъ, а колико за рублями копеекъ лишку, то тѣмъ же цыфирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копейками, и выжигать токожде на правой лопаткѣ.

И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бедрѣ, а копейки на правой лопаткѣ.

И за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнанной, ни продать, ни купить; и отпускакая ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно колько какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годы писать и примѣты.

А буде кто накупя скота, погонить не запятнавъ, то аще и съ выписью погонить, взять всю та скотина на Государя. И гдѣ тое скотину запятнанную на городѣ или въ деревнѣ продасть, и что возьметъ сверхъ помянутой покупной цѣны, и съ того перекупу взять пошлины съ рубля по гривнѣ, а съ покупной цѣны отнюдь не имать ничего. И буде кто и купить, и купя продасть иному, хотя вскорѣ или годъ два-три спустя, то брать пошлина съ перекупки жъ, а съ первыя плаченныя цѣны отнюдь никогда не брать ничего.

И съ тѣмъ товаромъ или скотомъ въ кой городъ прїѣдутъ, и платежную выпись объявлять, и тѣмъ бурмистрамъ ту выпись вписать въ закрѣпленную книгу подлинникомъ, и товаръ осмотрить, и буде сходенъ велѣтъ продавать, и что возьметъ сверхъ покупной цѣны лишку, и съ того перекупу брать пошлины по гривнѣ съ рубля; и буде по той же цѣнѣ продасть, по чему онъ самъ купилъ, или меньше покупной цѣны продасть, то не имать съ него ничего, токмо подъячему отъ записки дать копейку.

А буде явится у вѣсчаго товару у ста пудъ лишка пуда два-три, то съ того излишняго товара взять пошлина по указу гривенная. Такожде и въ мѣрѣ, буде у ста мѣрѣ явится примѣру мѣры двѣ или три или меньше, и съ того товара излишняго взять по гривнѣжъ съ рубля.

А буде привѣсу или примѣру или причету явится больше тѣхъ мѣрѣ, то взять на Государя. А буде кто купить что тайнымъ обычаемъ безошлинно, то у купца товаръ, у продавца деньги, кои онъ взял за неявственной товаръ, взять на Государя, да skinя рубаху, бить ихъ обоихъ батоги нещадно, и вину ихъ, за что биты, записать въ книгу. А буде кто изъ нихъ въ другой рядъ явится въ такой же винѣ, то взять у купца товаръ, да штрафу толикоежъ число, колико за товаръ дано, а у продавца сугубо взять, да обоихъ кнотомъ бить, по сколько ударовъ уложено будетъ.

А буде продавецъ, продавъ безошлинно да принесетъ свою вину, и объявить, что купецъ купилъ у него безошлинно вѣдая, то продавецъ свободенъ будетъ отъ вины, а у купца взять тотъ товаръ на Великаго Государя со штрафомъ.

А буде же купецъ о такомъ дѣлѣ на продавца извѣститъ, то у продавца взять взятыя деньги со штрафомъ, а купецъ свободенъ.

А буде ни купецъ, ни продавецъ, не объявлять, что у нихъ торгъ состоялся тайно, а со стороны кто доведетъ на нихъ, то потомужъ взять деньги и товаръ со штрафомъ, а доводчику дать изъ того товару десятая доля, а продавцу и

купцу наказанье чинить выше объявленное, да на нихъ же доправить тѣ деньги, что доводчику даны будутъ.

А буде кто накупя товаръ, или и свой домашній повезетъ на продажу не записавъ въ таможи, и выписи не взявъ, и пошлины не заплатя, или пошлину заплатилъ и выписи взята, а товаръ не запятнаной, или и запятнаной, да не весь, то запятнанный продавать, а незапятнанный взять весь на Государя.

И гдѣ на городѣ или въ селѣ таможенные цѣловальники спросятъ выписи, а у него выписи нѣтъ, или и есть, да товаръ или скотъ не запятнаны, то тотъ товаръ кой не записанъ, или не запятнанъ, взять на Великаго Государя безповоротно, и колико его будетъ, записавъ, продать охочимъ людямъ, а деньги записать въ таможенный сборъ.

А буде кои бурмистры или цѣловальники, видя товаръ какой или хлѣбъ какой везутъ безъ выписи или незапятнанный, а онъ не возьметъ того товара на Государя, то на тѣхъ бурмистрахъ или на цѣловальникахъ взять штрафъ сугубый, и наказаніе чинить сугубое жъ.

А которые товары собираются къ отпуску за море и въ Китай и во иныя зарубежныя страны, то и съ тѣхъ товаровъ такожде пошлина брать по гривнѣ съ рубля, на кореню жъ, откуда тому товару отпускъ будетъ, и та пошлина брать вся же сполна, а выписи давать имъ платежныя жъ, чтобъ и на порубежныхъ торгахъ съ той цѣны, съ каковыя платилъ на кореню, не брать бы ничего жъ.

А егда кой товаръ сторгуютъ иноземцы въ отвозъ за море или не за море, да за рубежъ, то вмѣсто всякихъ поборовъ взять пошлина отпускная съ корабельныхъ мачтъ по прежнему городскому окладу: по десяти рублевъ съ дерева, съ пеньки трепаной и со льну съ берковца по три рубли, смолы и сала по четыре рубля, съ юхоти съ берковца жъ по пяти рублевъ, или по чему мочно положить, а съ хлѣба по рублю или по полтинѣ съ берковца жъ. Такожде и на прочіе товары, что ни будетъ разныхъ матеріаловъ, по разсмотрѣнію наложить за всякіе мѣлочныя поборы особливая отпускная пошлина, кромѣ той, что при подъемѣ того товару на кореню платили съ покупныя цѣны, а съ желѣза связнаго, кромѣ настоящія пошлины, накладныя не накладывать.

И по чему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всемъ купецкимъ людямъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы прикладывалибъ ту накладную пошлину къ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъяну не было. А буде кто продастъ товаръ свой безъ приставки тоя накладныя пошлины, то та пошлина доправлена будетъ на продавцѣ сполна.

Такожде кои товары прежде сего иноземцы покупали въ городѣхъ, или токмо съ тамошними жители о цѣнѣ смолвились, и съ тѣхъ товаровъ по уставу брать настоящая пошлина—съ рубля по гривнѣ при отпускѣ жъ на кореню сполна.

А съ отпуску за море за прочіе рубежи накладная пошлина имать со всѣхъ товаровъ сполна жъ по окладу безъ уятія неизмѣнно жъ. А буде кто Русской человекъ или иноземецъ какимъ вымысломъ привезетъ изъ Русскихъ городовъ какой нибудь товаръ безъ платежныя выписи, то тотъ товаръ безъ всякія отговорки взять на него Великаго Государя безповоротно, и продать охочимъ людямъ, а на немъ за вину взять протаможное на толикое жъ число, чего тотъ товаръ стоитъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде у кого отъ зарубежныя продажи останется какого товара, и похочетъ онъ тотъ товаръ продать Русскимъ людямъ, то взять съ того товару токмо съ перекупу, а накладныя пошлины уже не брать. А буде кто купивъ про себя, продастъ иноземцамъ въ отпускъ за рубежи, то неотложно взять накладная пошлина по указу сполна сверхъ настоящія гривенныя пошлины съ продавца того, кой купя, продалъ за рубежъ.

А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой-либо товаръ везти за рубежъ сами, то и съ тѣхъ товаровъ такожде брать пошлина накладная неизмѣнно сполна.

А и питейный сборъ, по моему мнѣнію, весьма неисправно дѣется, и отъ того Царскаго интересу много тратится: первое, что бурмистры живутъ въ тѣхъ службахъ непрочные, но на каждый годъ перемѣнные; другое, что уборъ питейныхъ покоевъ плохъ, и питья держатъ самыя плохія; третіе, что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продаютъ разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣетъ; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство.

Нашъ Царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелить быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и нимало ни на право, ни на лѣво неподвижно; яко Богъ всеѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и Царь въ своей державѣ имѣетъ власть, и по Его Царской власти надлежитъ всякой власти вяще быть постоянной и похвальной, и чтобы, яко мѣры вездѣ равныя, и цѣнѣ подобаетъ быти равной, никогда неизмѣнной; како въ хлѣбородномъ году, тако и въ недородномъ; и какова цѣна въ безхлѣбномъ мѣстѣ, тако подобаетъ продавать и въ самомъ въ хлѣбномъ мѣстѣ; ни питья не измѣнять, ни мѣры, ни цѣны не нарушивать, но имѣть все невредно.

А бурмистры перемѣнные весьма неправо потому, аще коему бурмистру прилучится и не впервые на кабацкѣ быть, то онъ буде извѣдаетъ, что ему надобно, обаче исправитися прямо не можетъ.

А кой бурмистръ впервые сядетъ, то вездѣ потеряетъ: не знаетъ сколько чего ему надобно принасти, и кунить все въ передачу; и гдѣ было найтить, а онъ тутъ потеряетъ.

И аще бы бурмистры были вѣковые, тобы ни гдѣ онъ не потерялъ, и лишку бы ни у какой покупки не передалъ, всякіе бѣ припасы покупалъ во время дешевости; а медъ кой годъ случится дешевле, то могъ бы онъ и на другой годъ или и на третій запасти; такожде и посуду, какая къ тому дѣлу потребна, припасъ бы ее въ удобное время, и ни у какихъ бы припасовъ лишку не передалъ бы; зналъ бы онъ, что куды ему надобно.

А для такого исправленія надлежитъ въ бурмистры выбирать людей не весьма богатыхъ, но среднія статьи, токмо разумныхъ и правдолюбивыхъ, и въ дѣлахъ праведныхъ, кои бы были не пьяницы, и чтобы всеѣмъ городомъ положили на нихъ свидѣтельство, что они люди добрые и радѣтельные и правдивые, и со управленіе такова дѣла ихъ будетъ.

А выбравъ таковыхъ людей учинить имъ жалованье годовое, и буде сверхъ настоящаго сбора неусыннымъ своимъ радѣніемъ приберетъ излишнее, то за тотъ приборъ дать ему сверхъ его окладу со всякаго приборнаго рубля по гривнѣ, и тѣ деньги за излишніе приборы по гривнѣ съ рубля вычитать имъ изъ своихъ сборовъ, и тотъ свой сборъ именно записывать бы въ книгу; и что кому выидеть гривенныхъ денегъ, записывать бы прямо. Такожде буде и цѣловальникъ кой у отмѣряннаго ему на продажу питья сверхъ продажныя цѣны принесетъ излишнее, и изъ того лишняго числа давать имъ за ихъ радѣніе половина, и тѣ лишнія примѣрныя деньги въ настоящей книгѣ записывать подлинно, и что изъ нихъ дано цѣловальникамъ, тутъ же подъ статью записывать неотложно.

И бурмистрамъ настоящее свое жалованье, кому каково обложено будетъ, имать бы имъ по вся годы самимъ изъ своихъ сборовъ, и записывать въ расходную книгу именно.

А буде имъ за жалованьемъ своимъ ходить за судьями и за расходчиками по нынѣшнему, то уже правдѣ быть нельзя: для излишнихъ расходовъ будутъ лгать.

И въ такомъ управленіи вельми питейные сборы будутъ споры, потому что и ни у чего передачи не будетъ, и истери лишнія никакой не будетъ же, и ничего онъ не прямо дѣлать не будетъ. И что имъ въ жалованье дастся возвратится съ лихвою: я чаю, что изъ одного припѣну выберутъ свое жалованье.

Миссеринъ

а настоящія питейныя деньги всё будутъ цѣлы, и всякое дѣло будетъ у нихъ споро и прочно.

Паки и отъ сего интереса Царскаго Величества гнѣтъ много, что помѣщичьи сборы казны Его Императорскаго Величества не помогаютъ, но еще и препятіе чинятъ: въ коихъ пристойныхъ мѣстахъ по Его Императорскаго Величества указу повелѣно кабаки построить, и собирать бурмистрамъ и цѣловальникамъ питейную прибыль, и гдѣ уже построены были, помѣщичьи разорили и сборы остановили. Василій Дмитріевичъ Корчминъ, еще добрый человекъ и Великому Государю вѣрный слуга, обаче и онъ въ сіемъ вельми погрѣшилъ: ибо въ Болонецкомъ погостѣ до его владѣнія была питейная стойка построена, и рублевъ по сту и больше на каждой годъ на ней собиралось, а нынѣ приказной его человекъ съ питьемъ въ ту стойку не пускаетъ, и въ Государевѣ погребѣ ставитъ свое питье. И отъ того у Великаго Государя рублевъ по сту и больше пропадаетъ. А нынѣ помѣщичьи и такіе есть, что и цѣловальниковъ бьютъ, и питья отымаютъ, и посуду разбиваютъ, и по такому ихъ озарничеству стали они быть Государю своему противники, а не слуги. Чѣмъ было имъ Государю своему радѣть, и въ собраніи казны чинить вспоможеніе, а не остановку, то они бѣдные (?) забыли, что самая истинная земля, коя и подъ нимъ самимъ, не его, но Великаго Государя, а и самъ онъ не свой, а его жъ Величества, а страха на себѣ ни малаго не имѣютъ. И такое препятствіе чинится въ мѣлкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего! Тѣ и ногою на ту землю, коя подъ временнымъ его владѣніемъ, съ питьемъ Государевымъ не пускаютъ. И въ большихъ своихъ вотчинахъ построены у нихъ свои кабаки, и называютъ ихъ кваснями, а подъ именемъ квасня продаютъ явно пиво, а вино потаенно. А питейная прибыль самый древній интересъ Царскаго Величества, а не помѣщичій. И еще все совершенно у всѣхъ помѣщиковъ самовольство ихъ отнять, и во всѣхъ вотчинахъ по пристойнымъ мѣстамъ построить кабаки, то прибыли питейныя тысячъ по сотницѣ или больше въ годъ прибудеть.

А буде же по прежнему Его Императорскаго Величества указу вино дворянамъ курить запретить, и клейменные кубы и котлы оставить, то, чаю, что по двѣсти или по триста тысячъ рублевъ на каждый годъ прибудеть у питейной продажи.

А буде кто самый сильный человекъ просить будетъ, чтобы квасни ихъ не разорять, и торговать бы по прежнему пивомъ имъ на себя, то повелѣть года на два-три посадить за питьемъ вѣрныхъ цѣловальниковъ или бурмистровъ. И что они соберутъ, то впредь мочно изъ наддачи и имъ на откупъ отдать, и брать съ нихъ откупныя деньги по договору съ торгу, а чтобы по прежнему самовольствомъ имъ своимъ владѣть отнюдь не давать; понеже подъ всеми ими земля вѣковая Царева, а помѣщикамъ дается ради пропитанія на время. Того ради Царю и воля въ ней большая и вѣковая, а имъ меньшая и временная, и не токмо имъ питейной продажей самовольно владѣть, но и землю безъ платы не можно имъ владѣть. А буде кто похочетъ питьемъ владѣть, то тотъ да даетъ съ питейныя продажи окупъ съ вольнаго торгу, понеже прибыли суть Царскаго интереса, и того ради никому вступатись въ нее надлежитъ. А дворяне и мѣлкія статьи многія накуря вина, въ деревняхъ своихъ продаютъ, а иные и въ города привозятъ, продаютъ, и тѣмъ питейный сборъ вельми повреждаютъ. А если клейменье оставлено будетъ, то и продажи дворянъ винной не будетъ.

А чаю, что не худо бы и таможенныхъ бурмистровъ жалованныхъ же учинить, то чаю, что и у нихъ прибыльнѣе сборы будутъ; и всякое почтеніе положить уже на нихъ, да на магистратовъ и на земскихъ бурмистровъ; и чтобы земскіе бурмистры надъ тѣми сборами надзирали, по окончаніи года оныхъ таможенныхъ и питейныхъ бурмистровъ, цѣловальниковъ, и считали, и расходы бы ихъ всё сличали, чтобы тѣмъ вѣковымъ бурмистрамъ по нынѣшнему отъ приказныхъ людей и излишнія трубаціи не было.

А цѣловальниковъ земскіе бурмистры ко всякимъ сборамъ бы выбирали бы погодно, а буде кой цѣловальникъ радѣтеленъ явится, и въ дѣлѣ своемъ прововѣренъ будетъ, то и цѣловальника того мочно жалованьемъ опредѣлить.

И аще годы три-четыре въ цѣловальникахъ послужить, то уже можегъ и бурмистрскую службу служить.

И какъ что тѣмъ бурмистрамъ управлять, дать пункты съ полнымъ наставленіемъ; и о вѣдомостяхъ опредѣленіе учинить имъ прямое, безъ чего быти имъ не мочно, писать въ вѣдомостяхъ надобно, колико въ коемъ мѣсяцѣ собрано казны какой, и колико въ расходѣ, и сколько на лицо.

А колико отъ мѣсяца въ мѣсяцъ осталого питья, и что тому осталому питью истинная или продажная цѣна, то самая излишняя турбація бурмистрамъ, и прямому дѣлу помѣшательство. И нынѣ и о недѣлѣ въ недѣлю пишутъ остатки, и отъ того инаго ничего нѣтъ, токмо питью въ перемѣряньѣ истрата и писцамъ лишняя плата; а все идетъ отъ Государевы жъ казны.

По моему мнѣнію, въ вѣдомостяхъ надлежитъ писать мѣсячные одни перечни комиссарамъ, чтобъ имъ извѣстно было, колико въ коемъ опредѣленіи казны собрано, и колико въ расходѣ, и колико на лицо, и таковыми вѣдомостями точно управиться на трехъ строкахъ, а не на трехъ листахъ.

А камерирамъ надлежитъ тѣ перечни собравъ отсылать въ вѣденіе въ камеръ-коллегію, и вмѣстѣ ста вѣдомостей послать только одну вѣдомость на одномъ листу, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ яснѣе будетъ зрѣтися, колико гдѣ собрано, и колико на расходѣ, и колико на лицо; только три статьи нужно въ вѣдомостяхъ писать.

И въ нынѣшнихъ вѣдомостяхъ бурмистры паче сбору пекутся о вѣдомостяхъ, да и нельзя имъ не такъ дѣлать; потому что приказные люди при ступленіемъ на нихъ съ того спрашиваютъ, чтобы въ вѣдомостяхъ писали именно, колико въ недѣлю какого питья продано, и колико какого питья въ другую недѣлю осталось, и на сколько цѣною? А егда мѣсяцъ пройдетъ, то паки все водки сличаютъ, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ бурмистры оставя дѣло, да за вѣдомостями трудятся. Такія вѣдомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не по недѣлю. Надобно то писать, въ чемъ Его Великому Государю прибыль умножалась, а собранная казна даромъ бы не тратилась.

А буде кой бурмистръ не противъ данныя ему инструкціи учинить что, и то учинити ему штрафованіе великое и съ наказаніемъ и съ запятнаніемъ, какъ о томъ уложено будетъ.

Буде же учинитъ похищеніе Государевы казны, то аще и не смерть, а по наказанію положить ему на лицо клеймо, еже бытъ ему при арміи вѣчно въ черной работѣ.

А и земскимъ бурмистрамъ нельзя бытъ безъ штрафа, дабы впредъ таковыхъ не выбирали.

А кои люди въ купечествѣ богатые, тѣхъ бы къ сборамъ въ бурмистры отнюдь не выбирали бы; но надлежитъ имъ торговать, и съ торговъ своихъ пошлины платить.

А буде у коихъ людей есть промыслы большіе, а деньгами недовольны, и ради разширенія того своего промысла востребуютъ денегъ взять изъ прибыли, то смотря по промыслу давать сотъ по пяти-шти и по тысячѣ и больше, чтобъ промыслы купецкихъ людей разширялись, и промышленники богателись.

И о таковыхъ дачахъ послать во все города указы, чтобы торговымъ людямъ, у коихъ заводы промышленные есть, земскіе бурмистры изъ ратушъ своегогородныхъ людямъ на промыслъ давали бы деньги, по промыслу ихъ, смотря ста по два-три.

А буде у коихъ людей заведены заводы большіе суконные или полотняные или бумажные или стеклянные или желѣзные или иные, подобные симъ, то

таковымъ, буде они люди добрые, а не замоты, и промышленники прямые усердные, то для расширенія промысловъ давать и по тысячѣ рублей и больше.

И въ тѣхъ дачахъ крѣпостей у крѣпостныхъ дѣлъ не писалибъ, но записывалибъ въ закрѣпленную книгу, чтобъ никакогобъ излишняго расхода емлющимъ деньги не было, потому что онъ на деньги дастъ на всякой годъ процентъ по опредѣленію уставленному; и въ тѣхъ деньгахъ иманецъ бы росписался, и подъ его рукою подписались бы поручики.

А буде дадутъ безъ разсмотрѣнія того иманца, и взятыя деньги онъ изгубить, то гибель тѣхъ денегъ взыщется не токмо на поручикахъ, но и на всемъ городѣ.

И мнится, съ большихъ промысловъ больше шести рублей на годъ не надлежитъ имать; потому что у большого промыслу множество людей питатися будетъ, и то станетъ быти пополненіе царственное.

А буде кто похочетъ взять на перехватку для покупки товара на мѣсяць или на два или на три, то надлежитъ имать со ста рублей и по рублю на мѣсяць.

И тѣхъ прибыльныхъ денегъ ни куды бы не отсылать, только отсылать вѣдомости, въ коемъ году въ которомъ городѣ колико тѣхъ денегъ собрано будетъ, и тѣхъ прибыльныхъ денегъ безъ подлиннаго указа изъ камеръ-коллегіи присланнаго, никуды не отдавать, но токмо отдавать ихъ на перехватку на малые мѣсяцы.

И аще изволеніе Царскаго Величества произыдетъ, что бурмистромъ быть жалованнымъ, то надлежитъ выбирать ихъ изъ средня статьи; богатому аще дать на годъ и пять сотъ рублей, то онъ такъ не услужитъ, какъ молотчій и изо ста рублей.

Богатый аще и у сбору какого будетъ, то онъ больше попеченія будетъ имѣть о своихъ собственныхъ промыслахъ. А у кого большихъ промысловъ нѣтъ, то онъ весь тутъ будетъ, и о иномъ не будетъ много мыслить, но токмо то у него и на умѣ будетъ, како бы ему управить врученное ему дѣло.

А о снисканіи питейныя прибыли мое мнѣніе тако жъ, ежебы во всѣхъ порядкахъ новостно учинить. Подрядчикамъ велѣть вино ставить во всѣ города неизмѣнно самое доброе, чтобы изъ трехъ золотниковъ выгоралъ цѣлый золотникъ, а просто молвить, чтобъ въ отвѣсѣ третья доля выгорала, а двѣ долибъ въ вѣскѣ оставались; а жечь однимъ запаломъ изъ вѣсовой чашки не выливая; и чтобы то вино было самое чистое, чтобъ въ хрустальномъ сосудѣ свѣтлости не замутило, и запаху бѣ пригарнаго въ немъ не было.

А и винное ведро лучше поправить и сдѣлать его пространнѣе, чтобъ вина добраго входило въ него тридцать фунтовъ. И егда подрядчики къ отдачѣ вино привезутъ, и коя бочка по пробѣ будетъ годна, то прикинуть ее на вѣсъ, и послѣ порозжую бочку вывѣсить, и за вывѣскою явно будетъ, колико въ коей бочкѣ вина было, и въ такомъ порядкѣ у отдачи не будетъ вину никакой расточки, и принимать будетъ поспѣшно и неработно: однимъ днемъ мочно бочекъ сто принять, и отдатчику будетъ спорѣе; потому что ни чановъ, ни ушатовъ, ни ковшей мазать виномъ не станеть, и никакой расточки не будетъ.

А и продажная вину цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскаго Величества. Древній обычай былъ вельми неправиленъ, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быти уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противенъ Царскаго Величества самовластію.

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единой и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину бу-

доть одина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ; потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не станутъ; но куда прїѣдетъ, тутъ и купить будетъ.

А по самодержавной власти Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко какова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ. А буде у Черкасъ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дворянъ и офицеровъ отнюдь, купя у нихъ вина и табаку, безъ указа въ Великороссійскіе города, ни въ села, ни въ деревни не провозили; и буде кто повезетъ вина больше ведра съ собою, то тѣхъ штрафовать великимъ штрафомъ и съ наказаніемъ.

А буде какой бурмистръ или цѣловальникъ испортитъ продажное вино, и учинитъ его ниже уставленныя пробы, или у подрядчика ниже пробы приметъ, то оштрафовать его великимъ штрафомъ и жестокимъ наказаніемъ.

И аще тако уставится, и нерушимо будетъ стояти, то никто ни куда вина возить съ собою не будутъ, потому что вездѣ будетъ вино равно и цѣна одна; и того ради и сборы питейные во всѣхъ городѣхъ вельми угобятся, и людемъ провознаго расхода будетъ меньше.

А о продажной цѣнѣ вину какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тому никто не извѣстенъ; а мнится, простаго вина ведру цѣну мочно положить, ежебы въ продажѣ быть ему по три рубля, а въ разницу по четыре алтына фунтъ; и аще гдѣ будетъ подрядъ и по полтинѣ ведро, а въ продажѣ отнюдь цѣны не сбавливать.

А для совершенныя вѣрности въ винѣ, чтобы воды не примѣшивали, у самыхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ во всѣхъ стойкахъ учинить маленькіе вѣсочки на желѣзныхъ цѣпочкахъ, чтобъ мочно было въ нихъ вина или водки, одинъ золотникъ отвѣся, выжечь, да у нихъ же бы были Ямбургскаго дѣлу хрустальныя фунтовыя или полуфунтовыя сткляночки, самыя чистыя, одна съ пробкою за камерскою печатью, а другая такая жъ простая. И буде коему купцу повидится вино или водка плоха, то влить спорное вино въ порожнюю стклянку, и поставить ихъ съ тою запечатанною стклянкою, и къ свѣту посмотреть. И буде съ тою пробною стклянкою будетъ сходно, то нѣтъ въ ней примѣсу; а буде свѣтъ съ пробною стклянкою не сходенъ, то примѣсъ есть.

И буде тою пробкою невѣрно купцу или цѣловальнику явится, то для совершеннаго вѣроятія въ вышепомянутые вѣсочки влить того спорнаго питья вѣсомъ противъ трехъ пробъ, и буде у вина выгоритъ одна проба, то нѣтъ примѣсу; а у водки буде выгоритъ двѣ пробы, а отъ выгару останется одна проба, то въ водкѣ той примѣсу нѣтъ же; а буде вѣсъ такъ не придетъ, то есть въ немъ порча.

И тако освидѣтельствованное вино или водку запечатавъ, отнести къ камериру, и за тотъ примѣсъ чинить наказаніе жестокое, какое о томъ уложено будетъ. И за такимъ порядкомъ никакими дѣлы ни въ вино, ни водку воды или чего инаго будетъ не возможно примѣсить.

И аще тако устроено будетъ, то, я чаю, что тысячь ста по два-три и больше въ годъ при нынѣшнихъ сборахъ излишнія прибыли будутъ, и тоя прибыль и въ первомъ году означится, а впредъ, чаю, что и гораздо больше будетъ. А люди трезвѣе будутъ.

Я знаю,* что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле, и чтобъ пили больше, а того не разсудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ и во всякихъ дѣлахъ всякаго исправленія больше, а у промышленныхъ промыслы гораздо будутъ больше, а пьняныхъ людей и у приказныхъ все не споро, а у мастеровыхъ людей и спрашивать нечего: токмо отъ питья люди, а

* У Стр. я не знаю, т. е. я непонимаю, для чего и проч.

нашпаче отъ заморскаго, въ великое оскудѣніе приходятъ, и Царскому интересу препятіе немалое отъ излишняго питья чинится.

А что сдѣлали дворяне, еже бы имъ котлы клеймить и пошлина съ нихъ брать съ четырехведернаго котла по рублю на годъ, и донесли Его Царскому Величеству, будто отъ того приходу будетъ сбору пополненіе въ казнѣ, и тѣмъ они Государя своего оболгали. Сіе мочно и всякому разумѣть, что тутъ будетъ прибыли больше, если имъ вина некурить, и судовъ винокурныхъ не было бы у нихъ и слѣду.

И тѣмъ клейменьемъ оныя дворяне вмѣсто прибыли сдѣлали Ему Великому Государю убытку тысячь по десятку въ годъ и больше, а себѣ къ свободному винному куренію ворота отворили; ибо кто изъ нихъ заклеивъ котель дастъ съ него въ годъ рубль, а годомъ выкурить вина ведръ ста три или четыре, и буде продастъ, то возьметъ за него четыре ста рублей, и тою продажею Великому Государю учинить за тотъ данный съ котла рубль убытку въ питейной продажѣ рублей сто или больше въ годъ.

И за тѣмъ клейменіемъ свободно стало быть и не заклеивенными котлами курить вино. Въ Устрицкомъ стану дворянъ сотня-мѣсто, чаю, есть; а слышалъ я отъ Устрицкаго комиссара, что въ вѣдомствѣ его клейменныхъ только три котла, а вино всѣ рядомъ курятъ по лѣсамъ, да по доламъ; а иные и по домамъ за именемъ клейменныхъ котловъ курятъ, ничего опасаясь; и отъ той свободы питейные сборы весьма стали быть плохи.

А если клейменье отставить, и всякому воеводѣ послать изъ города подъячаго съ солдаты и расходчика съ деньгами, и велѣть у всѣхъ дворянъ котлы и трубы обратъ на Государя, и по настоящей цѣнѣ за мѣдъ деньги заплатить, а олово и свинець и всякую грязь на огнѣ выжечь, чтобъ Великому Государю въ томъ изъязну напрасно не было.

И взять у всѣхъ дворянъ сказки съ подрѣпленіемъ, чтобы имъ впредь посуды винокурной у себя отнюдь не имѣть, и созвавъ людей и крестьянъ сказать имъ явно, чтобъ люди ихъ и крестьяне всѣ вѣдали. А еже аще послѣ отбору у кого явится винокурный кубъ или труба, то та посуда взята будетъ на Государя, да на немъ же доправлено будетъ штрафу двадцать пять рублей или что уложено будетъ, а на дворовыхъ его людяхъ, колико въ домѣ его ни есть, за неизвѣтъ взято будетъ по пяти рублей на человѣка, а на крестьянѣхъ по два рубля съ полтиною на каждомъ человѣкѣ.

А буде коего дворянина дворовый человѣкъ или крестьянинъ, увидя у помѣщика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да шедъ извѣститъ, то дано ему будетъ дворовому человѣку пять рублей, а крестьянину полтретья рубля, да отъ помѣщика—свобода.

А для нуждъ ихъ дворянскихъ надлежитъ имъ учинить указъ, ежебы имъ брать вина ведра по два или по три на годъ, смотря по пожиткамъ или по чинамъ, по подрядной цѣнѣ, а для утечки и усышки приложить на ведро къ подрядной цѣнѣ по гривнѣ или какъ о томъ уложено будетъ.

Аще бо у дворянъ вина своего не будетъ, то и пить будутъ меньше, и по городамъ и по корчмамъ развозить не стануть, и приказнымъ людямъ или мастеровымъ за работу виномъ давать не будутъ.

Я не знаю, что въ томъ благодати или что добра, что много пить или до пьяна и людей поить? По моему мнѣнію, ради здравія тѣлеснаго полно человѣку чарки по три или по четыре на день пить, то онъ будетъ добръ и здоровъ, а буде ради веселія, мочно и еще толикое жъ число приложить.

А безмѣрное питіе ничего добраго не приноситъ, но токмо приноситъ ума порушеніе и здравія поврежденіе, пожитковъ лишеніе и безвременную смерть. А аще кто непромолчно будетъ пить безвоздержанно, то всего себя погубить; и того ради всячески надобно потщатися, какъ бы пьянства изъ народа поубавить.

И аще Великаго Государя изволеніе будетъ, что дворянамъ городовымъ брать вино съ кабаковъ по подрядной цѣнѣ, то надлежитъ сдѣлать имъ окладъ, по колику ведръ коимъ чинамъ въ годъ вина брать по подрядной цѣнѣ, и тотъ

складъ написавъ, разослать по градамъ, описавъ именно, коего города въ уѣздѣ кон дворяне живутъ, и въ тѣхъ городѣхъ и по тѣмъ окладнымъ книгамъ винобы имъ по всягодъ отпускали по подрядной цѣнѣ; и буде кто похощеть сверхъ того указнаго числа, то уже брать ему по подрядной цѣнѣ.

И ради раздачи дворянамъ вина учинить во всѣхъ городѣхъ на большихъ кабакахъ бурмистрамъ особыя записныя книги, и тое дачу записывать именно съ распискою, и со свидѣтельствомъ другихъ дворянъ, и тѣ свидѣтели къ той запискѣ во свидѣтельствѣ рукибъ прикладывали того ради, чтобы одинъ человекъ дважды не взялъ. И по окончаніи года въ концѣ тоя книги написать всѣхъ и прозванія по чину азбучному, чтобы всякаго дворянина сыскать мочно было безъ замедленія, колико кой дворянинъ вина взялъ, и кто у кого были свидѣтели. И тѣ подлинныя книги отсылать въ Камеръ-Колегію. И буде явится кой дворянинъ сверхъ указнаго числа вино излишнее,* то взять на немъ штрафъ—за всякое ведро излишнее по двадцати по пяти рублевъ, а съ свидѣтелей по пяти рублевъ на человекъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде кой дворянинъ или и офицеръ, взявъ указное вино и нелишнее, да кому продасть, то взять съ него штрафъ надлежащій, а кто купилъ, и на томъ такой штрафъ имать неотмѣнно.

А буде кто купя вино, да донесетъ вышнему того дѣла командиру, то взять штрафъ на продавцѣ, а купивый отъ штрафа свободенъ, и вино за доношеніе ему жъ отдать.

А буде подрядчикъ винный дворянинъ или купецкой человекъ продасть кому вина, или въ почестъ дать хотя приказнымъ людямъ, или въ займы ссудить кого, или приметъ у кого хлѣбъ, да высидитъ ему вина, то за всякое ведро взять штрафу на немъ по двадцати по пяти рублевъ, да ему жъ учинить наказаніе, какъ о томъ опредѣлено будетъ.

А водки продавать самыя низкія цѣны по шти рублевъ ведро, а фунтъ по двѣ гривны, а среднія по полтинѣ фунтъ, а крѣпкія аптекарскія водки, цефаликовой и апоплетиковой, коя строятся въ двадцать пробъ, по полтинѣ фунтъ, а съ сахарною приправою рессолись спиртъ минли елексиръ ветерегисъ (?) и крѣпительная мастехинная (?) по двадцати алтынъ фунтъ, которая строятся въ шестнадцать пробъ.

А меды вареные, чистые, кои подобны Рейнскому, продавать ведро по тридцати алтынъ фунтъ, а фунтъ по алтыну.

А малиновые меды и смородинные и прочіе, кои строятся изъ ягодъ безъ вина, продавать ведро по сороку алтынъ, а фунтъ по четыре копейки.

А кои съ виномъ строены такіе жъ ягодные меды, продавать по штидесять алтынъ, а фунтъ по два алтына.

А ставленныхъ бѣлыхъ медовъ продавать ведро по двадцати алтынъ, а фунтъ по двѣ копейки.

А пива самаго добраго и густаго продавать ведро по двадцати алтынъ, а фунтъ по грошу.

А расхожаго пива ведро по пятнадцати алтынъ, а фунтъ по три деньги.

А явку пивную и медовую и бражную, мню я, что ее отставить для того, что брать ее моташливо, а варельщикамъ не безъ грѣха; потому что сварить кто четверть, и объявить только одну осьмину, а кто сварить осьмину, а явить полуосьмину. И то, стало быть, неправда и грѣхъ, и всякой человекъ колико ни явить, а варить вдвое или втрое, а явится развѣ половина; а иные и не знаютъ, чтобы ему когда явиться.

А въ явочной запискѣ только однимъ подъячимъ покормка, а Великому Государю вельми не великъ доходъ.

А если явку отставить, то всѣ чины пиво варить и меды ставить будутъ безопасно, потому что вынимать у нихъ того питья никто не станетъ, и сваривъ, не станутъ торопиться, чтобы скоряе выпить, но будутъ прочнѣе держать, и ради сво-

* Недостаетъ глагола въ обоихъ спискахъ.

его здравія станутъ по малому числу пить, и грѣхъ тотъ минется, что глатъ будетъ уже не для чего, и клятвы въ неправдѣ не будутъ чинить.

А вмѣсто тѣхъ поторжныхъ явокъ и пивныхъ пошлинъ наложить пошлину на хмѣль, на пудъ хмѣля по четыре рубля, а на фунтъ по гривнѣ; то уже ни богатый, ни убогій, ни самый Сенатъ не избудеть того платежа: захочетъ пива, купитъ и хмѣль.

И за такимъ поведеніемъ всякаго званія человѣцы будутъ Великому Государю плательщики, и домашняго своего варенья даромъ не будутъ пить.

И еще тако уставлено будетъ, то сторичный прибытокъ при явочныхъ пошлинахъ будетъ; потому что хотя кто четверикъ сварить, а платежъ по варенію своему положить.

И во все города послать Его Императорскаго Величества указы, чтобы въ городѣхъ и въ деревняхъ бурмистры таможенные и цѣловальники указъ Его Величества вѣдали: буде кто везетъ хмѣль хотя и боярской безъ выписи, то тотъ взять на Государя безповоротно.

А буде кто привезъ хмѣль къ запискѣ, то записать его въ книгу именно, чей онъ есть, и буде продажный, то осмотритъ его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ песку и инаго какого примѣсу, потаеннаго или худаго хмѣля нѣтъ ли внутри, и не сыръ ли онъ; и буде есть какая виновность, то взять его на Великаго Государя безденежно.

А буде пороку никакого въ немъ нѣтъ, то взять съ него пошлину торговую съ цѣны по гривнѣ съ рубля, да накладныхъ почетыре рубля съ пуда. А буде не продажный, но везуть его на обиходъ барской, и съ того хмѣля взять только одну пошлину накладную по четыре рубля съ пуда; а хмѣля, добръ ли или плохъ, не досматривать, но каковъ онъ есть, таковъ и отпустить; только на все привѣситъ сколько его будетъ, и записавъ въ книгу дать ему для проѣзду выписъ, и въ выписи писать именно, что тотъ хмѣль непродажной, а и накладная пошлина взята сполна. И буде кой хмѣль у нихъ за обиходомъ, будетъ и похотятъ его продать, тогда взять съ него одну торговую пошлину съ настоящія цѣны по гривнѣ съ рубля, кромѣ накладныхъ пошлинъ; и колико у кого бурмистра тѣхъ накладныхъ пошлинъ соберется, записать особою статьею.

А который порочной хмѣль взять будетъ на Государя, и то взятыя записывать въ закрѣпленную книгу именно, и отдавать тѣ хмѣли на кабаки по настоящей цѣнѣ безъ накладныхъ пошлинъ.

Такожде и съ меда продажаго брать пошлина торговая съ настоящія цѣны по гривнѣ съ рубля; а да накладныхъ пошлинъ по сороку алтынъ съ пуда, кто везетъ про себя или про боярской обиходъ, а не на продажу, и съ того меда брать пошлина одна накладная по сороку алтынъ съ пуда, и записывать такожде въ закрѣпленную книгу, и та книга имѣть отъ купецкихъ особлива. И колико съ хмѣля и съ меда непродажнаго накладныхъ пошлинъ у коего бурмистра ни соберется, писать особливо статьею, и что соберется тѣхъ же накладныхъ пошлинъ съ купечества, и тѣ писать особливоже статьею, чтобъ было извѣстно, колико въ годъ тѣхъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля и съ меда соберется. И весь тотъ сборъ десятиный и накладный управлять будутъ одни таможенные бурмистры.

А буде кой господинъ не похочетъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля или съ меда платить, то тотъ хмѣль и медъ имать на Государя, и имъ изъ сборныхъ денегъ тѣмъ же бурмистрамъ выдать имъ деньги по настоящей цѣнѣ, по чему въ запискѣ; у купечества только вычитать изъ тѣхъ денегъ за торговую пошлину гривенную. А буде подрядится подъ хмѣль или подъ медъ еже поставитъ ему про Государской обиходъ на дворецъ или и на кабаки, то тѣмъ подрядчикамъ дворцовымъ брать указы изъ дворца, а кабацкимъ отъ камерировъ.

И гдѣ что купятъ они, тамошнимъ бурмистрамъ осмотрѣть тотъ хмѣль, не сыръ ли онъ, и нѣтъ ли въ немъ подмѣси, какой или стебелья и листу; и буде нѣтъ никакого порока, то привѣситъ его, и съ покупной цѣны взять торговая пошлина гривенную, а накладной пошлины не брать и давать ему

выпись. Такожде и медь осматривать, нѣтъ ли въ немъ худаго подмѣсу или мерлины; и буде добръ, то по тому же взять съ цѣны по гривнѣ съ рубля, а накладной пошлины не имать же, и привѣся и справяся, отпустить съ выписью; а въ выписяхъ писать именно, что оно куплено не на продажу, но на обиходъ дворцовой или кабацкой. А буде кой хмѣль или медь съ подмѣсомъ, и тотъ хмѣль или медь имать на Государя безповоротно; да на немъ же доправить штрафу толикое число, чего тотъ товаръ стоитъ. А буде кой хмѣль или медь въ тамошнѣ былъ, и бурмистръ выпись даль, а послѣ осмотрять лавчаникъ или кто ни есть, что есть подмѣсъ, то взять штрафъ, кто выпись даль за то, что тому продавцу помирволилъ.

Въ Россіи изъначала при Великихъ Князѣхъ и при первомъ Россійскомъ Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ были дѣланы деньги изъ самаго чистаго серебра, на кости плавленнаго; чему явное свидѣтельство тыи старыя деньги, и нынѣ въ мірѣ обрѣтающіяся.

А при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начали дѣлать изъ ефимочнаго серебра на кости не переплавлявая. А нынѣ иноземцы приглашаютъ, чтобы и въ ефимочное серебро на дробныя деньги прилагать мѣди большую часть.

И я, еще и самый мизирный человекъ, усмотря то начинаніе, не могъ утерпѣть, ежебы не объявить объ оныхъ что въ нихъ проку будетъ. Въ 718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что такія деньги вельми къ воровству способны, и самое денежнымъ ворами предводительство будетъ, и для поданія приходилъ къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщиками не могъ получить, ежебы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ кучеру Куріеву * Егору Сергѣеву, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу, или нѣтъ, про то не вѣмъ, ** „или самъ прочелъ, не вѣмъ.“ И того ради въ сей главѣ Царскаго интереса умыслихъ изъяснити и предъявихъ о той самой Царской прибыли, которая не изъ чего родится, токмо отъ изволенія Царскаго.

И о семъ мнѣніе мое тако лежитъ, еже бы о денежномъ дѣлѣ тѣшаніе великое приложить, отъ чего Царская сокровища могутъ наполниться, и народъ пользу не малу воспринять.

И управить его годствуетъ твердымъ разумомъ, дабы пороку въ нихъ во вѣки не было, и чтобы никто воровски сдѣлать ихъ не могъ, и во уставленіи о томъ ни малыя бѣ измѣны не чинить, но яко столпу быть неподвижному. И о семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми умы, а не вѣтренными помыслить о нихъ, како бы ихъ устроить, дабы онѣ прочны и непорочны и похвальны были.

И по моему мнѣнію зрится: лучше, еже бы серебряныя деньги привести серебромъ въ древнюю чистоту, или паче, чтобъ денежнаго серебра ни въ какихъ вещахъ лучше не было.

Яко у насъ въ Россіи вѣра содержитсяъ Христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическаго неимущая, тако требѣ и деньгамъ Россійскимъ быть самымъ чистымъ безъ всякаго примѣса, и еже бы имъ ото всѣхъ иностранныхъ отмѣннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра.

И аще Великій нашъ Монархъ Всероссійскій Императоръ изволить противу древнихъ нашихъ Россійскихъ денегъ чистотою или и чище дѣлать, то паки въ вѣчные роды онѣ будутъ похвальны.

Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію

* У Стр. только кучеру вѣрно курьеру.

** Слово въ скобкахъ у Стр. нѣтъ.

въ нихъ матеріялу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имя Его Царскаго Величества назначено, то мы честно и опасно хранимъ. И подъ именемъ Его Императорскаго Величества еще мѣдь, то и мѣдь подобаеъ полагати самую чистую безъ всякаго примѣса; буде же серебро, то и серебро самое жѣ чистое и безпорочное и было бѣ; буде золото, то уже бы золото оно и было самое чистое и честное, чтобъ оно всѣхъ земель превозвышало. Мое желаніе къ сему тако лежитъ, чтобъ такъ въ червонцы золото учредить, что выше солтаней его поставить, дабы на весь свѣтъ не токмо при животѣ сего, но и по смерти нашего Монарха имя славилось; то бы добро во всѣхъ земляхъ паче салтаніи за нихъ хватались, понеже червонцы не ради торгу или приобрѣтенія богатства, но ради самыя сильныя и прочныя славы Его Величества.

Видѣлъ я: Россійскіе червонцы состроены маниромъ и мастерствомъ самыя честныя, а существомъ уронены; ибо въ иныхъ золото плохо и въ запарку нейдетъ, а надобно, чтобъ и въ сусальное золото годны были безъ прожиганія.

А и серебряныя деньги еще и не надлежитъ во иныя земли отпускать, обаче лучше ихъ изъ самого жѣ чистаго серебра, чтобъ они противъ Царь-Ивановскихъ денежекъ чистотою были и лучше, дабы въ роды родовъ имя его и межъ поселяны славилось чистотою серебра въ деньгахъ.

И таковыя деньги надлежитъ въ торгахъ Русскихъ имѣть, за рубежи жѣ отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо одни червонцы отпускать.

Подобнѣ и мѣдныя деньги надлежитъ дѣлать изъ чистыя мѣди безъ примѣсу серебра и безъ закрасы временной, еже бы ей снова являтися яко серебряной, послѣдижъ яко мѣдной; но надобно ихъ устроить, якова коя изъ дѣла выдетъ, такова бѣ и во вѣки вѣковъ была неизмѣнна.

А дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдныя деньги мочно дѣлать гривенничи вѣсомъ по золотнику, алтынники по полузолотнику, а копейки по четверти золотника.

И еще кто речеть ми: для чего въ добрыхъ копейкахъ золотникъ къ мѣди пойдетъ по четыре копейки, а въ алтынникахъ по шти копеекъ, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ?

Отвѣтствую: мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого Его Царское именованіе. Того ради мы не вѣсь въ нихъ числимъ, но счисляемъ начертаніе на ней.

Есть перваго выхода денежки вѣсомъ по полтора золотника; то она еще вѣсомъ и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдетъ. А на коей цѣтѣ золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за гривну ходить будетъ. И по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсь имѣеть силу, но Царская воля.

У иноземцевъ короли такой власти не имѣютъ яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числятъ, а королевскую персону полагаютъ на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цѣта имѣеть въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ.

И тыи иноземцы хотятъ то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара, того ради прилагаютъ въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стоила матеріяломъ своимъ того, за колико ей ходить. И мнѣ ся мнить, той ихъ совѣтъ вельми намъ неприятенъ, непристоенъ; понеже у насъ самый властительный и всецѣлый Монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ. И того ради мы не серебро почитаемъ ниже мѣдь цѣнимъ, но намъ честно и сильно именованіе Его Императорскаго Величества; у насъ только сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повелѣлъ на

мѣдной золотниковой цѣтѣ положить рублевое начертаніе, тобы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно.

А въ тѣхъ сумѣсныхъ деньгахъ первый главный и несносный намъ вѣрнымъ Его Императорскаго Величества рабомъ порокъ, еже по цѣнѣ въ деньгахъ товару снизить Его Величества именованіе.

Другой въ нихъ будетъ, еже вложенное въ нихъ серебро ни за что погнѣнеть.

Третій порокъ, что воровскимъ деньгамъ будетъ великое предводительство, еже уже и явилось.

Въ деньгахъ такъ надобно ухитрить, чтобъ онѣ не токмо Царскому Величеству, но и всему бѣ народу полезны были, и чтобъ никто воровски сдѣлать ихъ не могъ. Намъ всѣмъ надобно вымышлять и стараться о томъ, како бы воровство и всякія неправды изъ народу истребити, и правда насадить, и всякое пореченіе отъ Россійскаго народа отлучить.

И тѣ вышеупомянутыя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажко и воровскія появились. И я* ихъ въ томъ году двѣ копейки, да алтынникъ воровской, увидѣлъ, и, взявъ ихъ къ себѣ, доношеніе о нихъ написалъ, и по два дня ходилъ я къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову и получить не могъ, еже бы то доношеніе вручить ему; понеже въ то время походъ былъ Царскаго Величества въ Заонежье къ лекарственнымъ водамъ. И я видя то, съѣхалъ въ Новгородъ, и за тѣмъ то доношеніе замотчалось.

И аще тѣ съ примѣсомъ серебра деньги неизмѣнятся, то весьма воровства много въ народѣ будетъ; а если отъ воровства убѣжать и прибыли въ деньгахъ поискать, то мочно дѣлать изъ самыя чистыя мѣди легкія.

И аще Его Императорскаго Величества изволеніе сичевое будетъ, ежебѣ ради пополненія казны и ради всенародныя пользы дѣлать изъ золотника мѣди по 4 копейки, то изъ фунта будетъ ихъ три рубля 28 алтынъ, а изъ пуда 153 рубля 20 алтынъ; а алтынниковъ по два изъ золотника дѣлать, то изъ фунта ихъ будетъ 5 рублей 25 алтынъ съ копейкой, а изъ пуда выйдетъ ихъ 230 рублей 4 гривны; а гривенниковъ по одному изъ золотника, то изъ фунта будетъ ихъ 9 рублей 20 алтынъ, а изъ пуда будетъ ихъ 384 рубля.

И потому развѣсу аще пудъ мѣди передѣлать въ копейки, то прибыли у пуда будетъ 140 рублей.

А алтынниковъ у пуда будетъ прибыли 220 рублей, а у пуда же гривенниковъ прибыли будетъ 370 рублей; и въ годъ если мѣди передѣлать 15000 пудъ и въ томъ числѣ 5000 пудъ передѣлать въ копейки, то прибыли у нихъ въ годъ будетъ 70000 рублей.

А алтынники если передѣлать 3000 пудъ, то прибыли будетъ 66000 пудъ.

А въ гривенники если передѣлать 2000 пудъ, то будетъ у нихъ прибыли 37000 рублей, и всего у 10000 пудъ мѣди за всѣми расходы будетъ прибыли 184000 рублей.

И ради истребленія воровства прежнія мѣдныя деньги надлежитъ всѣ передѣлать въ такіяжъ деньги, то сверхъ прежнія прибыли будетъ и отъ нихъ приплоду милліона три-четыре или больше. А если старыхъ не передѣлать, то и воровства изъ нихъ не искоренить; понеже много явилось въ нихъ отливныхъ.

И буде ихъ не окончить, то и впредъ отливать ихъ будутъ, а сихъ новыхъ денегъ не отлить, ни запечатать воровски будетъ невозможно.

Къ сему же аще и серебряные всѣ старыя дробныя копейки переплавить на костяхъ на сухо, и передѣлать ихъ въ полтины и рублевыя монеты, то и у нихъ прибыли будетъ не малое число.

И мое мнѣніе лежитъ не о однѣхъ токмо деньгахъ, но всякая вещь коя носить на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной.

Того бо ради и о винѣ предъявить, еже бы держать и продавать на кружечныхъ дворѣхъ самое чистое и честное вино, чтобы въ домѣхъ мало такого

* У Стр. присмотря.

обруталось. Также и прочія питья, кои подъ именемъ Царскимъ, были бь самыя добрыя, несравненно съ домовыми питья вкусомъ и чистотою, и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя, и ни малыя бы гнусности въ нихъ бы не было; потому что всѣ питейныя продажи носятъ на себѣ имя Царское. И по такому наименованію надлежитъ ему быть честну, а не безчестну, и людемъ упившимся было бы въ нихъ охраненіе, а грабленія при нихъ не было бы. А у насъ все сіе противно дѣется. И при кабакахъ зернщиковъ отнюдь не надобно, кромѣ караульщиковъ и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая. А буде кой офицеръ или солдатъ, выпивъ питье, да сосудъ броситъ о землю и разобьетъ, то таковыхъ надлежитъ штрафовать съ нескуднымъ наказаніемъ, чтобъ такого дому питейному руганія и обиды не чинили.

Такъ надобно кабаки устроить: буде кто путемъ идучи днемъ или ночью, что до кабака дошелъ, то уже бы безпечаленъ былъ.

И аще и товаръ какой случится Царской, то и товару тому надлежитъ быть лучше прочихъ товаровъ; и аще кой товаръ лучше простоподиннаго не будетъ, то не надобно его и нарицать Царскимъ, но такіе товары держать имъ купецкимъ людемъ, а не Царю.

Царь-судья и подобенъ онъ Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя Царское отъ мірскихъ нельзя быть неотмѣннѣ; ибо и въ судѣ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну—всѣмъ судъ единъ; и то сталъ быть судъ Божій.

И аще денежное дѣло серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ обновится, комуужь и таможенные сборы и питейная продажа измѣнится, то, я чаю, что на самую малую мѣру милліона по три и по четыре на годъ сверхъ нынѣшнихъ настоящихъ сборовъ приходитъ будетъ.

А аще вся вышесказанная дѣла исправятся, и утвердятся, то я крѣпко на Божію милость надеженъ, что Его Императорскому Величеству на каждой годъ милліоновъ по пяти-шти и больше сверхъ нынѣшнихъ сборовъ приходитъ будетъ.

И аще Его Царскаго Величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлѣхъ, и о крестьянствѣ, и о не трудномъ умноженіи и собраніи казны Его Царскаго Величества, то я, за помощью Божіею, безъ сумнѣнія могу рещи, еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ; и не токмо Царская сокровища наполнятся, но и вси жители Россійстїи обогатятся и прославятся; и аще и военное дѣло возобновится, то не токмо единою славою прославятся, но и страшны всѣмъ окрестнымъ государствомъ будутъ. Аминь.

И сія мнѣнія моего изъяснительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и неисправностей, и о насаженіи прямая правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написахъ не обинуясь, и предлагаю на разсужденіе единаго высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго, истиннаго Самодержца, и столпа незыблемаго. О семъ же свидѣтель ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалися во мнѣ, еже никакая нужда пресѣщи не могла. Ибо аще и невелика сія книжица, обаче едва отъ многосуетїи своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократно переписы-

валъ ю, обаче ни отъ кого ни видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народъ не произнеслося сіе мое предложеніе.

И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды; понеже писахъ, не слагая имъ. ✓

Паче же да будетъ воля Божія и твоя превысокая Царская воля во мнѣ. Аминь.

Яко аще кто восхощетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуетъ, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичицъ, правды же всеусердный желатель, ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ, утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнимъ трудомъ восписавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь. ✓

Февраля 24.

1724.

О РАТНОМЪ ПОВЕДЕНИИ.

ДОНЕСЕНІЕ

БОЯРИНУ ФЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ

ГОЛОВИНУ.

ПОДАЛЪ ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

1701 года.

0 PATHOM P NOBETHIN

1901

HONORARY MEMBER ALEXANDER

TO JOHN H.

EDWARD WARD DOUGLASS

1901

Это сочиненіе Посошкова напечатано было г. Розановымъ подь слѣдующимъ заглавіемъ:

„Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе Ивана Посошкова, поданное боярину Федору Алексѣевичу Головину. 1701 года, съ присовокупленіемъ Отечественнаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Издвненіемъ Ѳ. Розанова. Въ Москвѣ, 1793“ въ 16 лю, 123 стр.

Съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

„Сіе старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно: ибо показываетъ образъ мыслей, какой имѣли Русскіе минувшаго столѣтія о новыхъ въ Государствѣ нашемъ Европейскихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предрасудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Посошкова, до тактики касающіяся, несмотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Расчисленія его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ снарядамъ. Въ похвалу сочинителя служитъ то, что онъ писалъ отъ добраго сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, отъ Государевыхъ назначеній происходившую, но не въ силахъ былъ, по непросвѣщенію своему, проникать далѣе.“

„Родительское наставленіе отправленному въ Голландію юному сыну открываетъ главныя правила въ воспитаніи соотчичей нашихъ прошедшаго вѣка; оно наполнено ученіемъ никогда не старѣющейся истины.“

Въ Тройцѣ славимаго Бога прошу о подаваніи вразумленія; твоюжь милость, Государь Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, прошу о прощеніи въ моихъ погрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возвѣщаетъ тако, что Богъ изводитъ честное и отъ недостойнаго,* якоже и древле бысть: отъ челюсти скверные извелъ Богъ Сампсону въ жажду его источникъ чистые воды. И сему примѣняющися, аще и худши ослия челюсти, обаче на волю Божию надѣющися,** дерзнухъ и азъ нѣчто изнести о воинскомъ дѣлѣ, понеже есть жажда Великому Государю о воинскомъ дѣлѣ. И якоже Сампсону Богъ утолилъ жажду чрезъ ослию челюсть, и нынѣ той же Богъ, яко чрезъ сухую кость, негли и чрезъ мое непристойство и сухомысліе учинить ему Великому Государю нѣчто полезное и прохладительное; аще и младенчески вѣщаю, но Богъ можетъ.

Амалики*** копіями, и бердышами, и ножами, славы себе достигли, а огненнымъ ружьемъ и не хвалились, понеже владѣть имъ не умѣли. А нынѣшняя пѣхота наипаче прежней пѣхоты тцаніемъ и раченіемъ Великаго Государя многократно лутши изученна суть всякому шеренежному строю и скорообращательному бою. И та вышереченная прежніе пѣхоты похвала, по нашему простому разумѣнію, малая похвала; но тобъ самая добрая похвала, ежебъ непріятели не допуская до рукъ своихъ поразить. И естли бы, Государь, научить**** хотя одинъ полкъ Преображенской, или Семеновской, или новой какой охотниковъ изъ стариковъ и изъ новиковъ выбрать изволилъ, тысячь пять-шесть или десятокъ собрать, и научить ихъ такимъ твердымъ стрѣляніемъ, чтобъ ни одинъ пули даромъ не потерялъ, но почемубъ ни похотѣлъ стрѣлить, потому бъ и попалъ.

А напорнаго ради непріятели, нужда есть и до копей, а потомъ и до бердышей, или до обоюдниковъ, а потомъ нужда надлежитъ и до ножей.

И естли воля Великаго Государя на сицовое дѣло по тцанію твоему произыдетъ, то ружье ужъ надобно доброе, чтобы въ немъ оборона была; порохъ надобно доброй же; пищали бъ цѣльныя были, чтобъ трудъ воинской не тунѣ погибалъ; и чтобъ пуля въ послушаніи у нихъ была, куды бъ похотѣлъ воинъ послать ее, туды бъ она дошла; такожде и копія были бъ острыя, яко ножи, чтобъ никакое густое платье не одержало ихъ; и древки бъ у нихъ были твердыя; и присадка бъ у нихъ была твердаяжь, чтобъ въ присадѣ копы съ древокъ не ломались; такожде и бердыши и обоюдники были бъ острые, а не якожь прежде бывшіе, что и одного кафтана просѣчь не могли; такожде и ножи были бъ самые острые, и концы самые жъ у нихъ острые были, и въ черенахъ бы они были твердые, и черенъ бы у нихъ было толстое съ костылями или съ какимъ инымъ препятіемъ, чтобъ во время нужды руки у себя не обрѣзать.

Худъ тотъ холопъ, кой воли господа своего не творить; такожде худо то и ружье, въ коемъ обороны нѣтъ. По нашему зрится въ воинскомъ дѣлѣ то и первое дѣло, чтобъ ружье было доброе, а къ ружью ужъ надобно и воинъ доброй; а если ружье недѣйствительно, то воину нечего храбростію своею безъ ружья дѣлать.

* Такъ въ моемъ спискѣ; у Роз. неправильно: и не отъ недостойнаго.

** У Роз. надѣющійся.

*** Въ моемъ спискѣ ошибка: и малаянія.

**** У Роз. естли бы Государь научилъ.

Сіе, Государь, всѣмъ зримо, что въ нынѣшнюю Ругодѣвскую* войну, сказываютъ, Преображенскіе и Семеновскіе солдаты что выстрѣлили зарядовъ по 20 и большіе, а убитыхъ Шведовъ мало явилось. Хотя бѣ они въ 50 выстрѣлахъ по одному человѣку убили, тобѣ славна побѣда была; а то, Богъ вѣсть, работы людскою и истраты казнѣ много было, а дѣла мало.

А если бы и по одному заряду выстрѣлили, да всякой бы убилъ, то бы и всѣхъ на голову побили; а мнѣ, Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ, въ разумъ вмѣстить немочно, что въ томъ за польза, что много огня, а убою ничего нѣтъ, лише свинцу и пороху истеря даровая, а солдатамъ лишняя работа.

По моему, Государь, мнѣнію, дружная стрѣльба только что красиво смотрѣть,** а непріятелю нестрашна она; а цѣльная стрѣльба хотя некрасива стрѣльбою, только непріятелю страшна будетъ, и казна Великаго Государя спорабѣ была, а солдатомъ покойно.

И если сіе мое изреченіе Великому Государю будетъ угодно, и быть сему поволить, то мнитсѣ мнѣ, что и жалованье умѣющимъ солдатамъ учинить разное. Кои умѣтъ будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бѣ по рублю или по два, при прежнемъ жалованьѣ прибавить. А кой по шапкѣ жѣ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижной, и никогда жѣ не грѣшить, и такому и передъ тѣмъ прибавка жѣ бы учинить; а кой по малой цѣли, якобѣ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и тому напаче вящее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую цѣль въ подвижную будетъ бить безызмѣнно, и такому и гораздо доведетсѣ лишнее дать, чтобѣ на то зря, другъ предъ другомъ ревновали и въ наученіи подвизались.

И если Великій Государь изволить сицевымъ подобіемъ жалованье расположить, то многіе будутъ учиться стрѣлять и своимъ порохомъ; и начальнымъ людямъ по дружбѣ нельзя никого въ большой окладъ справить; всякому будетъ достойное жалованье по его умѣнію; и если довольное жалованье добрымъ мастерамъ учинено будетъ, то, чаю, что и съ воли многіе, кои ружьемъ владѣютъ, въ солдатской чинѣ и изъ добрыхъ домовъ пойдутъ.

И если такихъ удалыхъ стрѣльцовъ тысячъ десятокъ человѣкъ собрать, и научить ихъ скорообращательному строю, то, чаю, что та 10 тысячъ лучше 50 тысячъ у дѣла будутъ: тобѣ нашему Великому Государю самая достохвальная слава и радостная война была, что малыми людьми многолюднаго непріятеля побѣждалъ.

Дружное, Государь, стрѣляніе хотя и красиво зритца, а какъ строй непріятель сомнетъ, то и умѣніе дружные стрѣльбы бросить; а цѣльнаго стрѣлянія никогда непріятель отнять не можетъ, потому, хотя человѣкъ пять-шесть гдѣ захватятъ, и тѣхъ даромъ взять не возмогутъ.

А кои стрѣлять въ цѣль не умѣютъ, и тѣмъ лучши владѣтъ копыями и инымъ студенымъ ружьемъ: кто чему гораздъ, тому тѣмъ хорошо и владѣтъ.

Такожде если бы Великій Государь изволилъ и конницу учинить огнестрѣльную такую, чтобы скачучи на кони прыткостію, по цѣли били изъ длиннаго ружья саженьхъ въ 20, а изъ пистолей въ 5 саженьхъ. И если Великій Государь наградить довольнымъ жалованьемъ, по разсмотрѣнію коегождо умѣнія, то многіе изъ домовъ боярскихъ и сытые люди пойдутъ въ конской строй, и изъ иныхъ изо всякихъ чиновъ тѣшатсѣ въ такіе драгуны будутъ. И если такихъ удалцовъ собрать хотя одна тысяча, чтобѣ ни единъ изъ длиннаго ружья и изъ пистолей никогда не грѣшилъ, и такаябѣ тысяча замѣнила паче 10 тысячъ.

А у насъ, Государь, въ Руси обрѣтаются такіе стрѣльцы въ Низовыхъ городѣхъ и въ Сибирскихъ странахъ, что скачучи на кони, изъ длиннаго ружья въ цѣль бьютъ и заряжаютъ; только пистольнаго стрѣлянія не знаютъ. И если

* Въ Роз. сп. неправильно: Ругодѣльскую.

** Въ моемъ сп. кажется неправильно: смотритъ.

такихъ стрѣльцовъ конныхъ научить и пистольной стрѣльбѣ и шереношному строенію, то кому бы такая конница нестрашна была!

И если бы Богъ изволилъ и Великій Государь съ сицевымъ умѣніемъ пѣхотные и конные полки построилъ, то Богъ вѣсть, кто бы могъ противъ его Великаго Государя стоять.

Да къ тому если бы еще научились и изъ пушекъ стрѣлять въ цѣль же, то бы почему захотѣли, потому бы и били безъ погрѣшенія, то бы страшны Русскіе люди всѣмъ окрестнымъ Государствамъ были. А буде Государь, въ Руси такова человекъ не изыщется, кой бы могъ пушечную стрѣльбу устроить, то бы даромъ пули не пропадали, инъ хотя бы великою цѣною изъ тѣхъ земель мастеровъ добыть, въ коихъ таковыя обрѣтаются, что по одному человеку умѣютъ убить, и пушкѣ въ дуло вбиваютъ. (?)

Да къ тому, если бы Великій Государь изволилъ рогатки подѣлать на колесахъ съ огненнымъ боемъ, то бы мочно съ ними наступать и отводомъ идти безъ трудности. И если рогаточную стрѣльбу управить по намѣренію моему, то чаялъ бы я, за помощію Божіею, защитѣ въ нихъ отъ непріятелей великой быть, потому, если по слову Великаго Государя, якожь ми прошлаго году въ Преображенскомъ на сержантскомъ дворѣ изъ своихъ Царскихъ устъ изрекъ, то бы сдѣлать рогатки огнестрѣльные въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пицалѣ, обращающейся на все стороны, самыя цѣльныя съ замками, то бы непріятели встрѣтить мочно было сажень за сто и больши, или въ погоню за ними стрѣлить. И потому его Государскому словеси нынѣ для примѣру маленькую деревянную рогатку я сдѣлалъ. И буде поволитъ тотъ образчикъ Великому Государю объявить, и если тѣмъ образцомъ Великій Государь укажетъ рогатки двѣ-три сдѣлать совершенныя, какъ имъ доведется быть, и на тѣ рогатки, зря, мочно всю силу въ нихъ познать, коль онѣ скороспѣшны къ стрѣльбѣ, и коль тяжелы на походѣ, и что за ними дѣла, то всѣмъ будетъ явно.

Дѣложь въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть заправить стволы пулями или желѣзными жеребьями, и поставить ихъ на причинныхъ мѣстѣхъ и устроить ихъ, то бы стояли стволы въ груди человеку, и запалить верхней рядъ въ то время, какъ непріатель будетъ въ 30 или въ 40 саженьяхъ отъ рогатокъ, то бы ружью мочно взять,* и пули бы даромъ не пропадали.

И буде непріатель будетъ напоренъ, и черезъ побитыхъ передовыхъ людей станетъ выправливаться, и въ то время запалить другой запасъ.

И буде заупрямятся и начнутъ еще справливаться, и тогда запалить изъ третьяго ряду; а въ то время спѣютъ первой рядъ накі заправить, и къ стрѣльбѣ уготовить.

И буде и еще непріатель будетъ нартитца, то хотя до десяти разовъ, или и больше, то мочно одною рогаточною стрѣльбою непріятели отъ обозу отбивать.

А буде непріателю рогаточная стрѣльба не понравится и поворотитъ прочь, и того ради доведетца изъ затинныхъ пицалей въ погоню за ними стрѣлять: и како я мышлю, и если бы тако и на дѣлѣ было, то бы отъ однихъ рогатокъ велико на непріятели поражение было.

И если бы вся сія тако устроилася, да къ тому же если бы Богъ способъ далъ доброй, то бы дивная война была, и на весь свѣтъ славна бы Русь была.

Еще же и сіе изреку, егда лучитца на приступѣ градскомъ быть и изъ шанцовъ стрѣлять, то что поможетъ дружное стрѣляніе? Съ тѣмъ множествомъ стрѣлянія ни чего же вредить; но въ шанцахъ нужда мнитца быти до самаго умѣнія стрѣляльнаго. Такіе надобно умѣльцы, то бы человекъ лишь бы въ окошко глянулъ, или межъ зубцовъ мелькнулъ, анъ его надобно и убить, и какъ кто въ цѣль стрѣлять не умѣетъ, тому въ шанцы и ходить не для чего.

Зачто въ шанцахъ вылазные непріатели много побиваютъ? Явѣ за то, что стрѣлять въ цѣль ошанцовавшіеся не умѣютъ; и хотя и много стрѣляютъ, да не попадаютъ и лише себѣ трудъ чинять, а непріатель сѣчетъ и рубитъ даромъ.

* Въ боемъ сп. то бы ружье мочно взяло.

А естли бы такіе были умѣльцы, чтобъ всякая пуля въ человѣка посажена была, а мимоъ ни кто никогда не могъ стрѣлять, то чтобъ вылазка шкоды сидящимъ въ шанцахъ починила! Только бѣ сами пропали, чтобъ и назадъ ихъ не упустили.

Такожде и на отводныхъ караулѣхъ что пользуется пищаль, аще не умѣеть цѣльно въ человѣка изъ нее попасть? Развѣ только вѣсть полку подасть, а самъ пропадетъ даромъ, а умѣющій стрѣлецъ и на отводномъ караулѣ хотящаго его скрасть убьетъ, и даромъ не пропадетъ, но голову на голову смѣняетъ.

Еще же и сего нужнѣе умѣніе стрѣляльное на водяномъ бою: по тому корабль на морѣ покойно стоять никогда не можетъ, но всегда онъ шатается; такожде и мѣлкія суды за колебаніе морское стоять неподвижно не могутъ; и въ морскомъ воеваніи что успѣеть дружная, а не цѣльная стрѣльба? Мнѣ, Государь, сіе тако размышляется, что на морѣ надобно самыя удалыя стрѣльцы, чтобъ могли съ руки въ подвижную цѣль бить безъ облышки; а естли не такъ, то некакъ на морѣ воевать. Я истинно, Государь, не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою.

Мнѣ, Государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; * а праведноль я сумняюся или блазнюся, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ торгами и всякими промыслами промышленяють компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлѣхъ себя они и свою брагію хранятъ, и возносятъ, а насъ ни вочто вмѣняютъ.

И тому ихъ торговому содружію примѣняяся, мнѣніе ми приходитъ такое, что диво тако, да не компанствамилижъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самую истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегдабъ въ поношеніи были, и всегдабъ ихъ за господъ себѣ имѣли.

И естли, Государь, война правится компанствамижъ ихъ, то вельми надобно ихъ бояться, дабы горши прошлогодняго вреду впредь сего не починили. Вѣрить имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки.

А за благодатію Божіею у Великаго Государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе ** науками, а наши острою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно.

Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ. Диражъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Рускіе люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца къ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много, и коихъ мало. *** Такожде пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь подобались и коихъ залишкомъ. И кои ихъ товары подобались, тѣхъ они и вывезутъ; а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ.

А наши бѣдные къ городу пріѣдутъ съ товарами, и пріѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колько есть и станеть у него торговать самую цѣною малою, потому что про цѣну наглядно знаютъ, и многоль коихъ товаровъ пасено, знаютъ же.

И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваучись, а Рускіе люди жилы изъ себя изрываючи.

* Въ моемъ сп. о иноземцахъ.

** Въ моемъ сп. ушлѣе.

*** У Роз. ниже.

А естли бы почты иноземской не было, тобъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не зналижъ бы, и торгъ бы былъ безъ обиды.

Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублевъ, и то почитаютъ Великому Государю въ прибыль, а въ то мѣсто изъяну чинять на многія тысячи.

Наипачежъ того, что, чаю, всякія вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и естли совершенно вѣсти всякія, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то что по сту рублевъ, ни по сту тысячъ не доведетца за почту брать.

Мнѣ, Государь, мнитца, что лучшибъ та дира загородить накрѣпко; а крѣпче того не лзя, что почта, буде мочно, то оставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздакомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ пныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносились.

Еще, Государь, предлагаю предъ очи твои примѣръ о ратныхъ дѣлахъ на пополненіе вышписанныхъ рѣчей, со исчисленіемъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и оружейнаго расхода.

Простой, Государь, пѣхотѣ денежнаго жалованья, на примѣръ, положить хотя по 10 рублевъ на годъ, хлѣба по 10 четвертей на человѣка, подъемныхъ по 3 рубли; если собрать той статьи пѣхоты 50 тысячъ, то надобно имъ денегъ на жалованье 500 тысячъ рублевъ; хлѣбъ, если положить по полтинѣ четверть, и того будетъ 250 тысячъ рублевъ; подъемныхъ 150 тысячъ рублевъ.

И всего имется имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья годового 750 тысячъ рублевъ, да подъемныхъ 150 тысячъ рублевъ; обоего 900 тысячъ рублевъ.

Имъ же ружья надобно всякому солдату: по пицалѣ—и если всякая пицаль положить по два рубли, и того будетъ 100 тысячъ рублевъ; богинеты хотя по полтинѣ, и того 25 тысячъ рублевъ; пороху по 5 фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по гривнѣ, и того 25 тысячъ рублевъ; пулекъ по 5 же фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по алтыну, и того будетъ 7500 рублевъ, всего на ружья и на порохъ надобно 157,500 рублевъ.

Ихъ же естли кормить на службѣ Государевымъ кормомъ, и естли на мѣсяць положить корму по рублю на человѣка, и на 3 мѣсяца на кормъ изойдетъ казны 150 тысячъ рублевъ.

И всего 50 тысячъ человѣкомъ жалованья и ружья и пороху и на 3 мѣсяца корму имется 1,207,500 рублевъ.

А естли, Государь, собрать самыхъ умѣтельныхъ стрѣльцовъ, чтобъ ни одинъ и въ самомъ скоростномъ стрѣляніи пули даромъ не бросилъ, и по моему, Государь, мнѣнію такихъ умѣющихъ стрѣльцовъ полно и 10 тысячъ человѣкъ, нежели вышписанныхъ 50 тысячъ человѣкъ; и жалованья хотя по 30 рублевъ будетъ имъ учинено на годъ, и хлѣба хотя по 20 четвертей на человѣка, подъемныхъ хотя по 5 рублевъ, то Великому Государю валовыхъ вышписанныхъ 50-ти тысячъ человѣкъ гораздо бѣ они прибыльнѣе были: потому изойдетъ имъ на годовое жалованье только 300 тысячъ рублевъ, на хлѣбъ 100 тысячъ рублевъ, на подъемъ 50 тысячъ рублевъ, и всего жалованья годового-денежнаго и хлѣбнаго и подъемныхъ противъ сего примѣру будетъ 450 тысячъ рублевъ. Ружье надобно имъ доброе и цѣльное; и хотя купить пицаль по 6 рублевъ, и того будетъ 60 тысячъ рублевъ. Бердыши добрые или обоюдники, или по прежнему богинеты, положить по 20 алтынъ, и того 6 тысячъ рублевъ. Ножи добрые купить хотя по 2 гривны, и того будетъ 2 тысячи рублевъ; пороху добраго фунта по 3 на человѣка, и купить хотя по 2 гривны фунтъ и того будетъ 6 тысячъ рублевъ; пулей хотя по 3 фунта на человѣка, и того будетъ 900 рублевъ.

И того всего будетъ 74,900 рублевъ, а на службѣ для ради ихъ удалства и для отмѣны отъ рядовыхъ солдатъ, хотя по полтора рубли на мѣсяць корму имъ учинить, и того на 3 мѣсяца имѣется 45 тысячъ рублевъ.

И всего жалованья, и ружья, и пороху, и на 3 мѣсяца корму, иметца 569,900 руб.

И какая казна довелась была дать 50 тыс. прежде бывшимъ солдатомъ, и тою казною новыхъ солдатъ, самыхъ удалыхъ, кои въ подвижную дув-вершковую цѣль безъ погрѣшенія будутъ бить, мочно пожаловать 20 тысячъ человекъ и слишкомъ. И тѣ, Государь, 20 тысячъ замѣнилибъ у дѣла за 100 тысячъ неумѣющихъ, или и за 200 тысячъ.

И естли, Государь, подлинно такихъ добрыхъ стрѣльныхъ мастеровъ 50 тысячъ собрать, да естлибъ къ нимъ прибрать самыхъ смѣлыхъ и зарывныхъ молодцовъ тысячъ съ 10 и 20, по разсмотрѣнію полководца хъ копѣйной службѣ, да конныхъ огнестрѣльныхъ бойцовъ естлибы набралось тысячъ съ 10, лучшихъ и копейныхъ добрыхъ наѣздниковъ тысячъ съ 10 же бы, то хотя числомъ при прежнихъ нарядахъ и не многобъ ихъ было, а надежнѣебъ прежнихъ 300 тысячъ было съ ними воевать.

Я чаялъ бы, что за помощію Божією Великій Государь могъ бы многія государства подъ руку свою толикимъ числомъ подклонить; только надобно къ такимъ удалцамъ удалые и полководцы и въ воинскомъ дѣлѣ искусные, чтобъ умѣли ихъ вести, и отъ лукавства непріятельскаго зналибъ ихъ блюсти, чтобъ какихъ обманомъ ихъ не погубили, и за незнаніемъ * „полководца умѣніе ихъ стрѣльное даромъ бы не пропало.

А кои прежніе солдаты не годятся ни къ огненной стрѣльбѣ, ни къ копейной войнѣ, и тѣмъ бы хорошо быть въ черной работѣ и у рогаточнаго наряду; а буде такихъ работныхъ солдатъ будетъ мало, то доведется, чаю, для земляной работы нарочныхъ даточныхъ изъ крестьянства взять, по работѣ смотря, на время, по конхъ мѣсть будетъ служба.

А какъ служба минется и тѣхъ крестьянъ отослать на прежніе ихъ жеребьи; а умѣющіе солдаты всегдабъ у ружья своего управлялись: чтобъ они никогда въ земляной работѣ не утрудилися и томныбъ не были, но всегдабъ они были бодры и опасны, и къ бою готовы на всякой часъ.

А если утомится въ черной работѣ, то онъ день другой будетъ не воинъ; а стрѣляльному, Государь, мастеру надобно на всякой недѣлѣ разъ другой всякому изъ пищали своей по цѣли выстрѣлить, чтобъ рука у него къ стрѣльбѣ всегда тверда была, и ружьебъ не залеживалось;“ а если, Государь, и доброй мастеръ, да утрудится въ земляной работѣ, или и безъ работы, да долго не будетъ изъ ружья своего стрѣлять, то рука у него въ стрѣльбѣ дрогнетъ, и съ руки ужъ не таково цѣльно стрѣлять будетъ.

И естли бы всему сему Господь Богъ изволилъ быть, и Великій Государь приказалъ такихъ прямыхъ воиновъ себѣ избрать и научить якожъ выше реклось, то хотябъ ихъ на полѣ и не казисто было, обачежъ непріятелю страшныбъ были паче прежнихъ многочисленныхъ полковъ.

Я истинно, Государь, сего не могу разумѣть, что въ томъ силы или что похвалы, что многочисленны наши полки на брань изходятъ, а непріятель малыми людьми побиваетъ и въ полонъ беретъ. И сіе, Государь, не бесчестіель наше, что во множествѣ нашемъ отъ малыхъ людей стоять не можемъ.

И аще кто речеть: нынѣшняя де Ругодевская служба учинилась злощастна отъ воли Божіей да отъ измѣны, а не отъ плохости какой; и сіе все мы разумѣемъ, что безъ воли Божіей и маленькой птички убить никому не возможно: однакожъ всегда надобно человекъ опасну и осторожну и къ ратоборству готову быть, и уборъ ополчительной надобно всегда доброй имѣть. Естли же мы обороны себѣ не умѣемъ держать, то нѣчего намъ на Бога и пѣнять. Егда и самъ Богъ полководствовалъ Израильскому люду, обачежъ и тогда тыи Израильтяне оружія не отлагали, но острыхъ мечей на непріятеля своего употребляли, и на защищеніе отъ непріятеля щиты себѣ имѣли; кольмижъ нынѣ намъ подобаетъ пещися о добромъ ружьѣ, и о добромъ умѣнѣи полководномъ и ратоборномъ и о всякомъ ратномъ управленіи, потому что самъ Богъ не снидетъ намъ тако помогать, яко же древлѣ помогалъ Иусу Навину

* Въ моемъ спискѣ недостаетъ осьмушки съ словами, означенными „—“.

Иерихонъ градъ разрушить ношеніемъ кіота Господня и множествомъ трубнаго гласа, или Гедеону едиными трубами, да огненными лучами, Мадіама устрашить; а на пораженіе Мадіамлянъ и Иерихонитянъ одиначе употребилижъ оружіе, кое тогда въ ратномъ дѣлѣ обрѣталось.

И по сему разумѣнію никогда безъ оружія воевать не возможно.

Къ семужь и Псаломникъ вопіеть: препояши оружіе твое по бедрѣ твоей сильне; и не просто сіе пророческое слово речено, еже препояши по бедрѣ твоей сильне: бедра значить осторожность, а сила значить умѣніе. И по сему явно, что воину всегда достоинъ оруженосну * и умѣтельную быть, такожде и ружье доброе и острое имѣть; и во многихъ мѣстахъ воспоминаются въ писаніи мечи обоюдные и изощренныя, а не тупыя: тупаго оружія ни въ какихъ писаніяхъ не обрѣтается, якоже прежде у насъ обрѣтались бердыши, остріемъ подобны косарю тупому, и кованы изъ простаго желѣза безъ укладу, сабли желѣзныяжъ и тупыя, что ни бердышемъ, ни саблею и платья прорубить не возможно было. А ружье, Государь, тупое непріятелю не страшно, потому что если по голому тѣлу, то обранить; обачежъ и рана отъ тупаго ружья не велика бываетъ; а если по платью ударить имъ, то лише зашибеть, а и обранить сквозь платье невозможно. А острое ружье вельми страшитъ всякого человека, потому что рана отъ него тяжела, и платье не защититъ отъ раны. Такожде и пищаль цѣльная страшна непріятелю. И по сему, Государь, о ружьѣ первое попеченіе надобно имѣть, чтобъ оно было добро и остро, и къ оборонѣ надежно; а за тѣмъ уже и безъ умѣнія нельзя быть.

И кузнецамъ указъ сказать крѣпкой, чтобъ отнюдь изъ худаго желѣза ружья никакого не ковали, а на остріе клалибъ сталь или укладъ самой доброй, и остріебъ ставили на бердышахъ, и на обоюдникахъ, и на копьяхъ, противъ добраго ножеваго острія; и всякой бы мастеръ сдѣлалъ по имени своему и по прозванію клеймо, и тѣмъ бы клеймомъ всякой мастеръ свою работу и клеймилъ впредь для вѣдома, чтобъ мочно было разобрать, кое коего мастера ружье, и буде кое ружье будетъ огненное ковано не изъ самаго мягкаго желѣза, и худо проварить, ** или худыя мѣста мѣдью запоятъ, и отъ стрѣльбы ее разорветъ, и по клейму, хотя въ 10 лѣтъ, сыскать будетъ мочно виноватаго мастера.

А чаю, Государь, доведетца того мастера жестоко наказать, чьей работы ружье разорветъ, потому что онъ будетъ человекѣубійца. Такожде кой кузнецъ скуеть саблю, или бердышъ, или обоудникъ, или копье, или богинетъ, или ножъ безъ укладку, или и съ укладомъ, да желѣзо положить не мягкое, и отъ того онъ переломитца, или въ присадѣ не твердо будетъ, и съ ратовища сломитца, или изъ черена выломитца, и тому доведетца запрещеніе какое положить, чтобъ всѣ того опасны были.

А принимать бы всякое ружье съ опыту и за вѣрнымъ свидѣтельствомъ. И кой дозорщикъ кое ружье будетъ досматривать, и на томъ бы ружьѣ положилъ онъ свое дозорное клеймо, чтобъ знать было, коего ружья кой дозорщикъ достовѣривалъ. И если въ чемъ дозорѣ явится какая виновность, и за то и дозорщику запрещеніежъ бы какое положить.

Намъ, Государь, не то что нынѣшняя Ругодевская служба не полезна, но и предками своими похвалитца намъ не возможно: и всѣмъ сіе вѣдомо, какъ Князь Василей Васильевичъ Голицынъ подъ Перекопъ ходилъ, и съ нимъ, сказываютъ, было больша 300 тыс. служилаго люду, а Татаръ выѣхало тысячъ всего съ пятнадцать; а наши отъ великаго своего множества, бою съ такими малыми людьми не смѣли длить. И сіе, Государь, не явноель наше безчестіе, что тѣ Татары одною конницею и однимъ лучнымъ боемъ полкъ Думнаго дьяка Емельяна Украинцова порубили, и пушекъ, сказываютъ, съ 20 отбили, и въ полонъ взяли; а наши изъ большаго и изъ меньшихъ полковъ и изъ обозу

* У Роз. во оруженному.

** У Роз. пропарить.

вытти и выручить ихъ не смѣли, всё устрашились отъ малыхъ горсти. Истинно право слово Божіе: еже страшливому на брань изходити не подобаетъ, подобнѣ и неумѣющему не почто на бой ходитъ; потому страшливой или неумѣющей смѣлому и умѣющему мѣшать и страхъ наводитъ будетъ. Страшливому и неумѣющему лучши дома сидѣть; а на бой надобно забитыя* головы—какъ полководцы, такъ и полчане.

И сіе, Государь, мнози вѣдаютъ, что Татары, приѣзжая къ рогаткамъ, хватаютъ крюками за рогатки и разволакиваютъ, а иные и саблями ихъ рубятъ, а наши изъ ружья стучать да гремятъ,** а Татары и не глядятъ; потому что всё стрѣляютъ мимо, а ихъ убить не могутъ.

А естли бы, Государь, да такіе были наши стрѣльцы, чтобъ ни одинъ даромъ не стрѣлялъ, иль бы огнестрѣльные рогатки были, то нѣкогда бъ къ обозу близко подѣзжать и за рогатки хватать: а естли бы кои и понартачились, инъ бы прочъ не отѣхали. Плохо намъ воевать, когда не умѣемъ мы въ нихъ стрѣлять.

У нашихъ, Государь, Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцовъ, и отъ непріятелей мочно бъ оборонъ держать, лише бы ружье было доброе, да и умѣніе твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка, да добрая расправа. Сіе, Государь, многимъ извѣстно, что Низовые люди Татаръ и Калмыковъ всегда отъ жилищъ своихъ отгоняютъ и побиваютъ.

Наипаче жъ Сибирскіе жители малыми людьми многихъ Татаръ прогоняютъ и побиваютъ и въ полонъ берутъ; и никогда Татары и многимъ числомъ противъ тамошнихъ нашихъ малыхъ людей стоять не могутъ. И за что не могутъ стоять? Явѣ за то, что тамошніе жители изъ ружья стрѣляютъ гораздо—и пулей даромъ не теряютъ, а къ тому смѣло поступаютъ; и за то наши и страшны Татарамъ бывають. Такожде, я чаю, и съ Нѣмцами, естли наши будутъ Московскіе солдаты изъ ружья всё цѣльно стрѣлять, и пулей не стануть даромъ терять, то будутъ имъ, якоже и Татарамъ, Русскіе люди страшны.

Истинно, Государь, надобно намъ Бога призвать въ помощь, и о рогатномъ дѣлѣ самое истинное и прилежное ко всему ратному убору радѣніе и разсмотрѣніе приложить.

Аще бо Великій Государь и великое прилежаніе о ратныхъ дѣлахъ имѣеть, обаче безъ извѣстія примѣрныхъ статей трудно въ тонкость все познать, понеже человекъ есть, и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его Государскіе предлагать, и о всякомъ дѣлѣ самую истинну доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно ратное дѣло управить.

Истинно, Государь, мочно на Бога надежду имѣть, что возвыситца рука Великаго Государя; только нужда надлежитъ до добраго оружейнаго убору и до ратнаго умѣнія въ стрѣляніи и во управленіи. Того ради я тебѣ Государю и докучаю съ великимъ прошеніемъ, Господа ради не возгнушайся моего неразумія и многословія, и разсмотри вся моя изреченія съ прилежаніемъ, и коя дѣла полезна узриши, то пожалуй о тѣхъ дѣлѣхъ, какъ тебя Богъ наставитъ, расположи, и Великому Государю доложи.

Истинно, Государь, отъ самыя ревности о семъ я подвизаюся, а не ради какихъ своихъ прихотей, или поисканія какова. Мое, Государь, намѣреніе то, чтобы мнѣ тунеядцу у Великаго Государя не быть, и за тобѣ мнѣ отвѣту Богу не дать.

Еще жъ, Государь, доношу милости твоей, и сіе видѣлъ я, далъ Инженеръ мѣру литъ на заводѣ Боярина Льва Кириловича девяти-пудныя бомбы, и тѣ, Государь, бомбы, Богъ вѣсть, годятся ли къ дѣлу; потому пущены онѣ вельми

* Въ моемъ сп. за бытыя.

** У Роз. звѣнять.

стѣнисты. И по тому его размѣру льются иныя бомбы и по 10 пудъ, и больши, и по моему, Государь, мнѣнію развѣ ихъ набивать добрымъ порохомъ; а если плохимъ порохомъ, или и среднимъ, да къ тому еще отсырѣлымъ ихъ набивать, то не чаю я всѣмъ имъ разрываться, потому что онѣ стѣнисты.

И сіе, Государь, вельми нужно, чтобъ ихъ искусити такимъ порохомъ отсырѣлымъ, каковъ бываетъ на службѣ; и если ихъ разрывать не станеть, то лучше ихъ на службу не возить и здѣсь ихъ бросить.

И если, Государь, изволишь тѣ бомбы опытать, то пожалуй не прогнѣвайся на меня о словеси моемъ, еже реку; истинно вѣмъ, еже стократнѣе моя рѣчи вся разумѣши совершенно, но забвеніе надъ всякимъ человѣкомъ хвалитца, или какое многодѣліе и многомысліе препинаніе творить: и того ради припомянуя пишу, ежебъ спросить пороху средняго не для бомбнаго наряду, но для каковыя ни есть иныя потребности, чтобъ взять его сплеха кой полежалой, и чтобъ его не подсушивая принесли. А естли, Государь, увѣдають то, что набивати имъ бомбы, то либо изъ лучшаго пороху возьмутъ, либо подсушатъ.

А сіе, Государь, всѣмъ извѣстно, что на службѣ всегда порохъ сыръ бываетъ отъ дождей, и отъ подмочки, и отъ росы, и отъ воздушныя сырости.

И въ семь, Государь, вельми нужно поостерецися, нѣтъ ли какой прозяби отъ того Инженера. Ей, Государь! надобно отъ нихъ опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаеть съ собою Русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имъ во все * ввѣриватися: всегда онъ своеплеменнымъ лучши poradѣтъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть. И буде кой скажетъ, что отъ незнанія худо учинилъ, а не отъ хитрости, а то ему самое безчестіе, на что онъ въ то дѣло и вступаетъ, въ чемъ силы не знаетъ, а жалованье великое беретъ. По моему, Государь, расположенію, надобно у пороховыя казны и у бомбнаго наряду быть изъ Русскихъ людей самому доброму и вѣрному человѣку, и въ пороху ему доведетца сила знать. И такое дѣло великое и закрытое вельми опасно въ иноземскія руки ввѣривать.

Еще, Государь, видѣлъ я и другую прозябу: инженеръ ли или полковникъ, кой далъ образцы киркамъ, каковы ковать для земляныя работы, и въ тѣхъ. Государь, киркахъ великая и явная понаровка учинена непріятелю. Гдѣ было копать Русскую киркою день, а тою Нѣмецкою киркою прокопаетца два дни, а естли зимнею порою, то и три дни тою киркою противъ нашея прокопаетъ. И естли бѣ, Государь, зимнею порою, то мочно бѣ ихъ здѣсь и опытать, и по свидѣтельству опытному мочно бѣ иноземца и спросить, для чего онъ такія негодія кирки велѣлъ дѣлать.

Кирка, Государь, надобно такъ сдѣлать, чтобъ она въ черену была крѣпка: то хорошо, чтобъ насадя на черень, годъ мѣсто мочно было ею работать; а Нѣмецкой образецъ данъ такой, что и сутокъ на черену не устоитъ. Другая сила въ киркахъ то, чтобъ она въ землю льнула, а не скользывала, и въ глазабъ работнику не брызгало: а Нѣмецкія, Государь, кирки сдѣланы такъ, что какъ лучитца зимнею порою ею копать, то работнику и глаза всѣ выбьеть; и нивѣсь ему копать, нивѣсь глаза продирать, и череня на нихъ на службѣ не напастися; гдѣ было копать, ажно въ то время за насадкою ходи. А на службѣ, Государь, бываетъ и часъ нужнѣе сутокъ.

И естли, Государь, онъ иноземецъ сіе учинилъ отъ вымыслу, то доведетца ему и указъ учинить.

А естли же отъ неразумія, то доведетца, чаю, отъ того дѣла его отставить и жалованья убавить, чтобъ на то зря, иныя такъ не дѣлали: и буде чего онъ совершенно не знаетъ, почто онъ въ то дѣло и вступаетца.

Буде жъ тебѣ Государю и сіе мое расположеніе о уборѣ ратнаго дѣла изнесено; аще и вся многократнѣе тебѣ Государю извѣстна суть, обаче да зришь и мое предложеніе. Мнѣ, Государь, тако ся мнить, что въ началѣ за

* Въ моемъ сп. о в с с.

помощію Божією надобно ружье огнестрѣльное доброе и ковано изъ мягкова желѣза, якоже и выше рекохъ, и чтобъ они были нутромъ чисты и цѣльны; такожде и пушки нутромъ прямы и чисты, то будутъ онѣ и къ стрѣльбѣ цѣльны; и ядрабъ были круглы и гладки, и въ пушку бѣ съ понужденіемъ ихъ забивать, а не на закатъ пускать; порохъ бы пороховщики дѣлали доброй и яркой, и селитру бѣ въ него клали литрованную, чтобъ онъ на службѣ не отсыривалъ и гущею не становился; и солдаты бѣ были смѣлые, изъ ружья стрѣлять умѣлые; и пушкарѣ бѣ могли хотя по аршинной цѣли убивать; и весь служивой людъ пищею и одеждою и всякимъ довольствомъ былъ бы награжденъ, чтобъ онъ съ радостію за Великаго Государя готовъ былъ умереть; и никогда бѣ они своихъ Русскихъ людей не грабили и не обижали; чтобъ всякъ за нихъ Богу молилъ, а не клялъ; чтобъ они были по Евангельски; своими оброки довольны, чѣмъ пожалованы.

Тakoжде и у конницы надобно, чтобъ были въ началѣ кони добрые и кормомъ довольные, и ружье бѣ у нихъ было доброежъ и цѣльное; и скачучи на кони заряжать и въ цѣль стрѣлять умѣли бѣ; сабли были бѣ стальные, а не изъ простаго желѣза кованы; чтобъ онѣ были остріемъ противъ добраго ножа; копя бѣ были подобно бритвѣ, а древки бѣ твердыя; и присадка бѣ была твердая жъ; и кто съ нимъ ѣздитъ, владѣть бы имъ умѣлъ; и сами бѣ они пищею и одеждою и всякими потребы довольны; и полководцыбѣ у пѣшихъ и у конныхъ были самые добрые и свидѣтельствованные люди, и къ смерти нестрашливые.

А если, Государь, прежнія службы вспомануть, и тѣ службы, Богъ вѣсть, какъ они и управлялися: людей на службу нагонять множество, а если посмотришь на нихъ внимательнымъ окомъ, то ей кромѣ зазору, ничего не узришь. У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копіями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по 3 и 4, и гораздо больши; а хорошо бѣ то, чтобъ свою голову хотя головы на три непріятельскія мѣнять. А естли на конницу посмотришь, то не то, что иностраннымъ, но и самимъ намъ на нихъ смотришь зазорно; въ началѣ у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьемъ владѣть ни какимъ неумѣлые. Истинно, Государь, я видалъ, что иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, а не то, что ему стрѣлить по цѣли хорошоенько. И такіе, государь, многочисленные полки къ чему примѣнить? Истинно, Государь, аще и страшно мнѣ рещи, а инако нельзя примѣнить, что не къ скоту; и егда бывало убьютъ Татаринѣ дву или трехъ, то всѣ смотрятъ на нихъ, дивуютца и ставятъ себѣ то въ удачу; а своихъ хотя чловѣкъ сотню положили, то ни вочто не вмѣняютъ.

Истинно, Государь, слыхалъ я отъ достовѣрныхъ и не отъ голыхъ дворянъ, что попеченія о томъ не имѣютъ, чтобъ непріятеля убить; о томъ лишь печетца, какъ бы домой быть; а о томъ еще молятца и Богу, чтобъ и рана нажить легкая, чтобъ не гораздо отъ нее поболѣть, а отъ Великаго Государя пожаловану бѣ за нее быть; и на службѣ того и смотрятъ, чтобъ гдѣ во время бою за кустомъ притулиться; а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсъ или въ долу, да того и смотрятъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они такожде будто съ бою въ таборъ пріѣдутъ. А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: „дай де Богъ Великому Государю служить, а сабли бѣ изъ ноженъ не вынимать“; и по такимъ ихъ словамъ и по всѣмъ ихъ поступкамъ, не воины они! Лучши имъ дома сидѣть, а то нѣчего и славы чинить, что на службу ходить.

А естли, Государь, по твоему радѣнію Великій Государь изберетъ себѣ прямыхъ воиновъ бранныхъ, и научить, якожъ я въ примѣрномъ своемъ письмѣ выше изрекохъ, или и вяще того, какъ о томъ Господь Богъ его наставитъ, то весь прежде бывшей зазоръ отыметца отъ насъ, и будутъ и насъ въ люди почитать, и на войнахъ станутъ нашихъ страшитися.

Какъ, Государь, воинство бранное избретца и всякому дѣлу служивому изучитца, то хорошобъ, Государь, и главному ихъ дѣлу научить, чтобъ они всегда въ сердцахъ своихъ страхъ Божій имѣли; понеже и Писаніе повелѣваетъ воину быти святу и житіе имѣть чистое, паче иноковъ, потому что всегда воинъ готовитца къ смерти и предъ нелицепріятнаго Судію стать.

А въ Кормчей книгѣ, въ законѣ Царя Константина написано: воину исходящу на брань подобаетъ хранитися и отъ всѣхъ непріязненныхъ словесъ и вещей, мысль же свою къ Богу имѣти и молитву творити, и обѣтъ* творити о брани, а не то что всячески сквернословить и неправда чинить.

И естли, Государь, къ доброму ружью, и къ доброму убору, и доброму воинскому ученію, и духовное сичевое устроеніе будетъ, то явѣ, что Богъ призритъ нань наипаче милостивнымъ своимъ окомъ; а за призрѣніемъ и вспоможеніемъ Божиимъ наши Русскіе воины прославятся паче окрестныхъ Государствъ, и малыми людьми проженуть враговъ своихъ многихъ.

Исчисленіе казны, что иметца противъ вышеписаннаго расположенія.

Естли Великій Государь укажетъ самымъ удалымъ солдатамъ огнестрѣльнымъ на годъ жалованья учинить противъ вышеписанной росписи, и дватцати тысячамъ иметца 1,049,800 рублей.

А если годового жалованья имъ по 25 рублей, подъемныхъ по 4 рубли, и того будетъ 929,800 рублей.

Копейныхъ солдатъ естли учинить 20 тысячъ, и естли имъ въ прежнемъ жалованѣ быти въ 16 рубляхъ, и того будетъ 320 тыс. рублей; хлѣба по 16 четв. на человѣка, и естли положить по полтинѣ четверть, и того 160 тыс. рублей; подъемныхъ по 3 рубли, и того 60 тыс. рублей; копы съ дrevками и съ бердышами и съ ножами хотя положить по рублю на человѣка, и того будетъ 20 тыс. рублей и всего имъ иметца жалованья и ружья на 20 тыс. человѣкъ, 560 тысячъ рублей.

Работнымъ людямъ естли положить годового жалованья по 8 рублей на человѣка, хлѣба по 8 четв. подъемныхъ по 2 рубля, и того будетъ на 20 тыс. человѣкъ жалованья 280 тыс.; имъ же на кирки и на топоры и на инья снасти естли положить по полтинѣ на человѣка и того будетъ 10 тыс. рублей; имъ же дать для нужной обороны хотя по рогатинѣ, и рогатина положить по 10 алтынъ, и того будетъ 6 тыс. рублей, и всего чернымъ работникамъ 20 тысячамъ иметца жалованья и снастей 296 тыс. рублей.

Конницы естли набретца самыхъ удалыхъ огнестрѣльныхъ бойцовъ тысячъ десять, и имъ если Великій Государь учинить жалованья годового хотя по 60 рублей, хлѣба ему и коню по 40 чет. на коня по 10 рублей, и того 100 тысячъ рублей; ружья длиннаго купить, добрая пицаль хотя по 8 рублей, пистолей пару по 4 рубли, на остръ по рублю, и того будетъ 130 тысячъ рублей; пороху добраго по 5 фунтовъ на человѣка, и того 30 тыс. рублей; пулекъ по пятижъ фунтовъ, и того 1500 рублей; и всего имъ иметца жалованья и ружья 1,141,500 рублей.

А копейщиковъ и лучныхъ стрѣльцовъ естлибъ набрать 10 тыс., и жалованья имъ естли учинено будетъ годового по 40 рублей, хлѣба по 40 четвертей, на коня по 8 рублей, на подъемъ по 8 же рублей, и того 760 тыс. рублей; имъ же на ружье, и на сайдаки, и на стрѣлы, и на копы, естли дать имъ по 5 рублей на человѣка, и того 50 тысячъ рублей; и всего будетъ 810 тысячъ рублей.

И по сей, Государь, примѣрной росписи боеваго люду будетъ 60 тыс. человѣкъ; и естли имъ по вышеписанной выкладкѣ положить жалованья противъ

* У Роз. совѣтъ.

большей статьи, и всѣмъ имъ иметца денежнаго и хлѣбнаго жалованья и ружья 3,561,300 рублевъ.

И въ томъ числѣ естли хлѣбное жалованье положить въ цѣну по полтинѣ за четверть, и того хлѣбнаго жалованья будетъ деньгами 800 тыс. рублевъ.

А естли хлѣбнаго жалованья въ цѣну не класть, по тому что хлѣбъ собирается со крестьянъ безъ купли, и кромѣ хлѣба, денежнаго расхода иметца 2,761,300 руб.

И естли положить на службѣ тѣмъ вышеписаннымъ 60 тыс. человекѣмъ корму на мѣсяць, по полтора рубли на человекѣ, и того на мѣсяць иметца 90 тыс. рублевъ, и по сему положенію на 3 мѣсяца корму будетъ 270 тыс. рублевъ. Всего штидесять тысячамъ годоваго, и оружейнаго, и съ полковымъ трехъ-мѣсяцовъ кормомъ, иметца 3,031,300 рублевъ.

И естли бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма, то чаялъ бы я у Бога милости, что одною денежною прибылью вышеписанное число исполнилось бы.

И буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мѣлкою дробью, якожь прежде явихъ въ денежномъ письмѣ, то доведетца и пошлинной зборъ поправить. „А естли пошлинной зборъ поправитца“, * то за помощію Божіею и въ пошлинномъ зборѣ, чаю, что не меньше денежнаго числа доходовъ собрать на каждой годъ мочно будетъ. И тѣ, Государь, доходы міру будутъ не тягостны, а Великому Государю были бѣ прибыльны и прочны, и уставились бы они въ вѣчные доходы; а десятыя деньги и поворотныхъ денегъ гораздо они легчебъ были. А что подлинно тѣхъ пошлинныхъ сборовъ будетъ, и того, не взявъ изъ ратуши вѣдомости, по чему съ какихъ товаровъ собираетца пошлинь, написать и расположить имянно не возможно.

Паки прошу твою преблагую и всещедрую милость, Государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Господа ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и разсмотрѣть, и буде что узришь угодно, то пожалуй Великому Государю объяви отъ своего лица; о мнѣ жъ пожалуй умолчи. А что написахъ отъ недознанія своего, и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй отставь. Истинно не лгу, что отъ самага желанія сердечнаго писахъ сіе, а не отъ достовѣрства, понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ, и сего ради елико могохъ, толико и написахъ. Ещежь прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зреть сего моего письма трудъ, но да будетъ оно въ сохраненіи для потребныхъ статей.

Писавый Ивашко Посошковъ, главу свою подъ ноги твоя подноситъ.

И о всѣхъ погрѣшеніяхъ недознанныхъ и сумнительныхъ, прощенія проситъ.

И желаетъ подъ кровомъ твоимъ благоприкровеннымъ жити.

И за то вѣрне предъ всеми людьми достойнъ тя блажити.

* Слово между запятыми у Роз. нѣтъ.

Доношеніе Ивана Посошкова митрополиту Стефану Яворскому.

К. Ѡ. Калайдовичъ напечаталъ сіе донесеніе въ Русскихъ Достопамятностяхъ съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

„Подлинникъ, писанный на столбцѣ скорописью, рукою самаго сочинителя, найденъ между рукописями типографской Синодальной библіотеки въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, Доношеніе сіе писано къ извѣстному въ ученое свѣтъ Стефану Яворскому, славному тогдашнему Іерарху и Блюстителю Патріаршаго престола, ибо сочинитель ясно говоритъ объ извѣстной его книгѣ: Знаменія пришествія Антихростова; справедливо также и то, что оно относится къ началу прошедшаго вѣка, потому что о помянутой книгѣ Посошковъ упоминаетъ какъ уже объ извѣстной, а она появилась не прежде 1703 года. Имя Посошкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предложенію, поданному Боярину Ѡедору Алексѣвичу Головину, относящемуся къ военной наукѣ. Должно дивиться изяществу мыслей, не весьма обыкновенныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образованъ своихъ врожденныхъ способностей.“

Великій Архипастырю восточные Христовы церкви и нашъ великій свѣтильниче Всероссійскій! благоволи сіе писаніе пріяти, и изъявленному въ немъ нужную нужду всенародную рассмотреть. Вѣмъ бо, яко не вся наша Христіанская нужда суть ти извѣстна; того бо ради и дерзнуохъ ти тоу нашу духовную нужду чрезъ сіе писаніе изъявити. О семь ты, Государь! извѣстно вѣси, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи духовномъ ученія на духовности не бываетъ; потому что и самъ онъ ничего не разумѣетъ, да и разумѣтъ емоу непочему; и самъ онъ отъ отца своего духовнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ Славенскихъ многихъ нашихъ Христіанскихъ нуждъ не напечатано, и всеконечно знать имъ непочему. Толь мы просты, что не токмо бѣ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бѣ самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ спросилъ насъ Москвичъ, то не знаемъ какъ имъ отповѣди дать; и не до того ста, но аще и отъ басурманъ кто спроситъ насъ, то и имъ отвѣтоу дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лише самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на пороуганіе; и за то имя наше Христіанское вельми во иновѣрныхъ хоулится. А наипаче мы, Россіяне, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своя какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ чоуть не подобны безсловеснымъ.

И того ради вельми нужно вашей святости о семь потщатся, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное и естественное и гражданское благочиніе управлять, наипаче жѣ того, какъ намъ Бога знать, и какъ честныя иконы почитать, и какъ душеполѣзно жить.

Я мню, что и въ Москвѣ развѣ сотой человекъ знаетъ, что то есть православная Христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля его, или какъ ему молитися, и какъ молитва приносить, и какъ воля его творить? или какъ Пресвятую Богородицу почитать, и какъ Ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чтить, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайствѣ молить, и какъ Ангела хранителя, такожде и тезоименнаго святаго, какъ чтить, и какъ на помощь себѣ призывать, или какъ честныя иконы почитать? А естли въ посѣлянехъ посмотреть, то истинно не чаю изъ десяти тысячъ обрѣсти человека, еже бѣ хотя малое что о сицевыхъ вещехъ что зналъ. И того ради вельми,

вельми надежити о семъ дать знать чрезъ нововыданное вашему благоразуміемъ изъясненіе и разпосланиемъ во вся концы Россійскіе.

Нынѣ Государь видѣлъ я на печатномъ дворѣ строящіяся новыя требники, и зря ихъ возбудилась ми мысль, еже донести святости твоей о сихъ статьяхъ, и дабы твоимъ Архипастырскимъ раченіемъ и многотруднымъ тщаніемъ вмѣстить, о изъясненіи сихъ здѣ означенныхъ статьяхъ, въ послѣдованіе ко исповѣди, аще же уже въ самую исповѣдь вмѣстить невозможно, то хотябъ на концѣ требника; и положить бы такое всѣмъ презвитерамъ повелѣніе, дабы вначалѣ исповѣди уготовляя хотящаго исповѣдаться ко исповѣди, сперва спросилъ его, какъ онъ въ вѣре благочестивой пребываетъ, и нѣтъ ли у него о вѣре какова близнѣнія? И буде въ вѣре колеблетца, тобъ его направилъ на истинное благовѣріе и о вѣре утвердя спросилъ бы, како онъ почитаетъ Бога, и како Богородицу, и како Ангеловъ Господнихъ и святыхъ Божіихъ угодниковъ? и како почитаетъ святыя иконы, и не называетъ ли написанаго или изваяннаго образа Христова Богомъ? и с каковымъ намѣреніемъ предъ иконами молится, мысль свою ко образуль имѣеть, или къ самому Богу? подобнѣ и предъ иными образы, и какъ моленіе свое простираеть? такожде с каковымъ намѣреніемъ і свѣщи предъ иконы поставляетъ, иконе ль той честь творя, или самому изображенному на той иконѣ, предъ нею же свѣщю поставляетъ? И буде въ чемъ неправо управляетъ, о томъ бы ему далъ знать, и научилъ какъ что чинить, и научилъ бы его и тому съ каковымъ намѣреніемъ въ церковь входить и въ ней стоять, и о всемъ духовномъ управленіи наказавъ и утвердя, начать по обычаю исправлять исповѣдь. По окончаніи же исповѣди приложить нравоученіе житейское о любви духовной и о естественныхъ добродѣтеляхъ и о гражданствѣ, чтобъ былъ во всякомъ дѣлѣ постояненъ и въ словѣ своемъ неизмѣненъ, и чего себѣ не хочетъ, тогобъ людямъ отнюдь не чинилъ; и никого бѣ, ни стараго, ни малаго, а наипаче же простоумныхъ и малосмысленныхъ и клясныхъ не пересмѣхалъ, ни осуждалъ, и устъ своихъ браннымъ и кощуннымъ сквернословіемъ не сквернилъ бы. Аще убогъ, богатыхъ бы не поносилъ, но почиталъ бы ихъ яко отъ Бога почтенныхъ, такождебъ и величестныхъ почиталъ же бы, и вездѣ бѣ имъ давалъ мѣсто честнѣйшее, понеже всякая честь и начальство дается отъ Бога; а кѣи соуть убози или малочинни, и тѣми бѣ не гнушался, и принималъ бы ихъ во всякихъ порядкахъ яко братію, и противъ ихъ поклона отдавалъ бы поклонъ удобный, дабы той убогій о поклонѣ гордостномъ не оскорбился; и во всемъ бы ихъ утѣшалъ, а того бѣ вельми остерегался, дабы убогаго или богатаго какимъ дѣломъ или словомъ не оскорбить. Къ сему же еще приложилъ бы и сіе, какъ мужу з женою жить и какъ женѣ с мужемъ, чтобъ любви междуу ими была заимная. И о прочіихъ Христіанскихъ добродѣтеляхъ всякаго сына духовнаго, богатаго и убогаго, наказывалъ бы с великимъ прилѣжаніемъ, не торопясь. Да и о семъ всѣмъ священникамъ завѣдать, чтобъ дѣтямъ своимъ духовнымъ крѣпко заказывали, дабы всякой человекъ въ домѣхъ своихъ дѣтей своихъ, и пріемышевъ, и племянниковъ и рабовъ со младенчества учили всякому благочинію, и чтобъ отнюдь по улицамъ играть и сквернословить и бусловить и въ празности быть не попускали, и ко святѣй церкви ходить понуждали бѣ. Подобнѣ егда станетъ презвитеръ и своего брата презвитера жъ исповѣдывать, то в началѣ о сихъ же бы статьяхъ спросилъ его, всяль управляетъ тако, якоже ему повелѣно, и не прикрываетъ ли онъ раскольниковъ? и кѣи отъ святыя церкви отщепились, и ни на исповѣдь, ни к тѣлу Христову не приступаютъ, не называетъ ли таковыхъ дѣтьми своими духовными? И буде въ чемъ явится неисправенъ, то бѣ отложя иные всякіе нужды, и церковныя слоужбы, тогобъ исправилъ, и на вся правыя стези направилъ; и о всемъ его утвердя и о вышеписанномъ нравоученіи искусства, запрѣтилъ бы запрѣщеніемъ великимъ, дабы онъ о сихъ предложенныхъ статьяхъ на исповѣди о дѣтяхъ своихъ духовныхъ неоплошное попеченіе имѣлъ, и на путь спасенія всю свою паствоу наставлялъ, временно и безвременно, не токмо в годъ или въ два или въ три сына своего духовнаго видѣлъ у себя на исповѣди,

но ко всякомубъ своему сыноу духовному и кромѣ исповѣди въ дома ихъ приходилъ, и житія его смотрилъ, и на всякое бѣ благонравіе наставлялъ; то и малое бѣ дѣло что на годъ трикраты, а коего видя неисправна въ чемъ, то надобно и многократно приходитъ и на всякое дѣло благое его наставлялъ. А егда станеть во время поста прѣзвитерь дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывать, то ради совершеннаго управленія не во единъ бы день всѣхъ исповѣдывалъ, яко прѣжніи обычай имѣли, но хотя бѣ токмо по десяти человекъ на день исповѣдывалъ, токмо бѣ со всякимъ испытаніемъ; и того бѣ ради хотя съ понедѣльника начиналъ, и тако бѣ во всю недѣлю исповѣдывалъ, дабы совершенно ихъ могъ управить. И егда коему сыноу духовному, наипаче же священнику, естли какой на исповѣди приказаніе скажетъ, и тобѣ приказаніе записывалъ въ особую, на то учиненную книгу; и егда въ предгрядущее время той ко исповѣди придетъ, и о томъ приказаніи своемъ спрашивали бѣ имянно, управилъ ли то, еже ему было приказано?

И сицѣвымъ образомъ, естли ты, великій Архіерею Божій! благоволишь потрудитися, и издаси со исполненіемъ твоего благоразумія полная расположенія, чаю я, что мочно намъ не въ большіе годы всякаго благонравія научатися. А аще же не сицѣвымъ образомъ, то Богъ вѣсть, мочноль намъ научитися. Естли намъ токмо въ школахъ учиться всякаго вышеозначеннаго благоразумія, то чаю, что ни во сто лѣтъ намъ не научитися будетъ. А сицѣвымъ порядкомъ не въ долзѣ научимся; развѣ у коего священника сицѣваго требника, или и кромѣ требника особаго вашего святительскаго повелѣнія не будетъ, той токмо дѣтей своихъ духовныхъ учить не станеть, и самъ знать не будетъ. И мнитися, Государь, мнѣ, что надлежитъ и великимъ клятвеннымъ запрещеніемъ прѣзвитерамъ запрѣтитъ, чтобъ они отнюдь не искуся и не утвердя въ новоположенныхъ отъ высокоразумія твоего статьяхъ дѣтей своихъ духовныхъ не исповѣдывали.

Ей, Государь! вамъ непочесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыкное и застарѣлое безумство содѣвается. Я аще и не бывалъ во иныхъ окрестныхъ Государствахъ, обаче не чаю нигдѣ такому безумству обрѣтися. Не скаредное ль сіе естъ дѣло, яко еще младенець не научится какъ и хлѣба назвать, или чего иного нареши, или попросить до чего ему нужда какая естъ, а родители въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить? чемъ было въ началѣ младенца учить какъ Бога назвать и указывать на небо съ рѣченіемъ, что тамъ Богъ. И тако младенець бы отъ самыхъ пеленъ научился Бога знать, а родители вмѣсто такова ученія отецъ учить матеръ бранить сицѣ; мама кака, мама бля бля; а мать учить отца бранить подобнѣ: тятя бля бля; и какъ младенець станеть блякать, то отецъ и мать тому радуются и понуждаютъ младенца, дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Къ сему же злѣ и еще злѣ поущаютъ младенца: отецъ учить матку по щекамъ бить, а мать такожде учить отца бить, а иные и такіе отцы естъ, что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть; и егда младенець за бороду приметца, и тому отецъ вельми радуется. А когда мало повозмужаетъ младенець, и говоритъ станеть яснѣе, то уже учатъ ево и совершенному сквернословію и всякому нечестовству. И естли кто зря младенца нечестоващаго речеть отцу или матери, чтобъ ево отъ таковаго безчинія унимали, и они отрицають, что де на него смотреть, онъ де еще малъ, а егда возмужаетъ, и самъ де онъ того творить не станеть; что де ево учить, онъ де ничего не смыслить. И тако родители токмо плоть смертную раждаютъ, а бессмертную душу погубляютъ: и за самую свою хоудою и маловременную утѣхоу дѣтей своихъ вѣчно смерти придають; понеже егда кой отрочищъ изъ младенчества своего чесому навькнетъ, то съ тѣмъ нравомъ и до смерти пребудеть. Слышелъ я, что Крымскіе Татарове дѣтей своихъ ни за какіе вины не бьютъ, дабы они были буявы и безстрашны: и сему вѣрить мочно, что сіе естъ правда. Буде кой младенець въ грозѣ возрастетъ, той будетъ и до старости боязливъ, понеже страхъ въ немъ заростеть и не изыдетъ, изъ него даже до старости, и тако чесого ни навькнетъ изъ

младенчества, съ тѣмъ и пребудеть. И по сему явно, что отъ сего въ насъ всякое безстрашіе и безуміе раждается, что изъ младенчества намъ ученія доушполѣзнаго не бываетъ. Гдѣ то слыхано, что у насъ на путехъ, и на торжищахъ и при трапезахъ, наипаче же того бываетъ и во церквахъ, всякая сквернословія и кощунства и всякая непотребная разглагольствованія? другъ друга роугаетъ, другъ друга осуждаетъ и просмѣхаетъ; и не обрѣтается въ насъ ни знака Христіанскаго, кромѣ того, что токмо мы имянемъ словомъ Христіанъ; а чего ради и Христіанами нарицаемся, и что въ томъ рицаніи сила того отнюдь не знаемъ же. Откудау же вся сія прозябоша, явѣ яко отъ ненаученія младенческаго. Всему же тому начало, еже священники у насъ въ Роуси не ученые: естли бы они были всѣ ученые, или и не ученые, да вся бѣ сія разоумѣли, то всячески бѣ дѣтей своихъ доуховныхъ на всякое благо наставляли, а о непотребствахъ бы запрещали; а то ни сами разоумѣють, ни насъ учать. А се и знать имъ и самимъ непочему, понеже въ книгахъ о семъ изъясненія полнаго и явнаго нѣтъ. И сего ради вельми, вельми надобно о семъ потщатися, дабы отъ неразоумія люди Божіи напрасно не погибали. И аще воля ваша святительская къ сему моему доношенію низходительна будетъ, то молю, да благо разоуміемъ своимъ даси намъ разоумѣть, какъ Бога знать, и какъ его чтить, и какъ его молить, и какъ Пресвятую Богородицу, и какъ Ангеловъ Господнихъ, и прочіихъ святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять, и кои свѣщи идутъ въ честь самому Богу, и кои токмо единому изоображенію. Мнѣ, Государь! сіе зритца вельми неправо, что во церквахъ свѣщи поставляютъ всякой челоувѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы принесены изъ дому, а предъ церковные иконы и двадцатые доли свѣчь не поставляютъ: а кои свѣчи и подають предъ церковные иконы, и тѣ наипаче поставляютъ предъ образъ святаго Николая и прочіихъ святыхъ, кто коего паче чтить, а предъ Спасителевою и предъ Богородичною иконами вельми мало свѣчь является, а въ иное время и безъ свѣчь бываютъ. И сіе зритца вельми есть безмѣстно, а сіе и того безмѣстнѣйши, и вельми ми забольно, что въ праздничные дни свѣщами церкви предъ мѣлкими иконы домовными наполняютъ, отъ части и предъ мѣстные поставляютъ, и отъ множества свѣчь во церкви и въ трапезѣ возженныхъ свѣтъ велій возсіеваетъ, а во алтарѣ яко въ темницѣ темность великая бываетъ, и не токмо бѣ свѣща какая горѣла предъ престоломъ, но и предъ самымъ животворящимъ тѣломъ Христовымъ никакіе свѣчки не бываетъ. И естли, Государь, сіе мое изрѣченіе добро, что у престола Божія быть свѣщамъ и предъ ковчегомъ, идѣже тѣло Христово лежитъ, то мнѣ ся мнить, что тѣ свѣщи пріятнѣе бѣ Богу были. И естли сія тако, то не хоудо бы ту же ко исповѣди приписать и о семъ, дабы отцы доуховные на исповѣди дѣтямъ своимъ доуховнымъ и о семъ имянно наказывали, дабы паче тщалися свѣщи подавать во алтарь, а потомъ уже въ церковь предъ иконы. А на праздники и воскресные дни всякой бы челоувѣкъ могоутно подалъ во алтарь свѣщю алтынную, или грошовую, или копѣечную, а маломочно денежную, или и полоуденежную, а безъ того бѣ никто не былъ, еже по силѣ своей свѣчки во алтари не подать.

И отъ всея своея души святость твою молю, Господа ради невѣжество мое презри, а на усердіе мое призри, и сіе назнаменанное древо въ нынѣ совершающіяся требники водроузи. Вѣмъ бо, вѣмъ, яко Богъ не обидникъ, не изобидитъ тя во трудѣхъ твоихъ воздающе, но воздастъ и со излишествомъ за насажденіе сего малаго лѣторасльнаго древа; сподобитъ тя отъ многолѣтнаго и многоплоднаго древа жизни посреде рая насажденнаго прекраснаго и пресладкаго овощія вкусити, и въ некончаемые вѣки насладитися! Аминь, аминь, аминь.

Молю же тя великаго Архіерея Божія паки, Господа ради не отрини сего моего доношенія, за необычное мое дерзновеніе, или за несложность письма. Ей неученый есмь челоувѣкъ, къ сему же аще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенные ми отъ Бога ревности возжелалъ о сіихъ статьяхъ донести; понеже

вижоу, что отвсюдоу погибаемъ, а помощи и спасенія ни откудоу не знаемъ. Хорошо бѣ по имянованію нашему и житіе наше было, и чтобъ имя Христово въ насъ не хоулилось, но всячески бѣ прославлялось; тобы наша полѣзная честь, еже бы намъ всѣхъ окрестныхъ государствъ всякими добродѣтелями и добродравіемъ превзыти. И надеждоу о семъ имѣю на Бога несоумнѣнную, аще той водрузитъ во твое святительское сердце о сіемъ предложеніи прилѣжное тщаніе, то будетъ тако, яко надлежитъ быть. О Антихристѣ и вельми много-трудно въ изъясненіе учинить, обаче егда потыщался еси, и Богъ помогъ ти объяснить явно яко въ зеркалѣ. И естли, Государь! изволишь ради всенародныя пользы означенныя статьи по благоразумію своему сооронити, то многіе люди спасутся, вси бо яко отъ сна пробудятся.

Писавый убогій мпрянинъ
села Покровскаго крестьянинъ } Иванъ Посошковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	<i>Стр.</i>
Предисловіе съ изслѣдованіемъ о жизни Посошкова. А. Кизеветтера.	I.
Книга о скудости и о богатствѣ.	
Вступленіе. Что есть скудость и богатство народное. Отъ чего онѣ происходятъ. Раздѣленіе на 9 главъ. Причины и общія понятія о каждой изъ нихъ порознь.	1
Глава I. О духовности. Состояніе духовенства. Отношеніе къ народу. Невѣжество. Необходимость въ руководствѣ, въ школахъ, испытаніяхъ, ученіи, книгахъ. О церковной службѣ, объ ересяхъ. О качествахъ нужныхъ для священника, монаха. Какъ и чему священники должны учить мірянъ на духу и въ жизни. Содержаніе духовенства. О десятинахъ. Невыгоды и неудобства ругъ и содержанія работою. Объ обезпеченіи духовенства. Больницы и богадѣльни. Состояніе Богослуженія. Какъ должно жить священникамъ. Объ ихъ одеждѣ и образѣ жизни.	4
Глава II. О воинскихъ дѣлахъ. Недостатокъ жалованья. Дурное содержаніе. Самовольство. Недостатокъ въ управѣ. Необходимость въ равномъ судѣ, въ усиленіи ученья, въ добромъ оружіи. О прибавкѣ жалованья за успѣхъ. Объ ученіи стрѣлять въ цѣль. Доказательства неумѣнія. Пѣхота и конница. Преимущества хорошо обученнаго войска. Морской экипажъ. Наказанія. Противъ суда равнаго равными.	14
Глава III. О правосудіи. Важность правосудія. Что долженъ дѣлать судья по полученіи сего званія. О молитвѣ. Пересмотръ колодниковъ. Примѣры незаконныхъ поступковъ. Списки колодниковъ. Необходимость въ скоромъ рѣшеніи. Списки дѣлъ и средства къ ихъ скорѣйшему окончанію. Дѣятельность судейская. Выписки изъ дѣлъ. Рѣшеніе подъячихъ. Рѣшеніе судей. Сравненія, награды и наказанія подъячимъ. Предварительныя увѣщанія истцу и челобитчику порознь. Средства къ примиренію. Роспросы и прочія мѣры. Очныя ставки. О ябедникахъ. Нелицепріятіе. О повальныхъ обыскахъ. О свидѣтеляхъ. Допросы, наказанія для нихъ. О повинныхъ. Какъ судья долженъ рѣшать дѣла. Судъ надъ богохулцами и разбойниками. Противъ волокиты. О гостинцахъ. Какъ слушать дѣла. Собраніе мѣній. Пренія. О скрѣпахъ. О забраніи справокъ. Неудобства. О счетныхъ дѣлахъ и пріемахъ казенныхъ. Конфискаціи. Собраніе податей. О казенныхъ земляхъ. Необходимость въ новомъ уложеніи. Разпредѣленіе дѣлъ. Нужно созвать выборныхъ людей изъ всѣхъ сословій. Почему. Общее разсужденіе о всѣхъ статьяхъ, и поднесеніе Государю Императору на утвержденіе. Предварительныя опыты. Ровной судъ. Учрежденіе особой высшей канцеляріи надъ судопроизводствомъ. Жалованье судьямъ съ дѣль. Раздѣленіе дѣлъ и такса. Мѣры противъ взятокъ. Наказанія. Судьи изъ низкаго рода. Упадокъ правосудія въ Россіи. Вызовы дворянъ на службу. Отговорки. Мѣры противъ тунеядцевъ. О бѣглыхъ крестьянахъ. Переманиванья. Недостатокъ новыхъ мѣръ, и необходимость въ иныхъ. О напрасныхъ челобитьяхъ. О нищихъ и о тюрьмахъ. Государственные чиновники. Ихъ образъ жизни по городамъ. Необходимость въ большой дѣятельности. Надзоръ за общественною праздноствіемъ. Беззаконныя наказанія. О ссудахъ и взыскаціяхъ.	19
Глава IV. О купечествѣ. Важность купечества. Должно поддерживать и защищать оное. Свобода торговли. Должно запретить торговлю всѣмъ, кромѣ купечества. Противъ обмановъ купеческихъ. Мѣры. О сотскихъ и десятскихъ. О цѣнахъ. Какъ должно поступать съ иностранцами, и какъ опредѣлять цѣну нашихъ товаровъ. Чѣмъ принудить иностранцевъ къ согласію. Проценты за промедленіе. Необходимость въ нашихъ товарахъ. Описаніе товаровъ иностранныхъ и ихъ негодности. О тарифѣ. О цѣнѣ денегъ. Чѣмъ должны мы украшать себя. Противъ роскоши. Необходимость раздѣленій одежды по званіямъ. О щегольствѣ монашескомъ. Объ употребленіи иностранныхъ винъ. О табакѣ. О торговыхъ товариществахъ.	48
Глава V. О художествѣ. Должно ученикамъ выживать годы ученья у мастеровъ сполна. Объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Привилегіи и ихъ необходимость. Начальники надъ мастеравыми. Отвѣтственность. Дурное обращеніе съ мастеравыми. Объ иконописи. Заводы изъ домашнихъ произведеній. Какъ ихъ вести и усовершенствовать. Казенныя фабрики. Иностранные мастера. Занятія для нищихъ. Обозрѣніе разныхъ мѣстъ Россійскаго Государства для отысканія нужныхъ припасовъ и снадобьевъ.	60

Глава VI. О разбойникахъ. Множество ихъ. Причины въ медленности суда. Мѣры противъ нихъ. Раздѣленіе народа—крестьянъ, господскихъ людей, и проч., для надзора въ полицейскомъ отношеніи. Начальники. Паспорты. Явка. Отвѣтственность. Наказанія за укрывательство, недонесеніе. О поимкѣ. Наказанія. Допросы. Рѣшенія.	66
Глава VII. О крестьянствѣ. Причины дурнаго положенія крестьянъ. О ихъ праздности. Какъ строить деревни. Охраненія отъ разбойниковъ. Взаимная помощь. Должны учить дѣтей своихъ грамотѣ. Противъ истребленія лѣсовъ. Объ орѣхахъ. О рыбной ловлѣ. Отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ. Тяжелые налоги. Необходимость въ указномъ положеніи, почему помѣщикамъ брать съ крестьянъ. Должно помѣщикамъ собраться и опредѣлить всѣ поборы. Всего справедливѣе съ земли. Противъ подушнаго сбора. Свобода крестьянъ по выplatѣ оброка. Противъ лѣности. Что такое дворъ крестьянскій, какъ платящая единица. Мѣры противъ излишнихъ поборовъ. Принадлежность крестьянъ Государю. Объ отбираниіи крестьянъ за излишніе поборы. Наказанія судей противъ потворства помѣщикамъ.	73
Глава VIII. О дворянѣхъ, крестьянѣхъ и о земляныхъ дѣлахъ. Противъ дѣленія земель жилыхъ и пустыхъ. Оцѣнка. Дѣлежъ деньгами. Общее межеваніе и установленіе недвижимыхъ межей. Какимъ образомъ. Наказанія противъ слушниковъ. Опредѣленіе общаго поземельнаго сбора послѣ межеванья. Преимущества поземельнаго сбора. Учрежденіе для того особой Канцеляріи.	82
Глава IX. О Царскомъ интересѣ. О бережливости. О корабельныхъ лѣсахъ. Важность. Освидѣтельствованіе. Клейма. Канатныя фабрики. Надзоръ. О сборѣ пошлинъ во внутренней торговлѣ. Мѣры. О соляной продажѣ. Свободная торговля. О питейномъ сборѣ. О свободномъ винокурениіи. Вѣдомости. Средства. О таможняxъ. Содѣйствіе промышленности. Необходимость въ одной повсемѣстной цѣнѣ на вино. Мѣры противъ злоупотребленія. О хмѣлѣ. О чеканеніи денегъ. О власти Государя въ отношеніи къ достоинству денегъ.	89
Заключеніе. Обращеніе и просьба къ Императору Петру I.	111
Боярину Федору Алексѣвичу Головину о ратномъ поведеніи.	113
Доношеніе Ивана Посошкова митрополиту Степану Яворскому.	129

Изданія Н. Н. Ключкова.

Имѣются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ слѣдующіе выпуски серій:

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

профессоровъ *В. Д. Ключевскаго, М. К. Любавскаго, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословскаго*, приватъ-доцентовъ *С. В. Бахрушиха, А. Э. Вормса, Ю. В. Готье* и *А. М. Яковлева*.

- Вып. I. Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Ц. 85 к.
- „ II. Памятники исторіи Великаго Новгорода. Ц. 55 к.
- „ III. Акты, относящіеся къ исторіи Земскихъ соборовъ. Ц. 50 к.
- „ IV. Памятники исторіи Смутнаго времени. Ц. 65 к.
- „ V. Основные законодательные акты, касающіеся высшихъ государственныхъ учреждений въ Россіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій. Ц. 65 к.
- „ VI. Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вѣковъ. Ц. 1 р. 60 к.
- „ VII. Памятники законодательства Петра Великаго. Ц. 80 к.
- „ VIII. И. Посошковъ. О скудости и о богатствѣ. Ц. 1 р.

Складъ изданій для Москвы: книжный магазинъ бр. Башмаковыхъ, Мясницкая, 24.

Складъ изданій для С.-Петербурга: книжный магазинъ „Право“, Владимірскій, 19.

Изданія Н. Н. Клочкова.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. М. Оедорова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

- Томъ I. Весенній вѣтеръ. Ц. 1 р. 25 к.
„ II. Утро. Ц. 1 р. 25 к.
„ III. Судьба. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.
„ IV. Мой путь. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Томъ V. Наслѣдство. (Романъ).
„ VI. Бумажный король. (Романъ).
„ VII—VIII. Солнце жизни.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПАВЛА ГЕЙЗЕ.

(Нобелевская премія 1910 г.).

Предисл. Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА.

- Томъ I. Въ раю. Ц. 1 р. 25 к.
„ II. Дѣти вѣна. (Печатается). Ц. 1 р. 25 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПОЛЯ БУРЖЕ

при участіи прив.-доц. графа Ф. де-ла-Барта и П. С. Когана.

- Томъ I. Женское сердце. Ц. 1 р. 25 к.
„ II. Преступленіе любви. Ц. 1 р. 25 к.

Изданія Н. Н. Ключкова.

Имѣются во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ слѣдующіе выпуски серіи:

Памятники Русской Исторіи,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профессоровъ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО, М. К. ЛЮБАВСКАГО, А. А. КИЗЕ-
ВЕТТЕРА, М. М. БОГОСЛОВСКАГО, прив.-доцен. С. В. БАХРУШИНА,
А. Э. ВОРМСА, Ю. В. ГОТЬЕ и А. И. ЯКОВЛЕВА.

- I. вып. Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣль-
ныхъ. Ц. 85 к.
- II. „ Памятники исторіи Велиаго Новгорода. Ц. 55 к.
- III. „ Акты, относящіеся къ исторіи Земскихъ соборовъ. Ц. 50 к.
- IV. „ Памятники исторіи Смутаго времени. Ц. 65 к.
- V. „ Основные законодат. акты, касающіеся высшихъ государ-
ств. учреждений въ Россіи XVIII и первой четверти
XIX ст. Ц. 65 к.
- VI. „ Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв. Ц. 1 р. 60 к.
- VII „ Памятники законодательства Петра Велиаго Ц. 80 к.
- VIII. „ И. Посошковъ. О скудости и о богатствѣ.

Складъ изданій для Москвы: книжный магазинъ Бр. Балшаковыхъ,
Мясницкая, 24.

Складъ изданій для С.П.Б.: кн. маг. „Право“, Владимірскій, 19.